

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова»

М. Л. Дорофеенко

**ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ
ТОПОНИМЫ
БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ:
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
ПОЛЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П. М. Машерова
2026*

УДК 81'373.21(476+44)
ББК 81.053.16(4Беи)+81.053.16(4Фра)
Д69

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Белорусского государственного университета. Протокол № 3 от 29.10.2025.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П. М. Машерова. Протокол № 11 от 24.11.2025.

Автор: докторант кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент **М. Л. Дорофеенко**

Р е ц е н з е н т ы :
профессор кафедры славянских языков
Белорусского государственного университета иностранных языков,
доктор филологических наук, профессор *А. А. Романовская*;
профессор кафедры языкоznания и лингводидактики
Белорусского государственного педагогического университета
имени Максима Танка, доктор филологических наук, профессор *Т. Г. Трофимович*

Дорофеенко, М. Л.
Д69 Внутрипоселенческие топонимы Беларуси и Франции: национально-культурные особенности полевой организации : монография / М. Л. Дорофеенко. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2026. — 212 с.
ISBN 978-985-30-0282-9.

В монографии отражены результаты исследования подсистемы внутригородских и внутрисельских номинаций, связанных с категорией пространства. В издании проанализирован понятийный аппарат внутрипоселенческой топонимики в русско- и франкоязычной лингвистике. На основе анализа урбанонимов административных центров районов Витебской области Беларуси, административных центров (префектур) департаментов Большого восточного региона Франции, других крупных поселений и населенных пунктов, играющих значительную роль в истории регионов и в целом стран, а также виконимов, зарегистрированных в больших сельских населенных пунктах Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции, выявлена полевая организация внутрипоселенческой топонимии, смоделирован фрагмент топонимической картины мира — лингвокультурологическое макрополе «Место».

Книга адресована преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам, научным сотрудникам и всем, кто интересуется внутрипоселенческой топонимией. Может быть использована учителями общеобразовательных школ, гимназий, лицеев в образовательном и воспитательном процессе.

УДК 81'373.21(476+44)
ББК 81.053.16(4Беи)+81.053.16(4Фра)

ISBN 978-985-30-0282-9

© Дорофеенко М. Л., 2026
© Оформление. ВГУ имени П. М. Машерова, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	11
1.1 Основные направления сопоставительного исследования внутрипоселенческих названий	11
1.1.1 <i>Представления об ономастическом пространстве в белорусском, русском и французском языкоизнании</i>	11
1.1.2 <i>Изучение топонимов в рамках системно-структурной парадигмы</i>	14
1.1.3 <i>Изучение топонимов с позиций антропоцентризма</i>	20
1.2 Категориальный аппарат и номинационные стандарты внутрипоселенческой топонимики как отражение национальных ономастических традиций	26
1.2.1 <i>Национальные терминологические системы в сфере изучения внутрипоселенческих названий: актуальное состояние, пути развития</i>	26
1.2.2 <i>Категоризация объектов в единицах метаязыка внутрипоселенческой топонимики</i>	33
1.2.3 <i>Топонимическая политика и регламентация наименования объектов в населенных пунктах Беларуси и Франции</i>	48
1.3 Лингвокультурологический инструментарий в исследовании внутрипоселенческой топонимики	66
1.3.1 <i>Национальная топонимическая картина мира</i>	66
1.3.2 <i>Интерпретация внутрипоселенческих топонимов как текстов культуры</i>	70

<i>1.3.3 Лингвокультурологическое поле как метод исследования системной организации внутрипоселенческой топонимии</i>	73
Выводы по главе 1	76
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ	79
2.1 Строение внутрипоселенческого топонима	79
2.2 Номенклатурные термины внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции	81
2.3 Компонентная структура внутрипоселенческой топонимии	91
2.3.1 Структурные модели урбанонимов	91
2.3.2 Структурные модели виконимов	96
Выводы по главе 2	98
ГЛАВА 3. ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ	101
3.1 Полевая организация внутрипоселенческой топонимии	101
3.2 Лингвокультурологическое макрополе «Место» во внутрипоселенческой топонимии	103
3.3 Лингвокультурологическое макрополе «Место» во внутригородской топонимии	107
3.3.1 Лингвокультурологическое микрополе «Урбанонимные ориентиры»	108
3.3.2 Лингвокультурологическое микрополе «Топонимные ориентиры»	114
3.3.3 Лингвокультурологическое микрополе «Физико-географические особенности»	122
3.3.4 Лингвокультурологическое микрополе «Архитектурные ориентиры»	129
3.3.5 Лингвокультурологическое микрополе «Пространственные характеристики»	136

3.3.6 Лингвокультурологическое микрополе «Параметрические характеристики»	143
3.4 Лингвокультурологическое макрополе «Место» во внутрисельской топонимии	146
3.4.1 Лингвокультурологическое микрополе «Физико-географические особенности»	148
3.4.2 Лингвокультурологическое микрополе «Архитектурные ориентиры»	149
3.4.3 Лингвокультурологическое микрополе «Виконимные ориентиры»	149
3.4.4 Лингвокультурологическое микрополе «Топонимные ориентиры»	150
3.4.5 Лингвокультурологические микрополя пространственных и параметрических характеристик	151
Выводы по главе 3	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	160
Библиографический список	160
Список публикаций автора монографии (разделов в коллективных монографиях, статей в журналах, материалах конференций), на которые есть ссылки в тексте	206

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВБ — виконимия Беларуси;

ВФ — виконимия Франции;

УБ — урбанонимия Беларуси;

УФ — урбанонимия Франции;

ЛМАП — лингвокультурологическое макрополе;

ЛМИП — лингвокультурологическое микрополе;

ЛП — лингвокультурологическое поле;

НКК — национально-культурный компонент;

НТ — номенклатурный термин;

ТК — тематический класс;

пер. — переулок;

ул. — улица;

ПНВС-1 — первое издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской;

ПНВС-2 — второе издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской.

ВВЕДЕНИЕ

Топонимная лексика любого языка — организованная и упорядоченная система, изучение которой характеризуется высокой значимостью не только для ономастики, но и для лингвистики в целом. Перспективной представляется антропоцентрическая направленность в изучении названий географических объектов, которая ориентирует лингвистов на исследование единиц топонимической системы в тесной взаимосвязи с мыслительной и духовно-практической деятельностью человека, что позволяет представить эту систему как продукт познавательной деятельности социума. Взаимодействие науки об именах собственных с лингвокультурологией — актуальный интегративный процесс, поскольку имена собственные содержат в себе богатейшую историческую, культурную, этнографическую информацию. Исследование проприальных единиц в тесной связи с тем, что известно о человеке, его мышлении, знаниях, культурных ценностях, исторической памяти, духовно-практической деятельности позволяет осуществить моделирование фрагмента языковой картины мира, отраженного в коллективном сознании жителей определенной местности и выраженного в системе названий.

Предлагаемая вниманию читателя монография отражает результаты первого в белорусской ономастике сопоставительного исследования лингвокультурных особенностей внутрипоселенческой топонимии двух стран — Беларуси и Франции. Работа была выполнена на материале урбанонимов административных центров районов Витебской области Беларуси, административных центров (префектур) департаментов Большого восточного региона Франции, других крупных поселений и населенных пунктов, играющих значительную роль в истории регионов и в целом стран, а также виконимов, зарегистрированных в больших сельских населенных пунктах Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции¹.

¹Источниками белорусских внутрипоселенческих названий послужили данные Национального Кадастрового агентства, информация с сайта Белпочты (<https://bel-index.by/>), французских — сведения интернет-портала городов и мэрий (<https://www.annuaire-mairie.fr/>). Кроме того, белорусские и французские имена собственные извлекались из историко-краеведческих изданий, картографических материалов, сайтов поселений.

Объектом исследования выступили внутригородские и внутрисельские названия, кодирующие сведения о географическом пространстве.

Рассмотрены все разновидности внутрипоселенческих топонимов — автономные разряды ономастической лексики, которые дифференцируются по шести критериям (лексико-семантическому, номинационному, структурному, грамматическому, лингвокультурологическому, терминологическому): урбанонимы (наименования внутригородских объектов — годонимы, дромонимы, агоронимы, названия парков, скверов) и виконимы (наименования внутрисельских объектов).

Научная новизна монографии определяется, во-первых, антропоцентрическим подходом, ставшим приоритетным в изучении топонимной лексики, позволяющим углубить знания о национально-культурной специфике белорусской внутрипоселенческой топонимии в сравнении с французской. Использование антропоцентрического подхода позволило автору поставить и решить ряд новых задач, к которым можно отнести определение специфики внутрипоселенческого топонимикона как особого фрагмента языковой картины мира; выявление в урбанонимах и виконимах культурно обусловленных сведений об окружающем пространстве; сопоставление национальных традиций в сфере терминообозначения названий внутрипоселенческих объектов и топонимической политики.

Во-вторых, в рамках исследования впервые предложено осмысление фрагмента внутрипоселенческой топонимии как ономастической подсистемы, отражающей категорию «пространство» через представление географических особенностей территории. При этом в сферу изучения был вовлечен ранее не исследованный в сопоставительном аспекте материал, что позволило выявить национально-специфические особенности, свойственные белорусской (русскоязычной) и французской топонимической подсистемам.

Актуальность данного монографического исследования обусловлена теоретическими и практическими задачами, стоящими перед современной ономастикой. Так, назрела необходимость восполнить лакуны в изучении такого существенного сегмента топонимической картины мира, как внутрипоселенческие номинации, расширить существующие научные представления о национально-культурной специфике белорусской внутрипоселенческой топонимии на фоне топонимических единиц неблизкородственной лингвокультуры.

Практические задачи связаны в первую очередь с потребностями сопоставительной ономастической лексикографии, для развития

которой, наряду с подготовкой корпусов разноязычных ономастических единиц, необходима разработка ее теоретических основ, что возможно только на основе анализа обширного эмпирического материала.

Актуальность исследования подтверждается и его прикладными аспектами, прежде всего возможностью применения на всех этапах образовательного процесса с целью формирования социокультурной компетенции учащихся, а также в деятельности местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов с целью повышения эффективности реализации топонимической политики и т. д.

Важным аспектом исследования является анализ категоризации топонимических объектов, выражющейся в специальной терминологии. Метаязыки внутрипоселенческой топонимики в ономастических исследованиях разных стран не являются абсолютно симметричными. В белорусской, русской и французской терминологических подсистемах обнаруживаются как лакуны, так и избыточность. С одной стороны, не в каждой стране могут существовать идентичные явления, требующие номинации (более того, даже при функционировании в двух терминологических системах одинаковых терминов их значения не всегда совпадают). С другой стороны, расхождения в значении и употреблении терминов обусловлены различными теоретическими подходами к исследованию ономастической терминологии в целом и отдельных разрядов онимной лексики в частности. Вместе с тем в интересах международного научного взаимодействия (которое в рамках ономастики очень развито) и сопоставительных исследований имен собственных, чтобы понятия, обозначающие внутригородские и внутрисельские названия, стремились к максимальной эквивалентности и были минимизированы расхождения в вопросе о границах ономастических понятий. Этим объясняется то значительное внимание, которое автор уделяет метаязыку исследования — уточнению значений терминов в разных языках.

В целом монография посвящена концептуальному развитию на материале топонимии такого актуального научного направления в современной лингвистике, как сопоставительная лингвокультурология. Методологию исследования определила идея лингвокультурологического поля, основанная на значимости полевого метода при исследовании языка. (Примечательно, что теория лингвокультурологического поля широко применялась на материале лингвистических единиц различных языков, однако не использовалась в отношении

имен собственных). Ключевым в работе является понятие **лингвокультурологического макрополя** (концепция лингвокультурологического макрополя базируется на представлении о макрополе с одной стороны и учении о лингвокультурологическом поле — с другой). Лингвокультурологическое макрополе представляет собой синтез языковых и внеязыковых знаний и базируется, с одной стороны, на общенациональной лингвокогнитивной базе, а с другой — на этнически окрашенном миропонимании конкретного народа. Материал внутрипоселенческих топонимов названных регионов Беларуси и Франции позволил автору моделировать два лингвокультурологических макрополя — «Память» и «Место», которые составляют важный фрагмент языковой картины мира. В этой книге мы рассмотрим только одно из них — макрополе «Место».

Человек выделяет значимые признаки реалий окружающего мира и дает им оценку через наименование объекта, транслируя таким образом свои ценности. В монографии проанализированы внутригородские и внутрисельские названия, которые формируют лингвокультурологическое макрополе «Место» и отражают комплексные сведения о территории, на которой они расположены. В урбанонимной и виконимной подсистемах Беларуси и Франции лингвокультурологическое макрополе «Место» включает шесть лингвокультурологических микрополей, которым в разных лингвокультурах свойственна различная корреляция элементов: «Физико-географические особенности», «Архитектурные ориентиры», «Урбанонимные / виконимные ориентиры», «Топонимные ориентиры», «Пространственные характеристики», «Параметрические характеристики», — которым свойственна несовпадающая корреляция элементов. В рамках рассмотренного подхода подсистемы внутрипоселенческой топонимии классифицированы в монографии с учетом национально-культурной специфики на основе следующих критерииев: тематическая общность, презентация национально-культурной составляющей, структурно-грамматические характеристики.

Таким образом, предлагаемая вниманию читателя монография может компенсировать отсутствие исследований, сосредоточенных на закономерностях и специфике внутрипоселенческой топонимии и выполненных в рамках сопоставительной лингвокультурологии, на фоне возрастающего интереса современной лингвистики к тому, как языковые, в том числе ономастические, единицы отражают национальное мировосприятие и мировоззрение.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

ИЗУЧЕНИЯ

ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ

В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Изучение внутрипоселенческих топонимов в сопоставительном аспекте необходимо для понимания истории, культуры и языка народов, а также для установления связей между различными территориями и их населением. Сравнение номинативных единиц разных регионов позволяет установить как общие закономерности, так и национально-специфические черты, свойственные наименованиям географических объектов в населенных пунктах разных стран, а также раскрыть языковые контакты и культурные заимствования.

1.1 Основные направления сопоставительного исследования внутрипоселенческих названий

Имена собственные — важный элемент языка и культуры, обеспечивающий индивидуализацию, различие и понимание в различных сферах жизни. Будучи национально и культурно маркированными знаками, они представляют собой особенно важный объект для сопоставительных исследований.

1.1.1 Представления об ономастическом пространстве в белорусском, русском и французском языкоznании

Известная и традиционная языковая оппозиция «оним» — «апеллятив» является универсальной для любого языка и основывается на сопоставлении уровня семантической содержательности проприальных и нарицательных единиц. Именам собственным свойственны две наиболее существенные характеристики: а) они обеспечивают индивидуализацию людей, мест, предметов и других понятий, то есть дают указание на конкретный, уникальный объект или существо; б) хранят и транслируют историческую, социальную и культурную информацию. В ономастике имеется значительное количество работ, посвященных установлению статуса и определению

специфики имени собственного как языковой единицы, а также общим вопросам ономастики (ср. исследования А. В. Суперанской [1], В. А. Никонова [2], В. Д. Бондалетова [3] и др. в русистике; P. Fabre [4], M.-N. Gary-Prieur [5], S. Leroy [6], J.-L. Vaxelaire [7], C. Leguy [8] и т. д. во французской лингвистике).

Термин «ономастическое пространство», который принято использовать для обозначения совокупности всех собственных имен одного языка, а также описания системного характера отношений между именами собственными, восходит к несколько более раннему терминосочетанию *топономастическое пространство* [9] и употребляется в русском языкоznании с 60-х гг. XX в. А. В. Суперанская подробно описала сущность и составные элементы этого понятия [1, с. 138–148], а также систематизировала обозначения классов называемых объектов и соответствующих им ономастических разрядов. Н. В. Подольская предложила следующее определение ономастического пространства: «комплекс собственных имен всех разрядов, употребляемых в языке данного народа в данный период» [10, с. 104]. Во втором издании своего словаря автором уточнено, что эти имена собственные используются «для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов» [11, с. 95]. Франкоязычный переводной аналог термина *espace onomastique* ‘ономастическое пространство’ не получил распространения во французской ономастике. Для обозначения проприальных единиц употребляются преимущественно обозначения *noms propres* ‘имена собственные’, *onomastique* ‘ономастика’, а также термины, относящиеся к совокупности имен какого-либо ономастического разряда (ср. *anthroponymie* ‘антропонимия’, *toponymie* ‘топонимия’ и т. д.) или обозначающие репертуар имен собственных какого-либо этноса в данный временной период (например, *onomasticon* ‘ономастикон’, *anthroponomasticon* ‘антропонимикон’, *toponomasticon* / *toponymicon* ‘топонимикон’). Как пишет А. Gałkowski, «в традиции ономастических исследований ономастикон — это набор имен собственных, принадлежащих к одной или нескольким категориям, в частности, к названиям мест и людей. Иногда в лингвистике или других гуманитарных науках этот термин использовался как эквивалент ономастики, то есть изучения имен собственных в целом» [12, с. 105]. Частично классификация французских имен собственных представлена в работе M. Mandola, которая отмечает, что «границы между категориями имен собственных не всегда четкие» [13, с. 63] и сопоставляет польскую и французскую ономастическую классификации [13],

в исследованиях французских ученых B. Daille, N. Fourour, E. Morin, изучающих категоризацию [14] и распознавание имен собственных в корпусе [14, 15]. К научным источникам, в которых представлена ономастическая терминология, закрепившаяся во французском языке, можно отнести «*Liste des mots-clefs en Onomastique*» ‘Список ключевых слов по ономастике’, подготовленный терминологической группой при Президиуме Международного совета ономастических наук [16], а также «*Glossary of Terms for the Standardization of Geographical Names*» ‘Глоссарий терминов по стандартизации географических названий’ [17].

В современном языкоznании превалируют три направления изучения ономастического пространства.

1. Определение сущности ономастического пространства, установление его границ, структуры, включающей ядерно-периферийные отношения между именами собственными. Данное направление более развито в русистике. В основном традиционной признается полевая модель, выдвинутая В. И. Супруном [18], которая обусловлена наличием ядерно-периферийных отношений между взаимосвязанными именами собственными. По мнению ученого, ядром русской онимии являются антропонимы, околоядерное пространство составляют мифонимы, теонимы, зоонимы и, возможно, этнонимы, а в периферию входят документонимы, прагмонимы, эргонимы и другие менее значительные по объему разряды, которые обладают чертами апеллятивно-онимического пограничья [19, с. 9]. Однако существует мнение, что вопрос о месте ономастических единиц в общей системе языка пока не получил однозначного решения. Так, А. С. Щербак замечает: «описывая системность ономастической лексики, исследователи не могут не отметить достаточно размытые иерархические отношения между разрядами» [20, с. 54].

2. Анализ ономастического пространства художественного произведения, представленного в виде совокупности поэтонимов (имен в художественной литературе), выполняющих в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Данное направление популярно как в белорусской и русской, так и во французской ономастике. Анализ имен собственных является неотъемлемой частью изучения языка художественной литературы, в которой онимы занимают важнейшее место в ряде других лексических пластов. Как известно, в художественных текстах имена собственные не только вызывают ассоциации и передают определенные чувства, но и помогают раскрыть художественную

картину мира писателей, а также постичь созданные образы и психологию творчества авторов. При этом можно выделить работы, посвященные: а) совокупности имен собственных в литературном тексте (Ю. А. Карпенко, О. И. Фонякова, М. В. Горбаневский, В. В. Шур, А. Ф. Рогалев, А. Н. Деревяго, Е. Ю. Муратова; D. de Camilli, Y. Hervé, Cl. Le Guillou, C. Hromedova, H. Akir, B. Weis, Y. Baudelle); б) определенным разрядам либо даже лексическим единицам — антропонимам (Л. К. Никитина, Е. А. Анисимова, А. Н. Деревяго, H. Akir, A. Lorig и др.) и топонимам (В. В. Шур, А. Н. Деревяго, J. Lerale, M. Arrivé, H. Hakkak, J.-Cl. Bouvier, M. Verriest, J.-L. Vaxelaire и др.).

3. Исследование региональных ономастических пространств, которое связано с изучением отражения региональной идентичности в онимных системах (в основном в поле зрения ученых оказываются различные разряды антропонимов и топонимов). Региональное ономастическое пространство транслирует специфическую лингвокультурную информацию. Уникальность ономастического пространства региона связана с историческими и культурными традициями народа, его бытовым опытом и верованиями. Имена собственные формируются и функционируют в условиях определенной языковой среды, создающей особое лингвокультурологическое пространство. Подобные исследования проводятся как на актуальном ономастическом материале, так и на темпорально отдаленном.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что в белорусистике и русистике ономастические исследования характеризуются более высоким уровнем теоретической разработанности; в частности, славянская терминологическая система более развита, чем аналогичная французская. Классификация имен собственных, принятая в русистике и белорусистике, в целом применима и для французского языка, т. к. обнаруживается ряд значимых типологических сходств. Хотя во французском языке и существуют ономастические метаязыковые глоссарии, некоторые имена собственные изучаются без использования специальных терминов. При этом доминируют работы, посвященные исследованиям антропонимов и топонимов.

1.1.2 Изучение топонимов в рамках системно-структурной парадигмы

Системно-структурная научная парадигма в лингвистике характеризуется первоочередным интересом к современному состоянию языка, синхронии. Язык рассматривается как системное образование, все единицы которого связаны определенными отношениями

(синтагматическими, парадигматическими), закономерными и стабильными. Основное внимание лингвистов направлено на описание свойств языковых систем, специфику их единиц, изучение общего и частного, свойственного разным языкам. В рамках данной парадигмы исследования изначально были ориентированы на предмет, вещь, имя, поэтому «в центре внимания находилось слово» [21, с. 5] и язык как объект рассматривался изолированно от внеязыковых феноменов.

Становление топонимики как специальной отрасли языкоznания (60-е гг. XX в.) приходится как раз на период расцвета системно-структурной парадигмы. Объект ее постепенно расширялся: если вначале внимание исследователей привлекали имена естественных географических объектов, то в последние десятилетия лингвисты все больше интересуются внутрипоселенческими топонимами — урбанонимами (названиями внутригородских объектов) и виконимами (названиями внутрисельских объектов). Обзор работ, посвященных изучению данных видов онимов, показал, что ономасты добились значительных успехов в нескольких аспектах исследований: структурном, словообразовательном, номинативном, семантическом (этимологическом).

Уже в рамках системно-структурного описания топонимов начали проявляться элементы, характерные для новой парадигмы, формирующейся на основе когнитивного подхода к языковым единицам. Этому способствовали в первую очередь сопоставительные исследования, которые сегодня представляются особенно актуальными и эффективными с точки зрения приращения знаний о географических наименованиях. Сопоставительный анализ топонимов, принадлежащих одной лингвокультуре, с единицами другой, выход за рамки одной языковой системы дает возможность увидеть в номинациях единство, своеобразие и конкретно-языковое выражение «номинативного» мышления общества, построить параллели, определить общее и частное в анализируемых ономастических системах. Кроме того, сопоставительные работы способствуют более основательному познанию свойств собственно внутрипоселенческих наименований, позволяют определить национальное своеобразие онимов на исследуемых территориях. Наиболее многочисленны работы, в которых отражено сравнение отдельных разрядов внутрипоселенческих топонимов славянских языков в номинативном аспекте.

В частности, в сопоставительной ономастике уже имеется опыт компаративного анализа национальных внутрипоселенческих систем. Так, при сопоставлении белорусских и российских урбанонимов и виконимов в рамках номинативного аспекта устанавливаются принципы

наименования улиц Витебска и Ижевска (А. М. Мезенко [22]). Широко распространена практика исследования особенностей формирования и функционирования названий, расположенных в населенных пунктах белорусско-российского приграничья, в частности, и Витебской и Смоленской областей, в общем. Разноспектное изучение феномена приграничья [23, с. 95] также основано на исследовании урбанонимов и виконимов. В работе А. М. Мезенко «Названия городов белорусско-российского приграничья в урбанонимном отражении: сходство и различия» определены общие номинативные характеристики некоторых категорий белорусских и российских внутригородских названий: а) в XX — начале XXI в. в состав урбанонимов, образованных от названий городов, «все чаще входят, выполняя дополнительную функцию символов добрососедских отношений, названия, присвоенные в честь других городов страны или городов других государств» [23, с. 93]; б) названия месяцев в белорусской и российской урбанонимии отражают влияние идеонимии (прежде всего, имен исторических событий) на внутригородские именования [см.: 24, с. 99]; в) «имена ученых в роли урбанонимов превращаются в символизированные сущности, воплощающие ценностное содержание» [25, с. 56]. В поле зрения ученых оказываются и эргонимические единицы в их отношении к внутрипоселенческому пространству, например, названия отелей [26].

В наших работах, посвященных внутрисельской топонимии Витебщины и Смоленщины, мы выявили следующие сходства: 1) в обеих топонимических подсистемах принципы номинации одинаково ранжируются по степени значимости, однако их количественные соотношения могут отличаться (М. Л. Дорофеенко; 1–ДМЛ); 2) зарегистрированы тождественные тематические группы внутрисельских названий, характеризующих свойства и качества линейных объектов [2–ДМЛ, с. 88–89]; большинство частотных виконимов, соответствующих принципу номинации линейного объекта по отношению к другим объектам, описывают расположение относительно природного объекта (реки, озера, горы), а также к линейному объекту (дороге)» [3–ДМЛ]. К отличиям двух национальных онимных подсистем можно отнести различные номинативные приоритеты в составе виконимов, отражающих связь с населенным пунктом и его объектами: если в Витебском районе отмечается преобладание единиц, указывающих на связь с поселением, то в Смоленском — отвиконимных названий, апеллирующих к другим внутрисельским линейным объектам [4–ДМЛ, с. 118].

На основе сопоставления белорусских и польских виконимов установлено, что в восточно- и западнославянской лингвокультурах внутрисельские названия также соответствуют четырем принципам номинации, количественная реализация которых разнится в двух подсистемах [5–ДМЛ, с. 97].

Сопоставительные исследования белорусских и неславянских внутрипоселенческих названий не столь многочисленны, но не менее разнообразны по привлекаемому материалу. Такие работы посвящены преимущественно установлению номинативных особенностей внутрипоселенческих названий разных стран: урбанонимов Беларуси и Китая (Ван Ли [27]); эргонимов Беларуси и Вьетнама (И. Э. Ратникова, Т. Б. Хоанг [28; 29]); урбанонимов Беларуси и Франции (М. Л. Дорофеенко [6–ДМЛ; 7–ДМЛ; 8–ДМЛ; 9–ДМЛ]) и виконимов Беларуси и Франции (М.Л. Дорофеенко [10–ДМЛ]). Имеются работы, в которых проанализированы структурные и грамматические особенности белорусских и китайских ойкодомонимов (Ван Ли [30]), урбанонимов (Ван Ли [27]), белорусских и вьетнамских эргонимов (Т. Б. Хоанг [31]).

Кроме того, в круг вопросов сопоставительной ономастики попали термины внутрипоселенческой топонимии, а также организация внутрипоселенческой топонимии (см. работы автора монографии, посвященные терминологии [11–ДМЛ; 12–ДМЛ; 13–ДМЛ] и структуре внутрипоселенческой топонимии [14–ДМЛ; 15–ДМЛ]).

Сопоставительные работы на основе французских и франкоязычных номинативных единиц немногочисленны. Объектами подобных исследований выступили следующие разновидности имен собственных: а) французские и португальские урбанонимы (G. Augustins [32]); б) французские, испанские и русские отелонимы (фр. *hôtelonyme*) — названия отелей, гостиниц и т. д. (Г. В. Овчинникова и А. С. Овчинникова [33]). Последняя работа затрагивает семантический аспект, связанный с онимизацией и трансонимизацией. Так, авторы отмечают, что использованный в исследовании «компонентный анализ служит основой для выявления основных сем, дифференциальных сем и потенциальных сем, которые показывают нам семантический разрыв между нарицательным и собственным именем при трансонимизации» [33, с. 182].

Русские номинативные единицы также становятся предметом сопоставительного анализа. Ср. исследования следующих ономастических единиц: а) русских и китайских урбанонимов (Е. Э. Иванова, Лань Лин [34,]); б) русских и тайваньских наименований памятников

и монументов (М. Ю. Криницкая, Ч.-С. Вэй [35]); в) детских эргоурбонимов (С. О. Горяев [36]).

Имеются работы, посвященные сопоставительному исследованию урбанонимов преимущественно в номинативном аспекте (например, определяются принципы номинации внутригородских объектов Волгограда и Ковентри (М. Н. Козинцева [37]); мотивировка и формы номинаций лондонских и московских станций, содержащих антропонимы (О. В. Вострикова и Е. А. Паймакова [38]); состав номенклатурных терминов объектов городского пространства на примере Москвы, Софии и Варшавы (М. М. Масальская [39]); лексико-семантические особенности урбанонимов Москвы и Худжанда (Г. Х. Ибрагимова [40]).

Во франкоязычной ономастике есть работы, посвященные фемининным внутригородским названиям в польском и итальянском языках [41], а также сравнению невнутрипоселенческих именований: метаморфозам модифицированного имени собственного в русском и французском языках (E. Shokhenmayer [42]); некоторым частным проблемам этимологизации личных имен, засвидетельствованных в памятниках латинской эпиграфики, которые найдены в приальпийских областях, в частности, в Транспаданской Галлии, Венетии, Истрии, Паннонии и Норике (B. M. Prósper [43])).

В русскоязычной сопоставительной ономастике имеется также опыт изучения иных разрядов онимов, принадлежащих лингвокультурам разных стран. Можно выделить две большие подгруппы сопоставляемых единиц — названия географических объектов и собственные имена людей, причем первая проанализирована более детально. Так, существуют исследования следующих разрядов и групп онимов:

- названий географических объектов в целом (идиоэтнических топонимов России и Казахстана (К.М. Головина [44]); топонимии сербского и хорватского поэтического фольклора (И. О. Казакова [45]); топонимической лексики Великобритании и США (А. В. Уразметова [46]); топонимической системы белорусско-российского приграничья (О. С. Евсеева [47])); топонимов России и Китая с цветовым компонентом (Лю Лу [48]); структурных и этимологических особенностей топонимов (оиконимов), катоиконимов и топонимических перифраз Испаноамерики и Бразилии (М. Радович [49]);

- названий поселений, в том числе городского типа (структурных и семантических особенностей оиконимических единиц России и Китая (Ли Иньин [50]), пространственных ориентиров в оиконимии

Витебской и Смоленской областей (В. М. Генкин [51]), астионимов Витебщины и Смоленщины (В. М. Генкин [52]);

– названий природных микрообъектов: микротопонимов Беларуси и Словакии (О. И. Копач [53]), гелонимов (названий болот) Беларуси и США (О. И. Копач [54; 55; 56]);

– названий внутригородских объектов (неофициальной топонимии Беларуси и России (Д.В. Бутеев [57]).

Исследуются и особенности собственных имен людей на материале двух (подобные работы преобладают) и трех лингвокультур: антропонимы России и Казахстана в сопоставительном аспекте (К. М. Головина [44]); структурные и лексико-семантические особенности систем личных имен в английском, русском и азербайджанском языках (Л. М. Гоюшова [58]); фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках (Г. З. Дарзаманова [59]); философские и логико-методологические основы теории номинации на материале собственных имен России и Англии (А. А. Чернобров [60]); антропонимические традиции итальянского, испанского и русского народов (Ю. А. Рылов [61]).

Реже встречаются научные труды, посвященные анализу каких-либо других разрядов имен собственных (ср. работы, в которых исследуется переход имен собственных в имена нарицательные в английском, немецком, татарском языках (И. Ф. Габдуллина [62]); изучаются астронимы России и Китая, их семантико-мотивировочные модели (М. А. Сидоренко [63]); исследуются сходства и различия в принципах и способах номинации названий российских и британских телепередач (М. М. Сулейман [64]).

Во франкоязычной ономастике компаративные работы малочисленны. В основном они посвящены различным аспектам изучения антропонимов, в частности: а) их модификациям в процессе перевода / передачи на другие языки с французского: переводу французских модифицированных имен собственных на шведский язык (K. Jonasson [65]); б) изменению имени собственного при переводе на десять других европейских языков (É. Lecuit [66]); в) сопоставительному изучению антропонимов английского и французского языков на основе двуязычного сборника стихов ирландского поэта Дерека Махона, переведенных на французский язык Жаком Шуто (M. Boisseau [67]; г) именам собственным в скандинавских и французском языках (K. Gadelii [68]); д) прототипической структурации категории имени собственного во французском и испанском языках

(M. Rangel Vicente [69]). Ономастическая терминология также анализировалась в сопоставительном аспекте: исследованы статус имени собственного в целом и топонима в польском и французском языках (M. Mandola [70; 71]; апеллятивация имени во французском и немецком языках (V. Balnat [72]).

Таким образом, в рамках системно-структурной парадигмы ономастические единицы рассматриваются как элементы целостной системы, в которой каждый объект занимает свое место относительно других. Научные исследования представителей системно-структурного подхода ориентированы преимущественно на характеристику и формирование ономастической системы, определение специфики ее конституентов, установление общего и различного в организации проприальных единиц разных языков.

1.1.3 Изучение топонимов с позиций антропоцентризма

В рамках антропоцентризма происходит «переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т. е. анализируется человек в языке и язык в человеке» [21, с. 5]. Нельзя не согласиться с В. А. Масловой, полагающей, что антропоцентрический подход расширяет горизонты лингвистики, дает возможность обратить внимание на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека, поэтому актуально рассмотрение языка «с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека» [73, с. 4.].

В антропоцентрически ориентированной ономастике языковые номинации рассматриваются в тесной связи с человеком, его мышлением и духовно-практической деятельностью. В именах собственных специфическим образом отражается окружающий мир, а также сам человек как часть этого мира, его ментальность. Именно поэтому комплексное изучение ономастической лексики может «способствовать решению глобальной задачи системного описания имен собственных с позиций антропоцентризма, формирующего новую научную парадигму современного языкознания» [74, с. 121].

Ономастикон как городского, так и сельского населенного пункта содержит ценные сведения об истории, культуре, тенденциях развития языка, определяет уникальный культурный опыт народа, поскольку чувствителен к изменениям, происходящим в обществе. В настоящее время в работах ономастов активно развивается изучение различных номинаций в контексте культуры.

В русскоязычной лингвистике многочисленны работы, посвященные собственно теоретико-методологическим вопросам современной антропоцентрической лингвистики и антропоцентрической парадигмы в языкоznании (О. Ю. Кущева, Е. Н. Татаринцева, Е. А. Богданова, С. А. Песина и Т. Ю. Солончак, В. А. Гафурова) и в целом современного гуманитарного знания (Д. И. Иванова, Д. Л. Лакербай). Известны исследования, в которых антропоцентрический подход применяется и к исследованию имен собственных (например, работы И. А. Кюршуновой [75] и др.). Во франкоязычной лингвистике распространены труды, посвященные антропоцентрической парадигме в языкоznании [76], сменам научных парадигм [77].

В связи с этим в лингвистике становятся популярными направления, в которых исследуется взаимодействие языка и культуры, соотношение и взаимосвязи языка и личности, ее сознания, мышления: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, этнолингвистика и т. д. Взгляд на науку об именах собственных, с точки зрения лингвокультурологии, сейчас актуален, так как демонстрирует переход к ономастике антропоцентрической, рассматривающей языковые номинации в тесной связи с человеком, его мышлением, знаниями, культурными ценностями, исторической памятью, духовно-практической деятельностью.

В современной ономастике можно выделить несколько направлений изучения внутрипоселенческих единиц в рамках антропоцентризма.

Лингвокультурологический аспект исследования внутрипоселенческих названий наиболее популярен при изучении взаимосвязи онимов и культуры, а также того, как имена собственные отражают и формируют культуру. Особенно распространены исследования, направленные на определение национально-культурных и лингвокультурных особенностей сопоставляемых онимов. В сопоставительной ономастике уже имеется опыт компаративного анализа следующих белорусских национальных внутрипоселенческих подсистем с аналогичными подсистемами других стран:

- белорусских, польских и болгарских урбанонимов — предпринятый автором анализ оттопонимных названий Минска, Варшавы и Софии позволил выявить «особенности их функционирования на современном этапе как языковых знаков, являющихся памятниками истории и культуры» [78, с. 89]. Имеется также опыт изучения объективации «фемининного» набора гендерной асимметрии в системе названий улиц Славии [79];

- белорусских и российских названий аптек — в результате выявления особенностей современной системы названий аптек в Витебске и Смоленске были установлены группы названий семантической зоны «система» и специфика их использования в сопоставляемых ономастиконах. Так, рассматриваемые проприальные единицы обладают «искусственным характером номинации и, как правило, прозрачностью мотивации. Семантические группы их названий, связанные с указанием на порядок открытия, местоположение, предназначность и статус учреждения, в содержательном аспекте включаются в зону “система”, что находит выражение в лексическом составе изучаемых единиц» [74, с. 124];
- белорусских и вьетнамских эргонимов — автор исследования определил национально-специфические характеристики номинации данных видов объектов (Т. Б. Хоанг [80]);
- белорусских, русских, украинских и польских названий улиц — анализ славянских названий улиц, соотносимых с названиями растительного мира, позволил установить их типологию, особенности функционирования и связь с символикой духовной культуры народа [81, с. 224];
- белорусских и французских урбанонимов — в системном представлении, как результат деятельности коллективной языковой личности, которая называет окружающие объекты, «исходя из собственного восприятия окружающего мира», в результате чего преобладают урбанонимы, мотивированные фамилиями государственных деятелей, участников исторических событий и представителей литературы, искусства и науки [16–ДМЛ];
- белорусских и российских конлокатиононимов, связанных с водными объектами, — такое исследование довольно тесно соотносится с проблемой восприятия географического пространства и пространственных отношений, «получившей в последнее время особую актуальность в филологических и культурологических исследованиях» [82, с. 121];
- белорусских и польских урбанонимов в аспекте гендера — это «может способствовать раскрытию гендерных стереотипов, бытующих в современной культуре, а также установлению специфического культурно-исторического содержания, вкладываемого белорусами и поляками в осмысление действительности» [83, с. 184];
- белорусских, российских и польских урбанонимов меморативного типа — исследование показывает, как внутригородские

названия, содержащие коллективные меморативы, участвуют «в создании ими определенного фрагмента языковой картины мира» [84, с. 253].

Кроме того, объектом сопоставления в лингвокультурологическом аспекте выступают имена собственные разных лингвокультур: гидронимы России и Швейцарии (Т. В. Лиштованная [85]); топонимы России и Англии (Л. Н. Давлеткулова [86]); названия станций метро в Москве и Вене (А. В. Новикова [87]); названия станций метро Лондона и Москвы (А. Ш. Бахмудова, Л. М. Тетакаева [88]).

Сопоставительные работы на основе франкоязычных номинативных единиц также немногочисленны. Объектами подобных исследований уже стали различные разряды онимной лексики:

- французские, английские и русские урбанонимы (Е. А. Сизова [89]);
- английские и французские фразеологические единицы с топонимическим компонентом (А. В. Уразметова [90]); урбанонимические фразеологизмы в английском и французском языках (А. В. Уразметова [91]);
- мемориальные топонимические названия во французском и русском языках (И. Г. Иванова, Е. И. Загайнова [92]);
- артионимы во французском и русском искусствоведческих дискурсах (Н. М. Мухаметгареева [93]).

Еще одно направление изучения внутрипоселенческих топонимов в лингвокультурологическом аспекте — установление кодов культуры и путей их трансляции. «Применение лингвокультурологического подхода в лингвистике дает возможность рассматривать представления людей об окружающей действительности в виде кодов культуры» [94, с. 161]), а внутригородские и внутрисельские названия являются одним из способов их языковой реализации. В настоящее время в данном контексте проанализированы урбанонимы Беларуси, Польши и Болгарии (Ю. Л. Никитина [94]); виконимы Беларуси и Польши (М. Л. Дорофеенко [17–ДМЛ]), а также Беларуси и России (М. Л. Дорофеенко [18–ДМЛ]). Можно выделить следующие коды культуры, общие для трех работ: антропоморфный; топоморфный; эмоционально-характерологический, а также синонимические обозначения кодов: ландшафтный — физико-географический; ботанический — флористический; зоологический — фаунистический; идеологический — социально-идеологический.

Этнолингвистический аспект исследования внутрипоселенческих названий отражает взаимосвязь языка, культуры и мышления,

рассматривает, как имена собственные отражают культурные представления, обычаи и мировоззрение определенного этноса и как культурные факторы влияют на их структуру и функционирование. В сопоставительной ономастике имеются работы этнолингвистического характера, в которых анализируются следующие аспекты различных разрядов имен собственных:

- этнокультурные и этноязыковые характеристики гидронимических пространств гидронимов бассейнов озер Байкала и Лемана (Т.В. Лиштованная [85]);
- семантические и функциональные особенности зоонимов и их семантических и морфологических дериватов (зооморфизмы и отзоонимичных глаголов) русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте (Н. В. Солнцева [95, с. 4]);
- этнонимная составляющая урбанонимов Добруша и Стародуба (А. М. Мезенко и Т. В. Слесарева [96]);
- этноязыковая картина топонимического пространства приграничной территории Северо-Казахстанской области и Российской Федерации (Е. В. Сабиева, М. Е. Какимова, Г. Б. Мадиева, В. И. Суярнов [97]).

Прагмалингвистический аспект исследования внутрипоселенческих названий отражает использование имен собственных в реальных ситуациях общения, рассматривая их с точки зрения широкого контекста, воздействия на слушателя и целей говорящего, а также раскрывает, как номинативные единицы используются для достижения определенных коммуникативных эффектов. Так, М. М. Сулейман исследует названия российских и британских телепередач в прагмалингвистическом аспекте, определяя принципы создания и языковые средства прагматизации названий российских и британских телепередач и характеризуя особенности прагматической адаптации названий телепередач при заимствовании зарубежного телевидения [64, с. 4]. Г. В. Овчинникова и А. С. Овчинникова отмечают, что социокультурный анализ, необходимый для понимания референтного и прагматического значения имен собственных, «помещает нас в прагматический контекст, который является своего рода связующим звеном между языком и обществом» [33, с. 185].

Когнитивный и когнитивно-ономасиологический аспекты исследования внутрипоселенческих названий связаны с выявлением роли человеческого фактора в формировании языковой картины мира, в данном случае топонимической картины мира. В когнитивных исследованиях ономастики на новый уровень выходит проблема

языка и мышления, языка и сознания. В работе, посвященной описанию методики когнитивно-ономасиологического исследования топонимов, отмечается, что «когнитивно-ономасиологический анализ топонимии реконструирует деятельность ее создателя, а потому начать следует со старого элемента, т. е. с классифицирующего компонента» [98, с. 124]. В данном контексте изучены гелонимы Беларуси и США (О. И. Копач [98; 99]). Так, на основе предложенной автором схемы когнитивно-ономасиологического анализа наименований болот Беларуси и США выявлены «особенности восприятия небольших водных объектов и отражение этих особенностей в семантике образующих основ гелонимов, ономасиологических категориях, средствах и способах номинации объектов собственными именами» [100, с. 44].

Таким образом, доминирующим объектом компаративных исследований (которые имеют по преимуществу лингвокультурологическую направленность) выступают отдельные разряды белорусских внутрипоселенческих топонимов и аналогичные ономастические группы других славянских (двух, реже — трех и четырех) лингвокультур. Менее распространены работы, в которых сопоставляются белорусские и неславянские внутрипоселенческие топонимы. Так, в настоящее время ощущается потребность в компаративном изучении топонимии неродственных языков, в частности таком, которое предпринято нами в отношении белорусских (русскоязычных) и французских внутрипоселенческих номинаций.

Как уже отмечалось, белорусские урбанонимы в качестве разновидности внутрипоселенческих топонимов чаще всего выступают объектом компаративного исследования в соотношении со славянскими внутригородскими названиями. Преимущественно это изучение номинативных единиц в нескольких национальных ономастических системах. Работы, в которых сопоставляются белорусские и неславянские внутрипоселенческие топонимы, в частности, западноевропейские, менее распространены. Так, в настоящее время в сферу компаративных исследований вовлекаются белорусские и французские номинативные единицы [6–ДМЛ; 7–ДМЛ; 8–ДМЛ; 9–ДМЛ; 10–ДМЛ]. В данном аспекте проанализированы и некоторые проприальные единицы Беларуси как связанные с населенными пунктами [27; 28; 29; 30; 31], так и относящиеся к другим разрядам ономастической лексики [54; 55; 56]. Французские имена собственные, называющие внутрипоселенческие объекты, анализируются чаще в русскоязычных ономастических работах в сопоставлении с европейскими [32; 33; 89; 95], а также русскими проприальными единицами [89]; наименования,

не связанные с объектами, расположенными в населенных пунктах, — в англо- и франкоязычных исследованиях — с испанскими [69], русскими [42], скандинавскими [68], английскими [67], немецкими [72] названиями [32; 33] и европейскими наименованиями в целом [66].

1.2 Категориальный аппарат и номинационные стандарты внутрипоселенческой топонимики как отражение национальных ономастических традиций

1.2.1 Национальные терминологические системы в сфере изучения внутрипоселенческих названий: актуальное состояние, пути развития

Развитие научных дисциплин, формирование новых теорий и методологических подходов сопряжено с необходимостью создания их терминологического аппарата или его совершенствования. Одной из актуальных задач, стоящих перед ономастами, является упорядочение существующей ономастической терминологии (ее унификация и уточнение значений терминов), так как ее единообразие — необходимое условие верификации полученных данных. По мнению В. И. Супруна, она «нуждается в теоретическом осмыслиении и практическом лексикографическом изложении» [19, с. 138]. Как справедливо замечают В. С. Воеводин и О. И. Копач, «многочисленные аспекты формирования, использования и определения ономастических терминов — это проблема, которая остается в центре внимания ученых-ономастов в течение многих лет» [101, с. 234]. Регламентация терминологического аппарата необходима еще и потому, что со времени публикации первого издания «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [10] прошло уже более 40, а со времени второго издания [11] — более 30 лет, отмеченных появлением новых терминов, употребление которых необходимо привести в систему. Кроме того, упорядочение существующей ономастической терминологии — насущная задача, решение которой необходимо для установления системной организации внутрипоселенческой номинации.

Активное расширение перечня единиц, являющихся объектом ономастики, сопровождается дополнением и корректировкой терминологического аппарата, что делает углубленную разработку ономастической терминологии особенно востребованной. Будучи в целом

интернациональной по генетической характеристике единиц, международная ономастическая терминология является источником разногласий разных национальных школ (прежде всего, расхождения по поводу объема и границ ономастического понятия). Наряду с этим в ономастике остаются актуальными проблемы именования новых явлений, которые могут выступать объектами исследования ([102; 103]).

По мнению Н. В. Васильевой, «одной из причин, вызывающей терминологическое многообразие ономастики, является специфика самого ономастического знания, направленного — особенно в последнее время — на обнаружение новых разрядов собственных имен и на их описание. Такое описание нуждается в этикетировании объектов, в необходимом разграничении их на уровне метаязыка, которое стремится быть все более дробным» [104, с. 373].

Теоретические вопросы ономастической терминологии активно разрабатываются многими учеными-ономастами Беларуси (А. М. Мезенко [105; 106; 107; 108; 109; 110]; Н. В. Бирилло [111]; В. С. Воеводиным и О. И. Копачем [101]; М. Л. Дорофеенко [112; 11–ДМЛ; 12–ДМЛ; 13–ДМЛ; Т. Н. Олиферчик [113]); России (М. В. Горбаневским [114]; В. И. Супруном [19; 115] и Г.Б. Мадиевой [116]; Н.В. Васильевой [104]; Т.П. Соколовой [102]; А. А. Казанковой [117]; В. С. Карташенко [103]; Р. В. Разумовым [118] и С. О. Горяевым [119]; А. Н. Соловьевым [120]; Т. В. Шмелёвой [121; 122]) и других стран (M. Harvalík (Чехия) [123], A. Gałkowski (Польша) [12], I. Valentová (Словакия) [124] и др.). Использование различных ономастических терминов с несовпадающими значениями в нескольких языках можно считать главным препятствием для достижения необходимого понимания практики представления исследований имен собственных на разных языках. Это один из факторов, обуславливающих необходимость унификации ономастической терминологии.

В последнее время появляется все больше работ, посвященных сравнительно-сопоставительному исследованию ономастической терминологии разных стран и языков. При этом наблюдается неоднородность в изучении дефиниций русской и французской внутрипоселенческих систем.

Русской урбанонимной терминологии уделяют внимание многие исследователи (М. В. Горбаневский [114], Р. В. Разумов [118], Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун [116], Р. В. Разумов и С. О. Горяев [119], А. Н. Соловьев [120], Т. В. Шмелёва [121; 122]), французская же внутригородская терминология до сих пор не выступала полноценным объектом исследования и проанализирована лишь

в отдельных работах (научные труды J.-C. Bouvier и J.-M. Guillon [125], M. Mulon [126], B. Atoui [127; 128]).

Исследователи, изучающие ономастическую терминологию в компаративном плане, сопоставляют национальную терминологическую систему имен собственных преимущественно со списком базовых ономастических терминов, подготовленным терминологической группой при Президиуме Международного совета ономастических наук [129] и «Глоссарием терминов для стандартизации географических названий» [17], выработанного в ООН. (Ср. работы Е. А. Хамаевой [130], A. Gałkowski [12], M. Mandola [13] и др., посвященные сравнительному исследованию ономастических терминологий в разных языках). Так, Е. А. Хамаева, рассматривая проблемы современной ономастической терминологии в русской и китайской лингвистических традициях, приходит к выводу, что: 1) существует корпус терминов в европейской и китайской ономастике, в которых обнаруживается их «непроясненность», разнотечения и произвольные толкования; 2) основные ономастические понятия европейской лингвистики используются в китайском языке, но не осуществлены их систематизация, описание и уточнение; 3) обнаруживается и некоторая закономерность [130]. A. Gałkowski, исследуя глобальные ономастиконы в теоретической перспективе, анализирует некоторые термины (среди которых *ономастикон/onomasticon*, *антропономикон/anthroponomasticon*, *топономикон/toponomasticon* и т. д.), зафиксированные в словарях русской ономастической терминологии Н. В. Подольской [10; 11], и приходит к выводу, что в мировом масштабе все больше и больше имен становятся «глобальными» [12]. M. Mandola сопоставляет польскую и французскую ономастические классификации, обращая внимание на их отличия и анализируя в сравнительном аспекте некоторые термины, например, *хрематоним*, *эргоним*, *микротопоним*, *ороним*, *прагматоним*, *хороним*, *годоним* [13].

В рамках сравнительно-сопоставительного анализа национальных терминологических систем можно выделить ряд работ, в которых обсуждаются следующие вопросы: а) деривационные особенности терминов ономастики в русском и английском языках (см. статью В. С. Воеводина, О. И. Копача, в которой авторы устанавливают способы терминообразования для каждого из трех структурных разрядов терминов — простых, сложных и составных [101]); б) проблема составления двухязычных переводных словарей ономастической терминологии (см. работу A. Bölcsei о теоретических основах

англо-венгерского глоссария ономастических терминов [131]); в) важные отличия в терминологии и в дефинициях ключевых терминов списка, разработанного терминологической группой Международного совета ономастических наук (ICOS), разняющихся со словацкой ономастической терминологией (см. публикацию I. Valentová, которая дает характеристику словацкой ономастической терминологии [124]).

Что касается сопоставительного анализа французских и русских терминов, относящихся к сфере внутригородских ономастических названий, то пока он не привлек к себе интереса исследователей. Частично он представлен в работе С. О. Горяева и Р. В. Разумова, посвященной проблеме упорядочивания и адаптации современной российской ономастической терминологии к ее зарубежным, прежде всего западноевропейским версиям [119]. Материалом для анализа в этой статье послужили термины и их дефиниции, содержащиеся в двух изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [10; 11], списках базовых терминов ICOS и их дефиниций на английском, французском и немецком языках. Авторы уделяют внимание трем базовым терминам ICOS, которые могут иметь отношение к урбанизму, в их проекции на русскую ономастическую терминологию: 1) *годоним*; 2) *оиконим*; 3) *топоним* [119].

В наших работах, посвященных сопоставительному ономастическому терминоведению, установлены базовые компоненты ономастического пространства белорусского и французского городов [11–ДМЛ]; на основе анализа основных терминов, используемых для обозначения разрядов названий внутригородских объектов в белорусской, русской и французской ономастике показано, каких уточнений требует терминологический аппарат, относящийся к городскому онимному пространству (при соотнесении тех или иных названий в данных системах не всегда совпадает объем понятий; наблюдаются как терминологические лакуны, так и терминологическая избыточность) [13–ДМЛ].

Материалом исследования для данного раздела послужили русскоязычные внутрипоселенческие ономастические термины и их эквиваленты во французском языке. Источниками для выборки русскоязычных терминов явились два издания «Словаря русской ономастической терминологии» [10; 11]; учебное пособие «Белорусская ономастика. Топонимия» [108], монографии «Белорусское Поозерье: культура — ономастика — социум» [109], «Белорусское Поозерье на ономастическом ландшафте малой родины» [110], в которых содержится краткий словарь топонимных терминов; а также посвященные

соответствующей проблематике терминологические работы (белорусских (А. М. Мезенко [106; 107; 132]; В. С. Воеводина и О. И. Копача [101]; М. Л. Дорофеенка [112; 13–ДМЛ] и др.) и российских ономастов (М. В. Горбаневского [114], В. И. Супруна [19; 115], Р. В. Разумова [118], Г. Б. Мадиевой и В. И. Супруна [116], А. Н. Соловьёва [120], Р. В. Разумова и С. О. Горяева [119], Т. В. Шмелёвой [121; 122] и др.). Франкоязычные термины были извлечены из работ «*Liste des mots-clefs en Onomastique*» [16] и «*Glossary of Terms for the Standardization of Geographical Names*» [17], изданных на французском языке, а также из публикаций по внутрипоселенческой ономастической номинации французских и франкоязычных авторов (J.-C. Bouvier и J.-M. Guillon [125], M. Mulon [126], B. Atoui [127; 128]).

Работа в данном направлении представляется нам перспективной, поскольку глобализация и интернационализация научных исследований требуют создания однозначно понимаемого терминологического аппарата или переработки уже имеющегося. Так, Н. В. Васильева рассматривает два вида (этапа) координирования ономастической терминологии: «лексический (ориентированный на отдельные терминологические единицы) и лексикографический (ориентированный на словарь как способ представления специального знания)» [104, с. 373].

Безусловно, каждая наука нуждается в собственных терминах, с помощью которых можно выразить научные понятия и законы, показать сущность научных идей. Нельзя не согласиться с В. И. Супруном, который подчеркивает, что «развитие терминологии будет проходить всегда, появление новых терминов — неизбежное следствие научного прогресса. Наука, не создающая новые термины, перестает развиваться, стагнируется ...» [19, с. 134]. Ученый считает, что «в новом словаре ономастических терминов, продолжающем традиции Н. В. Подольской, следует, с одной стороны, дать дефиниции новым терминам, характерным для развития науки XXI в., а с другой — показать связь ономастики с историей, географией, обществознанием, культурологией и прочими отраслями знания, сделать науку об именах собственных более понятной и доступной для всех, кто ею интересуется» [19, с. 138]. При создании данного словаря следует учитывать опыт Н. В. Подольской, которая сформулировала критерии для оценки ономастических терминов [11, с. 12]. К этому мы бы добавили, что в новом словаре необходимо также указать эквиваленты представленных в нем терминов в других языках.

Как отмечает Н. В. Подольская, «новообразования в терминологии создаются на базе национального языка или на базе заимствований.

В идеале понятие данной науки должно быть интернациональным. Современный терминолог стремится к тому, чтобы и терминология была интернациональна, хотя бы по составу своих терминоэлементов» [11, с. 11]. Проанализированные нами внутригородские ономастические дефиниции преимущественно соответствуют данному критерию.

По мнению В. И. Супруна, ономастика со времени своего возникновения развивалась в двух направлениях — дивергентном и конвергентном [115, с. 39]. Первое из них базируется на все большем дроблении объекта ономастического анализа, а вместе с этим создании новых терминов для изучаемых единиц². И хотя при конвергентном подходе в ономастике, представленном в исследовании В. И. Супруна [115], тоже не обходилось без создания новых терминов, «все же при этом делались попытки рассмотрения онимического пространства языка как единого целого, определения общих функций у онимов разных разрядов, выявление лингвокультурологических, социо-, психо- и этнолингвистических, коммуникативных, дискурсивных, текстовых, лингво-когнитологических, полевых и пр. параметров имен собственных» [115, с. 39].

Во французском научном дискурсе дивергенция относится преимущественно к естественным наукам и определяется как «факт расхождения; состояние, являющееся результатом этого» [135]. Тем не менее существуют лингвистические работы, посвященные изучению применения этого явления к различным категориям. Так, A. Curea подчеркивает, что конвергенция, дивергенция и влияния — это три оригинальных подхода к относительно последовательной проблеме, сосредоточенной на категории выражения [136]. M. Mahmoudian, исследуя конвергенцию и дивергенцию в лингвистических теориях, считает, что, «если существует единодушие в признании абстрактного характера языковых фактов и тем самым отличать их от конкретных событий, которые являются их проявлениями, расхождения появляются в поисках теоретических основ и объема этой абстракции» [137].

²Дивергентный подход в ономастике основан на понятии дивергенции, т. е. «расхождения, отдаления друг от друга двух и более языковых сущностей» [133]. Согласно Большому Энциклопедическому словарю «Академик» дивергенция в лингвистике — это «1) превращение вариантов языковой единицы (обычно вариантов фонемы) в самостоятельные единицы в связи с устраниением условий, определявших варьирование; 2) расхождение в реализации одной языковой единицы, например, фонемы; 3) размежевание диалектов или вариантов одного языка и превращение их в самостоятельные языки» [134].

Конвергенция³ в ономастике предполагает поиск объединяющего начала для изучения имен собственных и рассмотрение онимического пространства как единого целого, т. е. ориентирует исследователя на интегрирование нескольких более мелких ономастических разрядов в более крупные. Конвергентное направление развития ономастики со временем ее возникновения является вторым по порядку, как полагает В. И. Супрун [115, с. 39]. В его рамках ученые стремятся объединить топонимические подразряды на основе обобщения объектов анализа. В нашем случае это классификация терминов согласно типу поселения, в котором расположен объект. Конвергентный подход, применяемый в разных науках, по отношению к современной топонимике реализуется в классификации терминов согласно типу поселения, в котором расположен объект (*урбаноним*, *виконим*, *хортенсионим*, *конлокациононим*).

Дивергенция применительно к ономастике выражается в дроблении объекта анализа с одной стороны (особенно учитывая, что в ономастике постоянно обновляется список явлений, имена которых могут выступать объектами исследования и существуют проблемы их именования), и расхождениях в терминологии — с другой (ср. такие термины, как *урбаноним*, *годоним*, *агороним*, *хороним*, *экклезионим*, *оикодомоним*, *гифироним*, *монументоним*, *метроним* / *метрононим*, *порейурбаноним*, *монументоним*, *отелоним*, *эргоним*, *виконим*, *хортенсионим*, *конлокациононим* и др.). В.И. Супрун отмечает, что, наряду с конвергенцией, это одно из ведущих направлений развития ономастики [115, с. 39], актуальность и значимость которого подтверждается в том числе и интересом со стороны ученых, принимавших участие в XX Словацкой ономастической конференции «Конвергенция и дивергенция в сфере имен собственных» [142].

³В общей и специальной русскоязычной лексикографии конвергенция (от лат. *convergo* — приближаюсь, схожусь) определяется как «сближение или совпадение двух и более лингвистических сущностей» (см. «Лингвистический энциклопедический словарь» [138], «Большой энциклопедический словарь» [139], «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [140]. «Словарь французской Академии» содержит несколько определений термина, соответствующих разным дисциплинам, в том числе наиболее общее: «действие по сближению; результат этого действия» [135]. В электронном словаре «Trésor de la langue française» ‘Достояние французского языка’ значение термина применительно к лингвистике определяется так: «параллельные изменения, претерпеваемые разными языками; постепенное слияние языков, имеющих общие черты» [141]).

1.2.2 Категоризация объектов в единицах метаязыка внутрипоселенческой топонимики

Придерживаясь конвергентного подхода в ономастике, среди внутрипоселенческих номинаций можно выделить две основные крупные разновидности проприальных единиц: 1) внутригородские названия; 2) внутрисельские названия. А. М. Мезенко выделяет также третью специфическую разновидность — названия в пределах садоводческих товариществ [143]. Дивергентный подход позволяет различать в рамках этих подклассов топонимов значительное количество дробных таксонов, составляющих, в сущности, открытое множество.

Обозначения названий внутригородских объектов и их разновидностей в белорусской, русской и французской ономастике

Долгое время изучение внутригородских названий оставалось предметом исследования краеведов и отдельных историков, которые в своих трудах обращались к названиям, функционирующим в конкретном большом или маленьком населенном пункте. На этом этапе отсутствовали специальные однословные термины для обозначения разновидностей данных наименований, в ономастическом дискурсе употреблялись описательные обороты: *названия географических объектов* [144], *географические названия* [144], *названия улиц* [144; 106], *внутригородские топонимы* [11, с. 45], *городские топонимы* [113], *внутригородские названия* [106], *названия внутригородских объектов* [106]. Как пишет Н. В. Подольская, «термин возникает иной раз значительно позднее появившегося в процессе научного мышления понятия. Понятие может первоначально и не иметь словесного оформления, на следующей стадии словесное оформление часто имеет характер весьма приблизительного описательного словосочетания, и лишь постепенно оно преобразуется в настоящий термин. Понятия терминируются всегда сознательно (не стихийно). Со временем термин может так же сознательно и изменяться» [11, с. 11].

Урбаноним — один из ключевых терминов, употребляющихся для обозначения внутригородских объектов в белорусской и русской ономастике. В ПНВС-1 *урбаноним* (*урбоним*) толкуется как «вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта (агороним, годоним, название отдельного здания, городской хороним)» [10, с. 154]. Во втором издании в скобках не указывается термин *урбоним*; расширяется урбанонимное пространство за счет дополнения списка имен собственных, которые

могут считаться урбанонимами (эклезионим), используется термин ойкодомоним для обозначения имени собственного здания [11, с. 139]. В белорусской ономастике термин *урбаноним* имеет похожее толкование, а к именам собственным, которые считаются урбанонимами, причисляются и *урбаногидронимы* [108, с. 257]. Согласно этому определению урбанонимы, в свою очередь, включают в свой состав несколько ономастических разрядов.

В работах по французской ономастике понятие *урбаноним* не устоялось, несмотря на то что сами внутригородские названия, безусловно, осознаются как особый класс номинаций, а термин отвечает критериям, предъявляемым к ономастической терминологии, согласно Н. В. Подольской [11, с. 11–12]: 1) он однословный (сложный — двуосновный); 2) его основу составляют греческие и латинские терминоэлементы, чем достигается интернациональное понимание термина даже при национальном его оформлении; 3) «важным принципом является построение термина по определенной модели с учетом системности структуры ономастических терминов. Для однословных терминов важно существование типовых морфем в ономастической терминологии» [11, с. 12]: компонент *-оним* (одно имя): *урбаноним*; финаль *-ия* (совокупность имен): *урбанонимия*; финаль *-ик(a)* (раздел науки): *урбанонимика*; финаль *-ист* (исследователь): *урбанонимист*; финаль *-икон* (список, словарь): *урбанонимикон*.

Анализ французских ономастических терминов позволил обнаружить такую же закономерность использования определенных компонентов и финалей: компонент *onume* (одно имя): *onume* ‘оним’, *toponyme* ‘топоним’, *anthroponyme* ‘антропоним’; финаль *-tie* (совокупность имен и раздел науки): *anthroponymie* ‘антропонимия’ и ‘антропонимика’, *toponymie* ‘топонимия’ и ‘топонимика’; финаль *-icon* (список, словарь): *anthroponomasticon* ‘антропонимикон’, *toponomasticon* ‘топонимикон’; финаль *-iste* (исследователь): *toponymiste* ‘топонимист’.

Как можно заметить, одна финаль *-tie* используется и для обозначения совокупности имен и для обозначения науки (то, что в русском языке обозначается разными финалями: *-ия* — для совокупности имен и *-ика* — для раздела науки): ср.: *anthroponymie* ‘антропонимия’ — «1) совокупность антропонимов территории или региона, языка, периода и т.д.» [16]; *anthroponymie* ‘антропонимика’ «2) раздел ономастики, посвященный научному изучению антропонимов» [16].

Термин *urbanonume* не зафиксирован в специализированных франкоязычных словарях, однако встречается в некоторых

публикациях. Ср. работу U. Kochanowska «Les techniques de traduction des urbanonymes sur l'exemple des romans policiers polonais et leurs traductions en français» ‘Приемы перевода урбанонимов на примере польских детективных романов и их переводов на французский язык’, в которой она рассматривает в качестве урбанонимов названия территорий, путей сообщения и определенных фиксированных точек (кроме общественных зданий) [145 с. 53].

Полагаем, что данный термин мог бы получить более широкое распространение, так как хорошо сочетается с системой ономастических компонентов и финалей, функционирующих во французском языке. Например: компонент *onyme* (одно имя): *urbanonyme* ‘урбаноним’; финаль *-mie* (совокупность имен и раздел науки): *urbanonymie* ‘урбанонимия’ и ‘урбанонимика’; финаль *-icon* (список, словарь): *urbanonymicon* ‘урбанонимикон’; финаль *-iste* (исследователь): *urbanonymiste* ‘урбанонимист’.

M. Mandola, анализируя польские и французские ономастические классификации, употребляет термин *urbonyme* ‘урбоним’, уточняя в скобках, что это название элементов городского пейзажа [13, с. 63].

Отметим, что к рассмотрению специфики термина *урбаноним* и объема урбанонимного пространства обращались многие исследователи: А. М. Мезенко [106], М. В. Горбаневский [113], Р. В. Разумов [118], Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун [116], А. Н. Соловьев [120], Т. В. Шмелёва [121; 122] и др. Однако ономасты до сих пор расходятся во мнении относительно состава и объема урбанонимного пространства. Так, по мнению Т. В. Шмелёвой, «работа над ономастическим портретом города выявляет в сложившейся терминологии лакуны и избыточность для некоторых фрагментов городского ономатикона (например, заведений еды)» [122, с. 114].

Опираясь на проанализированные работы, можно назвать те разряды имен собственных, которые однозначно причисляются к урбанонимам: *агоронимы*, *годонимы*, *городские хоронимы*, *эклезионимы*, *оикодомонимы* [11, с. 139; 118, с. 17]. Ученые дополняют данный список. Так, Р. В. Разумов считает, что к разряду урбанонимов можно отнести названия мостов, вокзалов, станций метро, парков, городских садов, скверов (*дримонимы* [118, с. 17]), жилых комплексов; памятников, монументов и мемориальных комплексов (*монументонимы* [118, с. 17]); фонтанов; остановок общественного транспорта (*порейурбанонимы* [116, с. 115]).

Р. В. Разумов, уточняя понятие *урбанонима*, предлагает относить к этому разряду онимов лишь названия топографических объектов. По мнению ученого, из списка названий внутригородских объектов следует исключить названия рынков [118, с. 17], которые он относит к эргонимам (согласно словарю Н. В. Подольской, названия рынков — это агоронимы [118, с. 27]). А. Н. Соловьев полагает, что «урбанонимическое (внутригородское) пространство весьма разнородно и в этом плане подобно топонимическому, только в меньших масштабах. Оно включает в себя несколько пластов. Среди них важнейшими являются четыре: а) официальные названия адресных объектов (улицы, переулки, площади, тупики и т. д.); б) другие официальные названия, не являющиеся адресными объектами (названия мостов, парков, остановок транспорта); в) официальные эргонимы; г) неофициальные названия объектов первых трех пластов» [120, с. 203], а «объединяет эти пласти в единый ономастический разряд два аспекта: принадлежность к ономастическому пространству определенного города и прагматический аспект — использование онима в качестве объекта, помогающего ориентироваться в городском пространстве, локализовать его в официальной и не официальной речевых ситуациях» [120, с. 203].

Как верно замечает М. Гарвалик, «основные трудности, с которыми мы встречаемся при сопоставлении отдельных ономастических терминологий, связаны с использованием нескольких разных терминов для обозначения одного и того же явления или типа имен, с разным пониманием (содержанием) одного и того же термина в разных ономастических школах, а также с конкуренцией международных и отечественных терминов» [123, с. 6].

Городское онимное пространство включает в себя названия точечных, линейных и территориальных объектов, имеющих специальное терминологическое обозначение и не имеющих его. К названиям территориальных объектов, имеющим специальное терминологическое обозначение в одной или двух ономастических системах, относятся *агоронимы*, *годонимы*⁴, *хоронимы*³, *эклезионимы*, *оикодомонимы*, *гифиронимы*, *монументонимы*, *метрононимы* и *пограничурбанонимы*.

Агороним — «вид урбанонима. Название городской площади; рынка» [10, с. 27; 11, с. 27]. Данный термин встречается в работах

⁴ Термин будет подробно рассмотрен ниже.

А. Н. Соловьёва [146], А. А. Пылковой и Цзин Лян [147]). Во французской ономастике вместо специального термина для обозначения данных имен собственных используется словосочетание *nom de place* ‘название площади’ [148].

Хороним — «класс топонима. Собственное имя любой территории, области, района, в том числе х. административный, городской, природный (см.: ПНВС-1). Пр.: *Сибирь, Приморский край, Беловежская пуща, Латвия, Воронежская область, Болгария*» [10, с. 160]; в ПНВС-2 при перечислении видов хоронимов не называется *городской хороним* (хотя его определение в самом словаре дается) [11, с. 145–146].

Эквивалентный термин функционирует и во французской ономастике: он представлен как *choronyme* и обозначает «собственное имя крупного географического или административного земельного объекта — напр. *Африка, Sibir' (Siberia), Suomi, Dalmacija, Toscana, Bretagne, Steiermark, Castilla, La Mancha*» [16] и «топоним, определяющий географическую область» [17].

Остановимся подробнее на разновидностях хоронимов.

В ПНВС-1 дается следующее определение **административного хоронима** — «вид хоронима. Собственное имя любой административно-территориальной единицы, имеющей определенные границы, принятое в официальных документах, в том числе название государства, республики, края, области, района. Пр.: *СССР, США, ЧССР, Армянская ССР, Московская область, Звенигородский район*» [10, с. 160]; во втором издании расширяется список административно-территориальных единиц, названия которых относятся к хоронимам: добавляется имя собственное штата [11, с. 145–146]. В ПНВС-1 **городской хороним** определяется как «вид хоронима и вид урбанонима. Собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка, кладбища. Пр.: *Кремль, Зарядье, Лужники, Сокольники, Измайловский парк; Петроградская сторона, Васильевский остров, Петропавловская крепость*» [10, с. 160]; во втором — из списка объектов, названия которых считаются городскими хоронимами, убираются кладбища [11, с. 146]. В ПНВС-1 и ПНВС-2 содержится одинаковое определение **природного хоронима** — «вид хоронима. Собственное имя любой природно-ландшафтной области. Пр.: *Западно-Сибирская низменность, Поволжье, Летний берег Белого моря, Средне-Русская возвышенность, пустыня Кара-Кумы*» [10, с. 160; 11, с. 146], однако во втором несколько расширяется список примеров [11, с. 146].

Термин *хороним* функционирует и во французской ономастике. В списке ICOS и глоссарии он представлен как *choronyme* и обозначает соответственно «собственное имя крупного географического или административного земельного объекта — напр. *Aфрика*, *Sibir'* (*Siberia*), *Suomi*, *Dalmacija*, *Toscana*, *Bretagne*, *Steiermark*, *Castilla*, *La Mancha*» [16] и «топоним, определяющий географическую область» [17].

Отметим, что наблюдаются некоторые различия в понимании данного термина в русской и французской ономастике: в последней отсутствует разделение хоронимов на виды (административный, городской, природный), а приведенные в определении примеры можно отнести в основном к административным хоронимам по терминологии Н. В. Подольской [10, с. 160; 11, с. 145–146].

Экклезионим — «класс топонима. Собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, отдельно стоящего алтаря, священных камня, источника, дерева» [10, с. 164; 11, с. 149]. Термин находит применение как в русской (Е.П. Аринина [149]), так и в белорусской (О. А. Борисевич [150]) ономастике. Во французской лингвистике вместо специального термина употребляется конструкция словосочетания в родительном падеже, где *после nom de ...* или *dénomination de ...* ‘название ...’ указывается тип объекта, наименование которого анализируется: *nom d'église* ‘наименование церкви’ [151].

Ойкодомоним — название здания [11, с. 16, 184]. Данная разновидность онимов анализируется как в теоретическом (Н. В. Подольская [152], Р. В. Разумов [153]), так и в практическом планах на примере исследования ойкодомонимов одной страны (П. Томасик, С. О. Горяев [154]) и нескольких в сопоставительном плане (Ван Ли [155]). Во французской лингвистике эта разновидность имен собственных именуется конструкцией *nom de maison* ‘название дома’ [156]. Объектом исследования могут выступать и названия офисных зданий — *nom d'immeuble de bureau* [157].

Гефироним — название моста. Термин предложен в публикации Г. Б. Мадиевой и В. И. Супруна [115, с. 115], в статье Р. В. Разумова этот термин представлен как *гефироним* с компонентом урбо- (урбогефироним) или прилагательным *городской* — *городской гефироним* [118, с. 17] в тех случаях, когда относится к городскому онимному пространству. Терминологическое обозначение *гефироним* получает распространение в работах ученых из России (В. И. Супруна [158] и А. В. Данилова [159], Т. М. Крючковой [160]. Наряду

с этим термином продолжает использоваться описательный оборот *название моста* (А. Д. Ерофеев и А. Г. Владимирович [161]; В. И. Супрун [162]. Во французской лингвистике данный вид онимов обозначается словосочетанием *nom de pont* ‘название моста’ (L. Leboutet анализирует названия мостов над Сеной в Париже [163]).

Монументоним — название памятника, монумента и мемориального комплекса. Термин, предложенный Р. В. Разумовым [118, с. 17], использует в своих исследованиях М. Ахметова, например, определяет, ономастический статус неофициальных монументонимов [164]. Используется также и описательный оборот наименование памятника, монумента (М. Ю. Криницкая, Ч. С. Вэй [35]) Во французской ономастике данные онимы не выступают объектом анализа, поэтому не имеют специального обозначения.

Метроним / метрононим — название станции метро. Эти имена собственные начинают изучаться в 20-х г. XXI в. Названия станций метро, выступая частью ономастического пространства города, представляют собой лингвистические реалии, характерные для конкретной культуры. Это источник лингвистической и культурологической информации, отражение реального мира, историко-культурного развития определенного народа. Появление этой разновидности имен собственных регламентировано (см., например [165]). О. В. Вострикова и Е. А. Паймакова в качестве рабочего названия в статье, посвященной мемориальности названий станций лондонского и московского метро, содержащих антропонимы, вводят термин *метроним* для обозначения исследуемых единиц [38]. До появления специального термина названия станций парижского метрополитена как коммуникативного пространства анализируют Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, А. Я. Мелёхина, К. Б. Осипович [166]; а лингвокультурологические особенности наименования станций метрополитена в Москве и Вене определяет А. В. Новикова [87], динамику наименований станций столичного метро в лингвокультурной перспективе представляют О. А. Сулейманова и В. В. Никитина [167]. Во франкоязычной литературе данная разновидность имен собственных получает обозначение *nom de station (de métro)* ‘название станции (метро)’ [168]. Заметим, что названия станций метро анализируются и в англоязычной литературе [169].

Порейурбаноним — название остановок транспорта. Данный термин предложен Г. Б. Мадиевой и В. И. Супруном [116, с. 115] и используется в статье И. В. Желябовой и Г. О. Илагаевой, анализирующих номинации ставропольских остановочных пунктов [170].

Употребляется также и описательные обозначения названия остановочных пунктов (Т. П. Савченко [171]); название станций метро (Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, Я. А. Мелехина, К. Б. Осипович [166]); А. Ш. Бахмудова, Л. М. Тетакаева [88]; О. В. Вострикова, Е. А. Паймакова [38]). Во французской лингвистике встречаем, например, конструкцию *nom de station (de tram)* ‘наименование остановки (трамвая)’ в статье, посвященной названиям трамвайных остановок французских городов Бреста и Монпелье [172].

К названиям территориальных объектов, не имеющих специального терминологического обозначения в двух ономастических системах, относятся названия следующих объектов: жилых комплексов; вокзалов; фонтанов, городских садов, скверов, парков.

Названия жилых комплексов являются новым объектом исследования и рассматриваются в разных аспектах: Р. В. Разумовым [173; 174; 175]; Т. П. Соколовой [176]); Р. В. Разумовым и С. О. Горяевым [177; 178]. С одной стороны, данные номинативные единицы могут быть отнесены к хоронимам, с другой — отдельные здания в пределах жилого комплекса, имеющие названия, можно классифицировать как ойкодомонимы. Во французской инфраструктуре своеобразным аналогом жилым комплексам могут являться здания, названные *grand ensemble (immobilier)* ‘архитектурный комплекс, жилой массив’ или *immeuble résidentiel* ‘жилой дом’. Однако названия данных типов объектов пока не подвергаются лингвистическому анализу.

Названия вокзалов не имеют специального обозначения в двух ономастических системах и не подвергаются анализу отдельно (по аналогии с русским языком во французском могут быть обозначены как *noms de gares* ‘названия вокзалов’). Можно привести работу П. Томасика, посвященную железнодорожной номенклатуре в польском, русском и чешском языках, в которой автор исследует в том числе названия вокзалов и станций [179].

Названия фонтанов. Аналогом этому обозначению во французском языке может выступать сочетание *noms de fontaines* ‘названия фонтанов’.

Остановимся подробнее на термине *годоним*, имеющем для нашей работы особенно важное значение. **Годоним** — название линейного объекта. Термин годоним зафиксирован в двух изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской и обозначает «вид урбанонима. Название линейного объекта в городе, в т. ч. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара,

набережной» [10, с. 50–51; 11, с. 52]. В русскоязычной ономастике есть опыт осмыслиения данного термина

а) с терминологических позиций (Л. В. Егорова [180]; Е. С. Бобылева [181]) и

б) с точки зрения практического исследования и определения особенностей функционирования наименований, им обозначаемым (Л. В. Егорова [182]; Т. А. Голикова [183]; Т. В. Горлова [184]).

В списке ICOS данный термин представлен в двух вариантах — *hodonyme* и **odonyme* (со звездочкой) и определяется как «название пути (то есть улицы, сквера, трассы, шоссе, тракта, туннеля, брода, моста, пешеходного моста, железнодорожной ветки и т. д. — например, Portobello Road, Eurotunnel, Via Baltica, Marktgasse, D1» [16] (при этом, как поясняется в начале словаря, термины, которым предшествует звездочка, не рекомендуются [16]). Уточним, что имеется в виду название пути с родовым словом *voie*. Вариант *odonyme* получает широкое распространение во французской ономастике, а, как отмечает G. Taverdet, «особенность французского языка в том, что в этом греческом термине не пишется [h-]» [185, р. 250];

В «Глоссарии» зафиксирован вариант *odonyme*, который определяется как «имя собственное, обозначающее путь сообщения: *Via Appia* (историческая дорога); *A-6* (шоссе); *Unter den Linden* (проспект); *Darb al-Hājj* (паломнический маршрут)» [17].

В французской ономастике анализируются годонимы агломераций в общем [186], а работы по французской годонимии можно разделить на две группы, первая из которых объединяет исследования, имеющие целью установить годонимический профиль города в целом (J. Chaurand [187]. S. Gendron [188]). Исследования второй группы посвящены конкретным семантическим категориям. Например, H. Walter обращает внимание на названия деревьев в парижских годонимах [189]. Стоит заметить, что французские ученые анализируют преимущественно названия тех типов внутригородских объектов, которые приводятся в терминологических работах. Реже объектом изучения становятся в числе прочих и названия некоторых точечных объектов — площадей [190; 188], а также укреплений и ворот [187].

Мы можем констатировать расхождения в понимании термина *годоним* в русской и французской ономастике: если в русской он обозначает название линейного объекта, расположенного в населенном пункте, то во французской имеет более широкое понимание и включает названия еще некоторых территориальных объектов, к примеру, скверов и путей сообщения, судя по примерам, выходящих в том

числе и за пределы населенного пункта. Следует отметить, что в русской ономастике для обозначения имен собственных путей сообщения используется термин дромоним — «вид топонима. Собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного» [11, с. 57].

Название улицы. Во французской ономастике отдельно указывается термин *nom de rue* ‘название улицы’, который определяется как «название пути сообщения в городе, поселке, деревне (например, *Broadway, Baker Street, Unter den Linden*)» [16], причем в Списке ICOS указывается, что названия улиц образуют подкатегорию годонимов [16]. В русской ономастике термин «название улицы» отдельно не зафиксирован, однако данный вид онимов упоминается при определении годонимов [10, с. 50–51; 11, с. 52].

По мнению J.-C.Bouvier и J.-M. Guillon, «систематическое изучение названий улиц как в истории, так и в настоящем позволяет создать образ города, то представление самого себя, которое стремится дать город, следовательно, «описать» составные элементы своей идентичности» [190, р. 373]. Можно выделить несколько направлений исследований, в которых употребляется данный термин.

Во-первых, это составление «ономастических профилей» некоторых городов на основе анализа названий их улиц. В настоящее время изучены внутригородские наименования Реймса (G. Mellet [191] G. Quantin [192]), а также главных городов страны (J.-C.Bouvier [193]); Антони (A. Douchin [194]).

Во-вторых, это исследование отдельных разновидностей именований (Ch. Renucci анализирует наполеоновские названия улиц и площадей Аяччо [148]; X. Madelin анализирует историю, памятники, знаменитых личностей, запечатленных в названиях улиц Шатору [195]);

Данный термин встречается и в русскоязычной ономастике. Так, существуют работы, выполненные в 1) номинативном аспекте (М. В. Горбаневский пытается разгадать тайны московских улиц [196], М. В. Горбаневский и М. И. Емельянова определяют, как отражается история в названиях улиц Старой Руссы [197]); и 2) семиотическом аспекте (М. В. Голомидова изучает образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга [198]).

Анализ русскоязычных и франкоязычных работ, посвященных исследованию названий улиц, позволил сделать вывод о широком понимании данного терминологического сочетания, близком определению Списка ICOS [16], так как анализу, помимо собственно названий улиц, могут подвергаться и наименования других объектов, например,

переулков, площадей, проездов, набережных, исторических местностей и т. д. Следует уточнить, что термин *годоним* может пониматься несколько шире — как название линейных и точечных (площадей) объектов в городе. На наш взгляд, во французской терминологии наблюдается некоторое пересечение определений терминов *годоним* и *название улицы*.

Городской топоним (toponyme urbain). Этот термин часто используется во французских ономастических исследованиях. Следует отметить, что, несмотря на свою популярность, в терминологических трудах он не представлен. В славянской ономастике наблюдается аналогичная ситуация: русский термин *городской топоним* используется в научной литературе, но не фиксируется в специализированных словарях. Словосочетание «городская топонимия» является также названием крупнейшего произведения М. Barrai «Toponymie urbaine de Montpellier. Les noms de rue à Montpellier du Moyen Âge à nos jours» ‘Названия улиц в Монпелье от средневековья до наших дней’ (Монпелье, 1989), которое в настоящее время остается одним из важнейших топонимических исследований, посвященных городу [186, р. 309–310]. Одним из значительных трудов, содержащих данных термин, является сборник материалов конференции «Городская топонимика. Значение и цели», состоявшейся в Экс-ан-Провансе 11–12 декабря 1998 г., во введении к которому J.-C. Bouvier и J.-M. Guillon признают, что работы топонимистов, занимающихся городским пространством, немногочисленны [125, р. 9]. В своей статье об этой конференции J. Chaurand пишет, что «коллективное издание J.-C. Bouvier и J.-M. Guillon расширяет перспективы в связи с задачами, которые ставят авторы — поместить названия в городской пейзаж определенной эпохи и приступить к исследованию их лингвистического функционирования» [199, р. 303].

Можно условно разделить публикации, посвященные исследованию городских топонимов, на 1) работы, посвященные терминологии городской топонимики (ее сущности (G. Monediaire [200] и источникам при помощи анализа старых названий улиц Руана (F. de Beaurepaire [201]) и 2) научные труды, отражающие изучение топонимической системы города (одним из основных изданий по городской топонимике являются материалы конференции «Городская топонимия: значение и цели». Эта конференция, собравшая этнологов, историков, географов, лингвистов, социологов, имеющих опыт и результаты из Франции, Италии, Испании, Туниса, «имел стремление определить теоретические и методологические основы того, что могло

бы стать крупной исследовательской программой, посвященной топонимике городской среды» [186, р. 303]. Чуть позже С. Leveau исследует городскую топонимику Орлеана в Средние века [202]. Эквивалентный термин *городской топоним* используют также российские специалисты в области ономастики (М. В. Горбаневский [113], Н. Ю. Забелин [203], И. Н. Потанахина [204], З. Н. Афинская [205] и др.)

Термины, имеющие отношение к городскому онимному пространству и отраженные в франкоязычных терминологических работах, — *hodonyme* ‘годоним’ и *nom de rue* ‘название улицы’. Тем не менее их определения не могут адекватно описать состав внутригородских имен. Согласно определениям понятие *годоним* охватывает только пути сообщения, такие как улицы, бульвары, проспекты и т. д., тогда как *городское название* используется в топонимической литературе в более широком смысле и включает в себя названия микрорайонов, кварталов, застроенных территорий, деревень, городов и т. д., — одним словом, все имена, которые находятся в городской среде [127].

Иные терминологические обозначения, используемые во французской ономастике

Отметим, что во французской и славянской ономастике можно встретить разные термины для индикации внутригородских названий, как зафиксированные, так и не нашедшие отражения в терминологических словарях. Для иллюстрации использования этих терминологических обозначений и указания аспектов их исследования, мы дадим краткий обзор работ, названия и/или тексты которых содержат эти термины. Важно заметить, что упомянутые работы являются лишь небольшой частью исследований, посвященных этим ономастическим категориям.

Во франкоязычной ономастике можно встретить следующие терминологические обороты:

toponyme de l'espace urbain [206] ‘топоним городского пространства’, *nom urbain* [127] ‘городское название’. Эти два термина имеют в своем составе общее прилагательное — *городской* со значением «1. Принадлежащий городу» [207]. Но они не закреплены в терминологических словарях, на которые мы опираемся в наших исследованиях;

voie ‘дорога / путь’ [208], *voie urbain* ‘городская дорога / городской путь’, *voie de communication* ‘путь сообщения’.

Анализ работ, посвященных урбанонимному пространству, позволяет полагать, что при изучении ономастической внутригородской понятийной системы пока еще нет терминологического

единства и ученые, использующие дефиницию *урбаноним* в своих работах, по-разному понимают его содержание и объем.

В русскоязычной ономастике можно встретить обозначения внутригородских названий или их совокупности, не занесенные в специализированные терминологические словари, однако встречающиеся в посвященных исследованию городского ономастического пространства работах ученых: топоним [209; 210; 211; 212; 213], названия географических объектов [214]; ономастикон города [215], городское онимическое пространство [216].

Терминологические обозначения внутрисельских названий

Термин «виконим» впервые был предложен и убедительно обоснован А. М. Мезенко в докладе, прочитанном на XV Общепольской ономастической конференции «Новые имена собственные. Новый взгляд» (21–23 сентября 2006 г.) [132]. Ученый полагает, что данная дефиниция, образованная от лат. *vicus* — «село, поселок» и греч. ὄνομα — «имя», обозначает «собственное имя любого внутрисельского топографического объекта, как ныне существующего, так и использовавшегося в предшествующие эпохи. Это и названия линейных (улиц, переулков), территориальных (площадей, скверов) и точечных (магазинов, кафе, памятников) сельских объектов» [132, с. 379]. Данный термин получает большее распространение в белорусской (научные публикации А. М. Мезенко [132]; наше исследование виконимии Беларуси в номинативном, лингвогеографическом и лингвокультурологическом аспектах [111]) и русской ономастике (работы Р. В. Разумова [217; 218]; О. С. Смирновой [219]; А. А. Леонтьевой [220]; А. Н. Соловьёва и А. А. Голубевой [221]; В. А. Бакутова [222]). Можно встретить также обозначения *микротопоним* (Г. Ф. Ковалёв [223]) или *годоним* в составе микротопонимов (Н. И. Кривова [224]); следующие описательные обороты, использующиеся при характеристике сельского онимного пространства: *внутрисельские названия* [111], *названия внутрисельских объектов* [111], *сельские годонимы* [111], *названия улиц* как микротопонимическая категория (Г. Ф. Ковалёв [225]), в том числе и с уточнением административного статуса населенного пункта — *названия улиц в сельской местности* [111], *названия улиц в селах* (А. А. Казанкова, В. Н. Левина [226])). Заметим также, что во французской ономастике пока не отмечена тенденция разделения топонимии на городскую и сельскую. Вероятно, поэтому работы, посвященные последней, малочисленны. Так, J.-Cl. Bouvier, размышляя над годонимами агломераций и термином *городская топонимика*, пишет о том, что, несмотря

на его простоту и удобство, он не является полностью удачным: «это обозначение могло бы разрушить ложное противоречие между сельской и городской топонимикой, которое могло бы привести к убеждению в существовании двух топонимий. Необходимо повторить, что существует только одна топонимическая наука, обязательно много-дисциплинарная, которая адаптирует свой подход к объектам, которые являются одновременно конкретными и взаимодополняющими. Топонимия агломерации имеет свои особенности ...» [186]. При описании сельского пространства во французском языке употребляются обозначения *noms de rues* ‘названия улиц’ с уточнением их местонахождения — *noms de rues traditionnels des communes rurales* ‘традиционные названия улиц сельских коммун’ [227], *odonymes à caractère rural* ‘годонимы сельского типа’ [228]. Полагаем, что целесообразно также использование обозначений *toponyme rural* ‘сельский топоним’ (см. нашу работу [6–ДМЛ] и французского аналог русскоязычного термина *viconyme* ‘виконим’).

Таким образом, в двух терминологических системах можно обнаружить как эквивалентные термины, употребляемые в сфере внутрипоселенческих названий либо зафиксированные в специализированных ономастических трудах, либо представленные в работах ономастов, так и термины, не имеющие аналогов в другой терминологической системе (обнаружены закономерности использования определенных компонентов и финалей в каждой системе). При этом, даже значения эквивалентных терминов могут иметь расхождения.

В славянской ономастике также существует термин для обозначения названия, расположенного в садоводческих товариществах — **хортенсионим**. Под хортенсионимом (от лат. *hortensius* ‘садоводческий’) А. М. Мезенко понимает «собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества. Это в основном названия линейных объектов — улиц, проездов, переулков, тупиков, ойкодомонимы, хоронимы, экклезионимы» [143, с. 75]. Каждому государству свойственна своя система населенных пунктов. К примеру, городские и сельские поселения есть во всех странах, а вот садоводческие товарищества расположены преимущественно на восточнославянских территориях. Соответственно европейской ономастике они не свойственны, в том числе и поэтому термин **хортенсионим** не нашел распространения во французской ономастике.

Еще один термин, имеющий отношение к внутрипоселенческой топонимии, — **конлокациононим**. Конлокациононимия происходит от лат. *conlocationem* — поселение [109, с. 49].

Под *конлокатиононимией* А. М. Мезенко понимает совокупность названий объектов, существующих внутри городов, сельских поселений и садоводческих товариществ [229, с. 393], а под *конлокатиононимом* — “вид топонима. Собственное имя любого топографического объекта внутри поселения, в том числе внутригородского, внутрисельского, внутрисадоводческого: *проспект Независимости, Центральная улица, Радостный переулок*” [109, с. 175]. Термин возник недавно, применяется в работах белорусских ономастов и пока не получил широкого распространения в ономастических исследованиях. Можно предположить, что во французской ономастике он будет использоваться для обозначения названий внутригородских и внутрисельских населенных пунктов, поскольку садоводческие товарищества там отсутствуют. А. Н. Соловьёв использует понятие *эндоийконим* для обозначения внутрипоселенческого названия, а под *эндоийконимией* понимает всю «совокупность названий объектов поселения вне зависимости от его статуса» [230, с. 82]. При этом автор продолжает использовать в своих работах традиционные термины *урбаноним* и *виконим* (для внутригородских и внутрисельских названий), например, в случае, если в статье исследуются урбанонимы конкретного города. Необходимость введения нового термина, по его мнению, обусловлена двумя факторами: 1) подавляющее большинство официальных названий потенциально могут быть как урбанонимами, так и виконимами: по отдельному ониму, как правило, нельзя однозначно сказать, относится ли он к урбанонимии или к виконимии; *Школьная улица* есть и в Смоленске, и в селе Туманово, и в деревне Черныш Краснинского района, и еще во многих населенных пунктах России.; 2) изменение статуса поселения с городского на сельское или наоборот: в этом случае пласт названий сохраняется, но формально сами именования тоже вместе с поселением меняют принадлежность к урбанонимии или виконимии [230, с. 82].

Урбанонимы, виконимы и хортенсионимы представляют собой автономные разряды ономастической лексики, так как дистанцируются друг от друга по **шести критериям**: лексико-семантическому, номинационному, структурному, грамматическому, лингвокультурологическому и терминологическому.

Таким образом, ономастизируемые объекты в пределах типов поселений, свойственных инфраструктуре Беларуси (внутригородские, внутрисельские названия и названия в пределах садоводческих товариществ) и Франции (внутригородские и внутрисельские

названия), образуют следующую иерархию (с учетом конвергентного и дивергентного подходов).

В белорусской ономастической системе выделяются: а) урбанизмы (агоронимы, годонимы, хоронимы, экклезионимы, ойкодомонимы, гефиронимы, монументонимы, метронимы / метрононимы и порейурбанонимы; названия жилых комплексов; вокзалов; фонтанов, городских садов, скверов, парков); б) виконимы (названия улиц и переулков); в) хортенсионимы.

Французская внутрипоселенческая топонимика оперирует следующими категориями: *toponymes urbains* ‘городские топонимы’ (*noms de place* ‘названия площадей’, *choronymes* ‘хоронимы’, *noms d’églises* ‘названия церквей’, *nom de maisons* ‘названия домов’, *nom de ponts* ‘названий мостов’, *odonymes* ‘годонимы’, *nom de stations* (*de métro*) ‘названия станций (метро)’, *noms de stations* (*de tram*)) ‘названия остановок (трамвая)’, *noms de rues* ‘названия улиц’.

Отмечаются различия в функционировании приведенных терминов в национальных ономастических дискурсах. Во французской ономастике употребляются параллельные терминообозначения *nom de lieu* ‘название местности’ и *toponyme* ‘топоним’; *nom géographique* ‘географическое название’ и *toponyme* ‘топоним’ и т. п. Славянская же ономастика, также допускающая возможность аналитического способа оформления термина, оперирует преимущественно греко-латинскими сложными словами, в основном с компонентом *-оним*, причем в силу широкой семантики греческого корня, к которому добавлен этот компонент, «даже знание греческого языка при прозрачной внутренней форме термина не всегда позволяет определить границы понятия» [119, с. 132–133].

Специфичными для российской и белорусской ономастики являются термины *хортенсионим* (во французской инфраструктуре отсутствуют такие поселения, как садоводческие товарищества, поэтому эквивалента этому явлению нет) и *конлокациононим*.

1.2.3 Топонимическая политика и регламентация наименования объектов в населенных пунктах Беларуси и Франции

В настоящее время феномен топонимической политики выходит на первый план в многочисленных гуманитарных исследованиях, хотя само это понятие «в его теоретическом и методологическом обосновании до сих пор не получило развернутой интерпретации» [231, с. 36]. Топонимическая политика — сложная по структуре

деятельность, имеющая специфические цели, правила реализации и практическое воплощение. С одной стороны, она реализуется в совокупности правовых, организационных, научных, методических и других компонентов, обеспечивающих регламент присвоения имен собственных, а также нормы их употребления. С другой — это сама практика присвоения официальных имен географическим объектам, которая связана с концепцией исторической памяти. Как отмечают А. В. Аверьянов и Г. А. Швидкой, «создание топонимов или урбанизмов является одним из действий, направленных на сохранение исторической памяти о событии или выдающемся человеке в топонимическом пространстве. В связи с этим исследование топонимики представляется взаимосвязанным с изучением исторической памяти» [232, с. 44]. К тому же «признание культурной ценности географических имен, переведенное в область топонимической политики, придает ей весомый гуманистический потенциал и одновременно означает необходимость последовательного соотнесения с политикой культурной, включая системную работу по сохранению духовного наследия» [233, с. 172–173].

К основным направлениям топонимической политики в сфере внутрипоселенческих названий в Беларуси и Франции можно отнести следующие: введение требований, норм и правил наименования и переименования географических объектов в поселениях; нормализацию написания внутрипоселенческих топонимов на государственном языке; выявление существующих наименований географических объектов; создание и ведение каталога географических названий; определение уполномоченных органов исполнительной власти, осуществляющих регулирование в области наименований географических объектов, и их полномочий; определение порядка финансирования работ в области наименований географических объектов (см. подробнее в [234; 235; 236]).

Концепция топонимической политики связана с идеей «производства общественного пространства», описанной французским социологом А. Лефевром [237]. Результаты топонимической политики входят непосредственно в сферу общественной жизни, поэтому немаловажной является связь топонимической политики с политикой языковой, национально-этнической, культурной, идеологической и другими.

Можно выделить две группы ономастических работ, посвященных присвоению имен географическим объектам: 1) публикации, в которых раскрывается сущность топонимической политики, анализ правового регулирования (М. В. Голомидова [231; 233]; Д. А. Роговцов

[235] и др.); 2) научные труды, в которых анализируется теория и практика реализации топонимической политики в сфере создания названий внутрипоселенческих объектов как в общем, так и в конкретных населенных пунктах (Н. А. Галактионова [238]; Р. В. Разумов [239]; А. В. Аверьянов, Г. А. Швидкой [232] и др.).

Топонимические комиссии Беларуси и Франции

В Беларуси органом, отвечающим за обсуждение и принятие стандартизованных наименований, является Топонимическая комиссия при Совете Министров Республики Беларусь, в обязанности которой входит принятие наименований географических реалий и проведение стандартизации. Деятельность Топонимической комиссии в пределах ее компетенции направлена на реализацию следующих первоочередных задач: «совершенствование организации проведения национальной стандартизации географических названий; развитие законодательной и нормативной базы стандартизации географических названий; создание нормативных словарей и справочников по географическим названиям; каталогизация географических названий; взаимодействие с зарубежными организациями, в том числе с Группой экспертов ООН по географическим названиям» [240, с. 18].

Во Франции существует *Commission nationale de toponymie* ‘Национальная топонимическая комиссия’ (НТК), которая отвечает за содействие сохранению и последовательному развитию топонимического наследия Франции. С этой целью НТК составляет национальную программу деятельности в области топонимики, обновляет ее в соответствии с достигнутыми достижениями и ежегодно представляет ее на пленарном заседании CNIG (Le Conseil National de l'Information Géographique ‘Национального комитета по географической информации’). Она может принимать нормативные перечни, конкретные мнения, общие рекомендации, информационные характеристики. В частности, она составляет и обновляет список французских названий стран и столиц государств-членов Организации Объединенных Наций, может предлагать Национальному комитету по географической информации юридические тексты и стандарты [236].

Стандартизация географических названий

В 2007 г. группой экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям опубликовано «Руководство по национальной стандартизации географических названий», включающее две части: «Организация национальной программы. Стандартизация географических названий» и избранные материалы о стандартизации географических названий [241].

Стандартизация географических названий привлекает внимание не только лингвистов, но и географов, так как во многом связана с ведением картографической и юридической документации. Правила унифицированной фиксации и адекватной передачи топонимов особенно важны в картографии, для почтовой связи, паспортно-визовой службы, прессы, средств массовой коммуникации и других сфер. Ошибки и несогласованность в написании наименований географических объектов вносят путаницу при оформлении документов, наносят ущерб функционированию учреждений связи и транспорта, усложняют работу по учету и регистрации административно-территориальных и территориальных единиц, картографированию территории Республики Беларусь.

Вопрос национальной стандартизации географических названий привлекает внимание белорусских исследователей (П. С. Лопух и Р. Н. Лопух [242]; О. И. Копач [243]; Н. Г. Авраменко [240]). На XV Международном конгрессе славистов в Минске И. Л. Копылов привлек внимание научного сообщества к проблеме нормализации национальной топонимии Беларуси в условиях государственного белорусско-русского двуязычия [244].

Стандартизация номинации внутрипоселенческих объектов в условиях функционирования нескольких языков

Растущая интернационализация современной жизни подталкивает страны принимать в качестве официальных такие имена, которые позволили бы представителям других государств понять, о какой местности идет речь, и беспрепятственно найти ее на карте. Постоянное использование точных, официально принятых и зафиксированных документально названий способствует эффективной коммуникации различных регионов мира, поддерживает ускоренный социально-экономический рост, управление природопользованием и национальной инфраструктурой и т. д. За этот процесс во многом ответственна стандартизация. Стандартизация географических названий — одно из важнейших направлений ономастической работы во всем мире, для содействия которому была учреждена в 60-х годах Группа экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям [245]. Стандартизация в отношении к географическим названиям / топонимам, определяется данной группой как «принятие соответствующим уполномоченным органом конкретного набора стандартов или норм, например, для единообразного представления топонимов; приведение топонима в соответствие с такими нормами» [246, с. 7].

О важности данного аспекта свидетельствует и проведение специализированной конференции, посвященной этой проблематике, — Конференции ООН по стандартизации географических названий, которая проводится, как правило, раз в пять лет. В ее работе принимают участие специалисты по географическим названиям из разных стран.

Согласно «Глоссарию терминов для стандартизации географических названий» стандартизация, нормализация — это: а) «принятие соответствующим уполномоченным органом конкретного набора стандартов или норм, например для единообразного представления топонимов; б) приведение топонима в соответствие с такими нормами; а стандартизация (нормализация) географических названий — «утверждение официальным органом по географическим названиям для конкретного географического объекта одного или больше названий и их точной письменной формы, а также условий их использования» [17, с. 147].

Стандартизация может быть национальной («стандартизация географических названий в пределах территории национального образования, например государства» [17, с. 148]) и международной («деятельность, направленная на достижение максимальной практической унификации в передаче устной и письменной форм всех географических названий посредством проведения 1) национальной стандартизации и/или 2) принятия международных правил, устанавливающих соответствие между различными языками и системами письменности» [17, с. 148]).

Стандартизованным названием считается «название, одобренное официальным органом по географическим названиям в качестве предпочтительного названия данного объекта из числа возможных аллонимов (вариантов названия). При этом объект может иметь более одного стандартизированного названия» [246, с.7–8].

Для французской топонимической политики существенно учитывать оппозицию официального и региональных языков. Согласно конституции «региональные языки являются частью национального достояния Франции, однако единственным государственным языком является французский» [247]⁵. В 2021 г. в Национальном

⁵Среди региональных языков названы баскский, бретонский, каталанский, корсиканский, немецкие диалекты Эльзаса и Мозеля (эльзасский и франкский мозель), западнофламандский, франко-провансальский, языки д'ойль (анджуйский, бургундский, лотарингский, шампанский и др.), нормандский, пикардский, языки д'Ок (гасконский, лангедокский, провансальский, овернский, лимузенский и др.), лигурийские диалекты и т. д. [248].

собрании Франции проголосовали за проект закона о региональных языках, который легитимирует преподавание в государственных школах на бретонском, каталонском и других региональных языках и фиксирует необходимость дублировать на них официальные вывески, в том числе названия улиц⁶.

Предусмотрены и другие меры по поддержанию «лингвистического наследия Франции» [247]. В некоторых регионах дублирование уличных указателей уже существует, однако это не является по-всеместным и обязательным» [247]. Согласно разработанному Советом Европы руководству для коммун «Топонимия на региональных или миноритарных языках» «публичное использование этих названий на городских указателях и дорожных указателях, а также в других областях способствует их сохранению и побуждает жителей использовать региональный язык или язык меньшинства. Это показывает жителям и гостям, что коммуна является двуязычной и представляет собой видимое признание языка» [249, с. 4]. Эксперты назвали закон «историческим прорывом». «Принятие» топонимов на региональном языке или языке меньшинства означает официальное признание этих названий. Таким образом, они приобретают юридический статус» [249, с. 7].

Согласно данному руководству, возможно использование:

- а) одноязычных официальных топонимов на региональном языке или языке меньшинства;
- б) двуязычных официальных топонимов (официальный государственный язык + региональный язык или язык меньшинства).

«Одноязычные официальные топонимы на региональном языке или языке меньшинства являются выражением “решительных действий” в пользу этого языка в соответствии с положениями европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств» [249, с. 7].

⁶Закон впервые признает региональные языки «лингвистическим наследием Франции». Он дает статус «национального достояния» предметам, представляющим существенный интерес для знания этих языков, таким как древние рукописи или аудиозаписи. «Автором законопроекта стал депутат из бретонского департамента Морбиан Поль Молак. Сам бывший школьный учитель, Молак давно борется за государственное признание региональных языков, и владеет двумя региональными языками Бретани — бретонским и галло [247].

Кроме того, «европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств предусматривает использование или принятие традиционных (исторических) топонимов⁷.

Остановимся подробнее на функционировании названий в Большом Восточном регионе (Гранд-Эст), где взаимодействуют официальный государственный и региональные языки (эльзасский, платтский, валлийский, римско-лотарингский, шампанский и арденский диалекты, валлонский и др.) [250]. Подобное языковое многообразие свойственно многим французским регионам, что объясняется экстралингвистическими факторами — историческим, социальным, экономическим и т. д. Так, в Страсбурге⁸ около пятидесяти улиц обозначены на французском и эльзасском языках — на двуязычных табличках, установленных муниципалитетом⁹. Еще две коммуны на северо-востоке Франции в регионе Гранд-Эст, где на уличных указателях фигурирует региональный язык, — Оберне (фр. Obernai) и Мюлуз (фр. Mulhouse)¹⁰. Эльзасские названия улиц редко представляют собой прямые переводческие соответствия французских названий, поэтому все переводы объясняются на сайте «Двуязычные таблички» [253].

⁷Многие топографические названия на региональных языках или языках меньшинств когда-то были официальными. Коммуна, которая хочет ввести топографические названия на региональном языке или языке меньшинства, должна сначала опираться на старые планы и принять используемые там названия и написание. ... Также возможно дать улице имя, функционирующее в устном обиходе. Если ни одно из предыдущих предложений не может быть применено, название улицы на официальном государственном языке может быть дословно переведено на региональный язык или язык меньшинства» [249, с. 11].

⁸Город и коммуна на востоке Франции, историческая столица Эльзаса, расположенный в регионе Гранд-Эст, его административный центр.

⁹Создание этих двуязычных табличек было предметом жарких дебатов в Страсбурге в течение пяти лет. По данным муниципалитета, улицы Страсбурга должны восстановить свою эльзасскую идентичность со скоростью около пятидесяти в год» [251].

¹⁰«Город Оберне хотел популяризировать эльзасский диалект и историю Оберне, установив 52 двуязычных таблички на 32 улицах в центре города ... Улицы в центре Оберне теперь вернули себе свое прежнее название на эльзасском языке» [252]. Впоследствии количество двуязычных улиц увеличилось более, чем в пять раз. А в Мюлузе каждая третья улица имеет перевод на эльзасский. Региональная комиссия по развитию языка и культуры активно работает над сохранением этого языка, даже если перевод редко бывает дословным [253].

Нормативные топонимные справочники и словари

Одним из важных этапов стандартизации является создание серии нормативных справочников по регионам стран. Так, в Беларуси это справочники по областям «Названия населенных пунктов Республики Беларусь» [254], содержащие все имеющиеся на 1 января 2008 г. названия населенных пунктов Республики Беларусь, распределенные по четырем рубрикам. Инициатором издания справочника является Комитет по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь. Подготовка текста справочника велась совместно с Республиканской топонимической комиссией при Национальной академии наук Беларусь с участием районных исполнительных комитетов и широкой общественности (сотрудников краеведческих музеев, школьных учителей, преподавателей высших учебных заведений и студентов).

К основным научным трудам по топонимике и топонимии Франции относятся следующие:

а) «*Dictionnaire des postes aux lettres*» (‘Почтовый словарь’), изданный в 1837 г. В данном словаре содержатся в алфавитном порядке названия городов, коммун и основных населенных пунктов Франции с указанием их населения; почтовых отделений, которые там открыты, с обозначением основных городов или зарубежных стран и колоний, условий оплаты писем [255];

б) «*Dictionnaire topographique de la France*» (‘Топографический словарь Франции’). Сборник топографических словарей был начат в 1859 г. Комитетом исторических исследований (фр. Comité des travaux historiques) по предложению историка L. Delisle¹¹. По состоянию на 1953 г. были изданы словари всего 32 департаментов [257, с. 342]. С 2009 г. Комитет по исторической и научной работе (фр. Comité des travaux historiques et scientifiques — CTHS) был вовлечен с другими учреждениями, включая Национальный архив, в работу по электронной публикации коллекции топографических словарей по департаментам (приложение Dico Tоро) [258]. В данный момент с «Топографическим словарем Франции» (фр. *Dictionnaire topographique de la France*), включающим старые и новые названия

¹¹Эти словари представляют собой повседневный рабочий инструмент для историков и исследователей департаментов, для которых они созданы, привычный и знакомый инструмент, который предлагается критически пересмотреть в ходе работы над проектом электронного издания, выполняемого в настящее время [256].

населенных пунктов и местных объектов, можно ознакомиться на сайте <https://dicotopo.cths.fr/> [258]¹².

Государственный каталог наименований географических объектов Республики Беларусь, созданный во исполнение Закона Республики Беларусь «О наименованиях географических объектов», — «современная электронная база данных наименований географических объектов республики, постоянно актуализируемая на основе официальных источников информации и являющаяся неотъемлемой частью Государственного картографо-геодезического фонда Республики Беларусь» [261].

Подобно справочникам населенных пунктов целесообразно создать аналогичные словари названий внутрипоселенческих объектов. В настоящее время пока не изданы словари и справочники наименований улиц в районных городах Витебской области. Публикации, посвященные данной категории имен собственных, также малочисленны (см. работы А. М. Мезенко [22; 262], М. Л. Дорофеенко [22–ДМЛ]). В настоящее время комплексным научным трудом, содержащим сравнительно-сопоставительную характеристику виконимии и урбанонимии, можно назвать монографию «Витебщина в названиях улиц». В ее первой части раскрывается вопрос о сходствах и различиях внутригородских и внутрисельских названий, отражении гендерного показателя, когнитивного уровня языковой личности, мировоззрения в урбанонимии и виконимии [107, с. 6–31], представлен перечень улиц по районам, сельсоветам и населенным пунктам Витебской области. Во второй части в алфавитном порядке размещен список улиц Витебщины. Каждая статья, посвященная наименованию отдельного линейного объекта, включает толкование названия и паспортизацию объекта [107]. Кроме того, в научной работе «Урбанонимия Белоруссии» [106] комплексно анализируются внутригородские названия всей страны.

Французские урбанонимы почти всех городов — центров административных департаментов Большого восточного региона

¹²Анализируемые французские внутрипоселенческие топонимы расположены в городах департаментов Марна (фр. Marne) и Верхний Рейн (фр. Bas-Rhin), топографические словари которых изданы во второй половине XIX в.: «Эльзас древний и современный, или топографический, исторический и статистический словарь департаментов Верхнего и Нижнего Рейна» J. Baquol [259] и «Топографический словарь департамента Марна, включающий названий древние и современные» Au. Longnon [260].

Франции включены в словари и справочники. Так, можно выделить три группы изданий:

1) словари названий улиц, в том числе топографические, исторические и этимологические, созданные французскими лингвистами, литераторами, археологами, архивистами, специалистами по истории региона и департаментов. В такой форме охарактеризованы названия улиц Мец (F.-M. Chabert [263; 264], S. Wagner [265]); Шарлевиль-Мезьер (S. Taute [266]); Нанси (J.-M. Cuny [267; 268]); Страсбурга (L. Daul, T. Rieger, M. Moszberger [269]; Труа (E. Saint-Mars [270]). В основном в этих сборниках проанализирован репертуар названий улиц, описано происхождение городских топонимов, их локализация и история появления, связанные с ними детали, указаны предыдущие наименования, начиная с древнейшего. Близкими по форме словарям названий улиц являются исторические хроники, обзоры названий улиц, гиды. Так, опубликованы работы, включающие исторический комментарий к названиям улиц, а также справочники наименований улиц: издания, описывающие наименования улиц в Реймсе (гид путешественника [271]) и другие книги, содержащие характеристики улиц города L. Demaison [272], P. Seltzer [273], Pr. Tarbé [274; 275], D. Pellus [276], J.-C. Thuret [277]; Бар-ле-Дюке (H. L'Huillier, J. Forget [278], G. Duménil [279]); Эпинале (J. Bossu [280]); Кольмаре (Aug. Scherlen [281]); Шалон-ан-Шампани (J.-P. Barbier, B. Bourg-Broc [282]); Страсбурге (двуязычный каталог улиц, изданный под эгидой Европейского союза и включающий список улиц на французском и региональном языках [283]). В целом существующие научные справочные издания по форме схожи с историческими словарями, так как содержат историю возникновения урбанонима, предыдущие названия внутригородского объекта и прочие экстраглавистические сведения, имеющие к нему отношение;

2) обзоры улиц конкретного временного периода. Проанализированы, например, древние и современные названия улиц Труа (A.-H.-F. Corrard de Bréban [284]); улицы Нанси в XVIII в., в революционную эпоху и в современности (Ch. Courbe [285]); улицы Нанси с XVI в. и до современности (Ch. Courbe, L. Lallement [286]); новые улицы Нанси с 1903 по 1906 гг. и с 1906 по 1909 (E. Badel [287; 288]); этимология названий улиц Реймса в 1328 г. (Ch. Cerf [289]); древние и новые названия улиц Страсбурга (R. Reuss [290]);

В Беларуси, несмотря на достаточно разработанную нормативную базу по стандартизации географических наименований, сейчас все же существуют определенные затруднения, связанные

с приведением национальных наименований в соответствии с требуемыми нормами. В настоящее время, как полагают некоторые учёные, в белорусской топонимии возникают трудности, связанные с расхождениями

1) *при национальной форме написания* (раздельное, слитное или дефисное написание сложных географических названий, приставное «в»; названия на *-ицна*, *-ицзна*; написание числительных в географических названиях; образование прилагательных (касается названий административно-территориальных единиц) [242, с. 89];

2) *при передаче с белорусского языка на русский* (удвоенные согласные; названия, связанные с переводом; упорядочение однотипных названий разных родов объектов) [242, с. 90].

Как видим, в Беларуси проблемы орфографического оформления связаны по преимуществу с интерлингвальным фактором, в системе французских географических названий наибольшие трудности сопряжены с написанием прописной буквы, дефиса, вариации в написании наименования и т. д.

Таким образом, как в Беларуси, так и во Франции внутрипоселенческие и поселенческие названия присваиваются и функционируют в условиях функционирования двух языков. Установлено, что в двух ономастических системах наблюдается подобная обстановка в сфере регламентации и стандартизации названий: созданы специализированные организации, призванные контролировать данные процессы, разработана нормативная база документов, изданы тематические справочники и словари. Однако существуют определенные сложности, связанные с унификацией написания национальных названий и / или их транслитерации.

Первоначальный этап национальной стандартизации географических названий в Беларуси и Франции — создание соответствующих нормативно-правовых документов, регулирующих процесс нормализации названий географических объектов.

Стандартизация и нормализация наименований внутрипоселенческих объектов в Беларуси

Вопросы стандартизации наименований географических объектов нашли также отражение в Законе Республики Беларусь «О геодезической и картографической деятельности» [291], «в котором стандартизация наименований географических объектов отнесена к геодезическим и картографическим работам государственного назначения» [240, с. 18]. Согласно данному закону имеющая

большое социальное и экономическое значение важная государственная задача по стандартизации, учету и упорядочению употребляемых географических названий возложена на Комитет по земельным ресурсам в лице Госкартгоцентра [242, с. 87]. В Беларуси при присвоении имени внутрипоселенческим объектам необходимо руководствоваться основным законодательным актом — Законом Республики Беларусь от 16 ноября 2010 г. № 190-З «О наименованиях географических объектов» [234], согласно статьям 16 и 17 которого все наименования элементов улично-дорожной сети в нашей стране должны присваиваться на белорусском языке, с которого способом транслитерации передаваться на русский язык. При этом следует учитывать, что «действие статьи 17 Закона не распространяется на наименования, присвоенные географическим объектам до вступления в силу Закона (до 2 марта 2011 г.). В данном случае ранее присвоенные наименования на русском языке сохраняются, а белорусское наименование присваивается дословным переводом с русского на белорусский язык» [292]. «К наименованию, присвоенному до вступления в силу Закона только на русском языке, при передаче на белорусский язык и возможной вариантности выбирается вариант, приближенный к русской форме написания (например, ул. Радужная — вул. Радужная, а не вул. Вяслекавая; ул. Шоссейная — вул. Шасейная, а не вул. Шашейная)» [292]. Вот поэтому пока сохраняется разночтение в написании на разных языках. В случае присвоения названия географическому объекту после 2 марта 2011 г. (дата вступления закона в силу), отличий на белорусском и русском не будет. Правильное и законодательно утвержденное наименование внутрипоселенческого объекта можно найти на сайте Национального кадастрового агентства [292].

В качестве одной из мер по упорядочению наименований географических объектов в Беларуси в 1998 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства» [293].

«На основании Указа Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2012 г. № 160 «Об адресной системе» и в соответствии с Инструкцией о порядке ведения адресной системы, утвержденной постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь 15 августа 2012 г. № 27, в республике проводится нормализация наименований ЭУДС» [292].

С целью реализации положений Закона «О наименованиях географических объектов» Республиканской топонимической комиссией и учреждением «Государственный центр картографо-геодезических материалов и данных Республики Беларусь» разработана «Техническая инструкция по передаче наименований географических объектов с белорусского языка на русский язык», устанавливающая способы и правила передачи наименований географических объектов с белорусского языка на русский язык [294].

Еще ранее главным управлением геодезии и картографии при совете министров СССР была создана «Инструкция по русской передаче географических названий Белорусской ССР» (1972), в основу которой положена «Инструкция по передаче на картах географических названий Белорусской ССР» 1964 г. (автор Г. П. Бондарук, редактор Г. Г. Кузьмина). Еще один важный документ, обеспечивающий узнавание белорусских названий представителями других стран, — «Инструкции по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита» [295]¹³.

В условиях государственного двуязычия Беларуси необходимым условием является установление единообразной и точной формы написания названия географического объекта на двух государственных языках — белорусском и русском. Перевод топонимов на русский язык осуществляется с белорусской формы письма методом транслитерации. Способ передачи топонимов дословным переводом исключается: «он вызывает расхождения в названиях географических объектов, усложняет их регистрацию и регистрацию в реестрах и противоречит двум основным принципам международной топонимии — узнаваемости и обратимости» [244, с. 338]. В 2021 г. Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова опубликовали статью, посвященную анализу современного состояния

¹³ В соответствии с ней географические названия Республики Беларусь транслитерируются с их современного белорусского написания, уточняются правила транслитерации букв, имеющих в кириллице двоякое значение (Е, е, Ё, ё, Ю, ю, Я, я), правила транслитерации букв белорусского алфавита соответствующими буквами латиницы с использованием диакритического знака [295]. В уточнениях к этим правилам (2023 г.) содержится общая информация по передаче национальных названий на другие языки и приводятся таблицы транслитерации букв белорусского алфавита, небуквенного знака (апострофа), букв русского алфавита соответствующими буквами (буквосочетаниями) латинского алфавита [296].

в орфографической кодификации топонимов, а также лингвистическим основам современного написания топонимов [297, с. 21]¹⁴.

Специалисты периодически обращаются к наименованиям внутрипоселенческих объектов с целью наведения порядка и устранения разнотечений. Как полагает консультант управления геодезии и картографии Государственного комитета по имуществу И. Бородич, в настоящее время для адресной системы Беларусь характерны следующие черты: «превалирующее большинство наименований на русском языке, не имеющих официальных белорусских эквивалентов; отсутствие единобразия в написании одного и того же наименования улицы в различных источниках; появление вариантиности при обозначении одноименных улиц в разных населенных пунктах» [298]. В некоторых населенных пунктах в свое время такие названия существовали [299].

В 2014 г. на заседании Топонимической комиссии при Совете Министров Республики Беларусь был рассмотрен вопрос о выработке единых требований, норм и правил по присвоению наименований составным частям населённых пунктов (элементам улично-дорожной сети и приравненным к ним элементам градостроительной планировочной структуры) в честь выдающихся государственных или общественно-политических деятелей, деятелей культуры и искусства, их учету и употреблению [300]. Решение состоит в следующем.

1. Присваиваемые улицам наименования в честь выдающихся личностей должны состоять из имени и фамилии выдающейся личности во всех случаях, псевдонима. «Специалисты Топонимической комиссии пришли к выводу, что использование в наименовании имени и фамилии выдающейся личности в полной мере отвечает требованиям унификации топонимической системы внутри населенных пунктов, служит образовательно-воспитательным целям, позволяет идентифицировать личность, в честь которой названа улица» [298]. С практической точки зрения использование в наименовании имени, причем на первом месте, необходимо для правильного написания

¹⁴ В основу предлагаемой модели орфографической кодификации топонимической лексики положено соответствие использования прописной или строчной буквы системным условиям реализации противопоставления имени собственного и имени нарицательного с учетом обнаруженных модификаций этого противопоставления. В приложенных к статье орфографических правилах формулируются нормы написания топонимов, включая и те их типы, которые до настоящего времени орфографическими правилами не были охвачены.

фамилии на русском и белорусском языках и помогает избегать грамматических ошибок [298]. Примеры таких номинаций находим как в урбанонимии (ул. Язепа Дроздовича¹⁵, ул. Веры Хоружей), так и в виконимии (ул. Антона Гриневича), однако большинство внутрипоселенческих названий, функционирующих в населенных пунктах и присвоенных в честь известных личностей, зарегистрированы без имени (ул. Горохова, ул. Маркова; ул. Кульнева, ул. Суворова).

2. Необходимо полностью отказаться от использования инициалов в наименованиях: «сокращение псевдонима не допускается (правильно пл. Якуба Коласа, а не пл. Я. Коласа). Также не допускается параллельное использование псевдонима выдающейся личности и ее настоящих имени и фамилии в пределах одного населенного пункта» [298].

Кроме того, при работе с наименованиями географических объектов необходимо руководствоваться следующими правилами:

1) обязательно употреблять букву ё в написании географических наименований (решение Топонимической комиссии от 28 декабря 2011 г., протокол № 5), а «в случае, если в Едином реестре административно-территориальных и территориальных единиц Республики или реестре адресов Республики Беларусь (для наименований улиц) официальная форма наименования зарегистрирована с буквой е вместо буквы ё, уполномоченному на то органу следует принять решение о переименовании» [300]. По имеющимся в нашем распоряжении данным, данное требование реализуется успешно как во внутригородской (Зелёная ул., Озёрный пер., Приозёрная ул.), так и во внутрисельской топонимии (Вишнёвая ул., Зелёная ул.);

2) «проставлять надстрочный символ ударения над наименованиями географических объектов как в белорусской, так и в русской формах написания. Ударение необходимо для осуществления правильной транслитерации наименования и особенно важно для правописания наименований на белорусском языке» [300]. Данное

¹⁵примеры, приведенные для урбанонимии, зарегистрированы в городах Витебской области Беларуси и Большого восточного региона Франции; примеры виконимии зафиксированы в сельских населенных пунктах Витебского и Полоцкого районов Витебской области Беларуси, департаментов Нижний Рейн и Марна Большого восточного региона Франции. Большее количество примеров с паспортизацией представлено в словаре внутригородских и внутрисельских названий М. Л. Дорофеенко [301].

требование пока не нашло применение в практике номинации внутрипоселенческих объектов;

3) «числительные, входящие в состав наименований на белорусском и русском языках, указывать арабскими цифрами, соединенными дефисом с последней буквой грамматических окончаний: зав. Жукóускага 2-і (бел. яз.) — пер. Жукóвского 2-й (рус. яз.). В остальных случаях буквенными наращиваниями числительные не сопровождаются: пл. 1 Мая (бел. яз.) — пл. 1 Мая (рус. яз.)» [300]. Данное требование полностью реализовано в урбанонимии (*2-я Западная ул., 1-й Школьный пер.*) и виконимии (*1-я Шапуровская ул., 1-й Заречный пер.*).

В решении «Об учёте в работе с наименованиями географических объектов» сообщается, что Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь дополнительно «инициирует вернуть практику принятия решений о присвоении наименований улицам с указанием в тексте решения полных имени, фамилии и отчества (если имеется) выдающейся личности и основных заслуг перед обществом, в честь которых имя указанной личности удостоеноувековечения» [300]. Подобная практика поможет без привлечения дополнительных источников информации определить, в честь кого назван внутрипоселенческий объект, определить однофамильцев, соотнести псевдонимы и сохранить официальные сведения об истории наименования улицы.

В 2014 г. сотрудники Национального кадастрового агентства при заполнении Реестра улиц и дорог проверили более 9 тыс. наименований улиц (списки предоставляли местные органы власти) и примерно в 1,8 тыс. случаев, то есть в 20 % из них, обнаружили ошибки следующего характера [302]: а) орфографические ошибки и описки — довольно распространенное явление в наименованиях внутрипоселенческих объектов [302; 303; 304; 305; 306]; б) не всегда в названиях, данных в честь выдающихся личностей, указано полное имя (это необходимо для различия однофамильцев или устранения случаев, когда фамилии людей совпадают со словом, обозначающим предмет или его характеристику, и таким образом название улицы получает несколько смыслов); данный недочет актуален и для анализаируемой внутрипоселенческой топонимии; в) некорректное использование родового термина в наименовании [302]. Заметим, что примеры данного несоответствия обнаружены и нами, однако они более свойственны урбанонимии, в которой функционирует большее количество НТ, чем виконимии: *улица Набережная Эссы, улица Луческая-Набережная, улица Посёлок Льнозавода, ул. Урочище Дубок*.

Кроме того, вопросы вызывают таблички, на которых обозначены названия улиц (аншлаги): корреспонденты агентства «Минск-Новости» совместно с одним из минских подрядчиков, давно работающим в этой отрасли и занимающимся изготовлением аншлагов обошли несколько улиц и проанализировали недостатки табличек, к которым отнесли: некачественное исполнение аншлагов, наличие орфографических ошибок; размещение их в неподходящих местах [307]. Поскольку консенсус пока не достигнут, в некоторых вопросах, относящихся к регламентации внутрипоселенческих названий, периодически появляется информация об ошибках, найденных в наименованиях улиц [308; 309; 310; 311; 312].

Таким образом, в основном внутрипоселенческая топонимия Беларуси и Франции отвечает требованиям, предъявляемым к названиям топографических объектов, проектируемых человеком. Однако следует продолжить работу по поиску и устранению существующих неточностей в составе внутрипоселенческих названий.

Стандартизация и нормализация наименований внутрипоселенческих объектов во Франции

Во Франции 21 февраля 2022 г. вышел Закон № 2022-217 [313], обязующий коммуны с населением менее 2000 человек наименовать улицы и пронумеровать здания [314]. Между тем орфография названий коммун и рек становится объектом исследования [315].

В 1928 г. в Бордо под эгидой Дружественного общества сотрудников типографии и корректоров печати Франции публикуется Типографский кодекс, содержащий набор правил для использования авторами и книжными профессионалами [316]. Этот том включает семь глав, содержащих большое количество иллюстративного материала: 1) сокращения; 2) прописные буквы, строчные буквы, малые прописные буквы; 3) подразделения слов и купюры между ними; 4) курсив; 5) числа; 6) примечания и библиографические ссылки; 7) пунктуация [317].

На сайте французской организации «Conseil national de l’information géolocalisée» ‘Национальный совет по геолокализованной информации’ представлены рекомендации, касающиеся топонимики: юридические компетенции, грамматические рекомендации и наблюдения, проект рекомендаций по передаче на французский язык топонимов и именований жителей зарубежных стран; а также пресс-релизы относительно названий географических объектов в условиях функционирования региональных языков и персональных коммеморативных наименований; практические гиды для использования

должностными лицами; информацию группы экспертов Организации Объединённых Наций по географическим названиям; сведения о топонимах Франции и мира [318]. Еще один документ, касающийся имен географических объектов, — «*Charte orthotypographique du Journal officiel Lois et décrets*» ‘Ортотипографический устав Официального журнала Французской Республики’ (2021), включающий перечень законов и постановлений по написанию различных оборотов и названий географических объектов: основные типографические правила использования аббревиатур, написания адресов, применения скобок, кавычек, прописных букв, дефисов и других элементов [319]. Среди нормативных документов Беларуси есть инструкция по транслитерации белорусских названий буквами латиницы; вопрос передачи названий на кириллице вызывает интерес у французских ученых: S. Sakhno посвящает статью проблемам перевода русского имени собственного [320], а в процессе транслитерации кириллических наименований используется французская норма ISO 9 : 1995. Помимо этого, следует назвать также рекомендации русистов [321] и T. Grass, который рассматривает основные способы передачи топонимов на иностранный язык [322]. Кроме того, существует явление экзонимии (использования национальных эквивалентов географических названий вместо транслитерированных), более свойственное топонимам (M. Mandola, например, анализирует французские эквиваленты польских топонимов [323]).

Французские исследователи также посвящают работы изучению различных аспектов написания и стандартизации названий географических объектов: M. Mathieu-Colas [324], C. Dominguès и I. Eshkol-Taravella [325].

Национальной топонимической комиссией Франции сформулированы грамматические рекомендации [326]. Правильное и законодательно утвержденное наименование внутрипоселенческого объекта во Франции можно найти в Национальной базе адресов [327]. Французская грамматика «*Aidenet*» содержит раздел, посвященный написанию названий улиц. Уточняя, что названия путей сообщения состоят из общего элемента и элемента, определяющего имя, присвоенное этому пути, предлагаются правила для каждого элемента. Подробно описаны правила образования проприальной части от антропонима, касающиеся употребления предлогов, artikelей, строчных и прописных букв, а также дефисов [328]. При этом в специальной литературе пока нет единогласия относительно использования дефиса в названиях со сложной именной частью. F. de Beaurepaire,

например, уточняет, что существуют «две практики для названий, образованных из нескольких элементов: написание *Place de la Croix-de-Pierre* и *rue Guillaume-le-Conquérant*, противопоставляемое варианту без дефисов: Эти же нечеткости получают распространение на городских картах и указателях, а также в административных документах и газетных статьях» [201, р. 64]. При этом сам автор выбирает написание без дефисов.

1.3 Лингвокультурологический инструментарий в исследовании внутрипоселенческой топонимии

В конце XX в. — начале XXI в. сформировался устойчивый интерес к культурной составляющей номинативных единиц, соответственно, это время ознаменовано появлением лингвокультурологического подхода в языкоznании и, в частности, в ономастике. В рамках этого подхода любое имя собственное анализируется как неразрывно связанное с культурой определенного этноса, и это реализуется по-разному в различных исследованиях имен собственных.

1.3.1 Национальная топонимическая картина мира

Региональная и сопоставительная ономастика являются, как уже упоминалось, весьма востребованными отраслями лингвистических исследований. Наиболее перспективные разработки осуществляются в рамках лингвокультурологического подхода, предполагающего изучение культурных ценностей, опыта языковой личности, национального менталитета и языковой картины мира, отраженных в именах собственных.

В русскоязычной ономастике сложилось несколько способов воссоздания языковой картины мира, применяемых преимущественно в отношении внутригородских названий: а) лингвокультурологическое описание системы внутрипоселенческих названий с учетом их семантики, культурного компонента и структуры; б) анализ кодов культуры, представленных в той или иной топонимической подсистеме; в) интерпретация внутрипоселенческих онимов как текстов культуры; г) реконструкция лингвокультурологического поля как способа организации топонимии.

Лингвокультурологическое описание внутрипоселенческих названий с учетом их структуры, семантики и культурного компонента. Имеющиеся научные работы объединяет факт изучения

совокупности названий на основе семантической классификации номинативных единиц с учетом их национально-культурной специфики. В работах, ориентированных на выявление лингвокультурной специфики ономастического материала, при характеристике исследовательского подхода чаще всего используется терминосочетание «лингвокультурологический аспект». В таком ракурсе проанализированы внутригородские наименования отдельных населенных пунктов Великобритании (Е. А. Сизова [89]), России (Е. А. Сизова [89], А. С. Гальцова [210], Ю. Г. Пушкарёва [329], Т. Н. Романова и Н. А. Фёдорова [330]), Франции (Е. А. Сизова [89]), Чили (Е. С. Бобылева [181]) и других стран. Внутрисельские названия пока только начинают исследоваться в данном ключе. Так, на сегодняшний день проанализированы белорусские виконимы в культурологическом (А. М. Мезенко [331]) и лингвокультурологическом аспектах (М. Л. Дорофеенко [112]). Кроме того, имеются существенные наработки и на материале иных разрядов ономайской лексики: топонимов Испании (Г. С. Сударь [332]); графства Оксфордшир и Челябинской области (Л. Н. Давлеткулова [86]); Франции (И. А. Волошкина [333]); топонимов в составе фразеологических единиц английского и русского языков (А. В. Уразметова [90; 91]); ойконимов Циркумбайкальского региона (И. А. Дамбуев [334]), Белорусского Поозерья (Т. Ю. Васильева [335]); урбанонимов Москвы, Лондона, Парижа (Е. А. Сизова [89]), Санкт-Петербурга (А. С. Гальцова [210]), Улан-Удэ (Ю. Г. Пушкарёва [329]); русских коммерческих эргонимов (Н. В. Шимкевич [336]), эргоурбонимов Иркутска (Ю. В. Вайрах [337]); антропонимов разных регионов (Г. Р. Галиуллина [338]); антропонимов в художественном произведении (Л. И. Зубкова [339]; М. В. Школьникова [340]); ономастической фразеологии на материале немецкого языка (В. В. Ловянникова [341]); неофициальных имен собственных в современном американском языке (О. А. Фоменко [342]); зоонимов в русском и адыгейском языках (С. Р. Тлехатук [343]); ономастических реалий в целом (В. А. Ражина [344]).

В работах, цель которых — определение лингвокультурной специфики ономастического материала, в качестве ключевых используются также терминологические словосочетания *национально-культурное* и *лингвокультурное пространство*, *национально-культурный компонент*, *культурный ландшафт* (Н. В. Бубнова [345], Г. Д. Неганова [346], И. Ю. Русанова [347], Ц. Юе [348], С. А. Попов [349], Ф. Я. Хабибуллина [350], Л. Лань [351] и др.).

Так, Д. Ю. Ильин исследует реализацию национально-культурного компонента в региональном топонимиконе [352]; В. В. Катермина рассматривает лингвокультурологический аспект русских коннотативных имен собственных [353]; в работе В.В. Катерминой [353] имена собственные анализируются как носители национально-культурной информации и как реалии, включающие в свой состав национально-культурный компонент. К исследованию национально-культурного компонента онимов обращаются не только специалисты в области ономастики. Так, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, чей лингвострановедческий подход ориентирован на лингводидактику (обучение русскому языку иностранных студентов), полагали, что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [354, с. 70].

Российские лингвисты традиционно уделяют особое внимание коннотативному компоненту онимов. Так, в коллективной работе Е. В. Шерстюковой, А. А. Колесникова, А. П. Пересыпкина проблема семантики личных имен собственных (на материале немецкого языка), а также особенности их функционирования в художественном тексте, где реализуются разного рода коннотации, рассматривается в связи с фоновыми знаниями как отражением культурного, национального, социального, исторического знания человека о самом себе [355]. Прецедентные имена собственные в составе фоновых знаний проанализированы в публикациях Н. В. Бубновой [356; 357; 358]. В частности, в работе Н. В. Бубновой и Н. А. Максимчук рассмотрены названия населенных пунктов в составе ассоциативно-культурного фона онима *Смоленица* [359].

Во франкоязычной ономастике исследования урбанонимов, осуществленные в русле когнитивного аспекта и в контексте взаимосвязи с культурной идентичностью, немногочисленны. Так, J.-C. Bouvier, размышляя о проприальных элементах и культурной идентичности, полагает, что среди всего материала, на основе которого осуществлялись попытки проведения инвентаризации регионального культурного наследия сообщества для определения контуров его региональной культурной идентичности, названия мест и людей занимают особое место [360, с. 14].

Описание семантики топонимов на основе понятия «код культуры». В современных лингвистических исследованиях объем понятия «код культуры» различается у разных авторов, как различается и список культурных кодов. В любом случае нет сомнений в том,

что код культуры, по формулировке В. В. Красных, представляют собой «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [361, с. 232]. Мы исходим из того, что коды культуры являются структурообразующими компонентами национального культурного пространства, а сама культура при этом выступает как совокупность различных кодов. Правила толкования знаков, расшифровки кодов обусловлены лингвокультурой, в которой они будут прочтены, определенным культурным хронотопом, фоновыми знаниями интерпретатора. Коды культуры выражают национальную специфику языка — в том числе в его ономастическом секторе, поэтому их соотношение в различных лингвокультурах неодинаково. В настоящее время определены коды, транслируемые ономастической лексикой (антропонимами, микротопонимами и зоонимами) сельского локуса Воронежского Прихопёрья (Е. И. Сыянова [362]), белорусскими урбанонимами (А. М. Мезенко [363; 364]), виконимами (А. М. Мезенко [331], М. Л. Дорофеенко [112]), внутрисельскими названиями Витебщины и Смоленщины [18–ДМЛ], эргоурбонимами (Л. А. Годуйко, О. А. Корабо [365]). Кроме того, выявлены коды культуры, репрезентируемые ойконимами Беларуси (Т. Ю. Васильева [335]), смоленско-белорусского приграничья (И. А. Королёва [366]).

Ученые выделяют разное количество кодов культуры, представленных в той или иной ономастической подсистеме, однако некоторые коды (антропоморфный, топоморфный, темпоральный) охватывают все группы онимов или, по крайней мере, несколько групп. Следует отметить и разную приоритетность выделяемых кодов культуры. Некоторые названия культурных кодов в их применении к именам собственным обнаруживают синонимичность: физико-географический — географический — ландшафтный; растительный — ботанический — фитоморфный; временной — темпоральный; фаунистический — зооморфный.

Выявление и анализ топонимических текстов культуры. Как вся совокупность географических названий представляет собой глобальный топонимический текст культуры, так и отдельные топонимы и их локальные объединения могут быть рассмотрены как тексты. Этот аспект в исследовании топонимии стал очень популярен в лингвистике и лингвокультурологии в последние десятилетия (Н. А. Симбирцева [367]). Названия природных объектов и объектов, созданных человеком, в свернутом виде хранят ценные для истории

и культуры сведения о событиях, быте, хозяйстве, искусстве, жизненных ценностях этноса (см. подробнее в п. 1.3.2 «Интерпретация внутрипоселенческих топонимов как текстов культуры»).

Конструирование лингвокультурологического поля как формы организации топонимии. Концепция лингвокультурологического поля предполагает два понимания поля — как формы организации языковых единиц и как метода исследования объединений этих единиц. По распространенному убеждению, сущностью поля является взаимодействие составляющих его семантических компонентов. Лингвокультурологическое поле как объединение номинаций, имеющих культурную значимость, подробнее рассмотрено нами ниже (см. подробнее п. 1.3.3 «Теоретические основы построения лингвокультурологического поля»).

1.3.2 Интерпретация внутрипоселенческих топонимов как текстов культуры

Вопрос о значении имени собственного в общем и внутрипоселенческого топонима в частности был и остается одним из важнейших и наиболее спорных в ономастике. Значение имени нарицательного, как известно, базируется на тесной связи между акустическим воплощением слова, называемым предметом и понятием, существующим в сознании познающего человека и складывающимся из наиболее значимых, первоосновных характеристик предмета. Имя собственное также представляет собой звуковой комплекс, который соотносится с называемым объектом (денотатом). Однако затруднительным в этой смысловой организации является определение того понятия, которое возникает в сознании в связи с денотатом. Семантика внутрипоселенческого топонима неразрывно связана с его культурными коннотациями, то есть устойчивыми культурно значимыми смыслами номинативной единицы. Человек как носитель определенной культуры воплощает в названиях географических объектов собственные представления и сведения, отражающие картину мира.

Текст культуры — динамическая система, постоянно изменяющаяся, так как является «отражением совокупного социально-культурного опыта создания и трансляции смыслов и ценностей культуры, значимых в одном пространственно-временном континууме и становящихся актуальными в другом» [368, с. 28]. По мнению Н. А. Симбирцевой, «тексту культуры предшествует язык как

универсальная форма освоения реальности и вместилище памяти культуры. Язык культуры обладает национальной спецификой, ментальными особенностями, своеобразием репрезентации ценностей и отношением к миру. Текст культуры формируется и строится на основе языка, на котором «говорит» та или иная культура (метаязык эпохи)» [368, с. 28]. Имена собственные, являясь языковыми реалиями, подчиняются внутренним законам конкретного языка и формируются на определенной территории. При индивидуализирующей номинации объекта важную роль играют уже имеющиеся фоновые знания. Исследование регионального ономастического материала позволяет не только проследить пути формирования местных названий, но и, что особенно важно, значимо для их сохранения. Исследование отонимного топонимикона позволяет увидеть еще одну грань языковой картины мира народа. На формирование личности влияют различные факторы: социальное и языковое окружение, уровень образования, а также ономастический материал — совокупность имен собственных, которыми человек пользуется в жизни [368, с. 24]. В эту совокупность входят в том числе и внутрипоселенческие номинативные единицы.

Текст культуры как объект исследования набирает популярность в гуманитарных исследованиях в первые десятилетия XXI в., причем связанная с этим научным концептом тематика сразу привлекла исследователей. В работах Н. А. Симбирцевой текст культуры рассматривается как культурологическая категория, анализируются ее ценностно-смысlovой потенциал, функции текста культуры и механизмы, влияющие на его трансформацию в социально-культурном контексте [368]; кроме того, определяются особенности прочтения текста культуры [369], в том числе и в истории культуры [367]. Автор посвящает свою монографию рассмотрению понятия «текст культуры» и выявлению специфики культурологической интерпретации как научного процесса, а также анализу содержательных и функциональных особенностей бытования текста культуры, культурных текстов (практик) и отдельных артефактов в условиях постиндустриальной культуры и видеократии рубежа XX–XXI вв. [370].

Тексты культуры рассматриваются и в контексте ономастического материала. В белорусской ономастике этому предшествуют исследования, посвященные установлению компонентов культуры номинативных единиц на примере отантропонимной геонимии Витебщины (ср. монографию А. М. Мезенко 2008 г. [107, с. 22–30]).

Впоследствии появляется ряд исследований, в которых определяются тексты культуры, транслируемые урбанонимами (А. М. Мезенко [371; 110]; М. Л. Дорофеенко [19–ДМЛ; 20–ДМЛ; 21–ДМЛ]).

Параллельно с установлением текстов культуры, задействованных в онимах разных территорий, ученые из Беларуси и России ведут исследования по осмыслинию этнической составляющей и установлению этнического разнообразия подсистемы внутригородских названий (А. Н. Соловьев [372]; А. М. Мезенко, Т. П. Слесарева [96; 373]); определению маркеров культуры (А. М. Мезенко [374]).

По мнению Н.А. Симбирцевой, различия в трактовке термина «текст культуры» — это результат научных изысканий представителей разных школ, т. е. определяющим является подход, в рамках которого осуществляется анализ [369]. Анализ существующих определений термина позволил обобщить их в следующей формулировке: текст культуры — «специфическая форма транслирования знаний об окружающей действительности и передачи восприятия объекта адресантом адресату» [20–ДМЛ, с. 185]. Уточним, что примерами этого явления могут выступать различные образно-текстовые сообщения, в том числе и имена собственные, которые становятся средствами хранения и передачи информации, то есть являются сами значимыми объектами для лингвиста, историка, культуролога, так как имеют лингвистическую, историческую и культурную значимость. Как считает Н. А. Симбирцева, «выявление ценностно-смыслового потенциала объектов, форм, черт культуры, выраженных в знаково-символической форме, открывает исследователю возможность прочесть историко-культурный контекст, в который они погружены: получить представление о тенденциях времени, настроениях общества, веяниях моды, социально-культурных практиках, нравах, обычаях, традициях и т.д.» [369].

В белорусской ономастике внутригородские и внутрисельские наименования рассмотрены с позиций текстов (компонентов) культуры в работах А. М. Мезенко [107, с. 22–30] и автора данной монографии (М. Л. Дорофеенко [20–ДМЛ]).

Внутрипоселенческие названия Франции пока не изучены в данном аспекте. Однако имеются франкоязычные работы, направленные на изучение роли имен собственных в формировании культурной идентичности (J.-C. Bouvier [360], С. Émond [375]). Так, J.-C. Bouvier, размышляя об ономастических обозначениях и культурной идентичности, указывает новые направления для исследований в области ономастики: «Теперь, когда основы исторической

топонимии прочно установлены, мне кажется важным, чтобы лингвисты, этнологи и историки объединили свои усилия для изучения места и функции ономастического обозначения в повседневном дискурсе, оценили ту часть человеческого опыта, индивидуального и коллективного, которую оно несет в себе и, наконец, исследовали, в какой степени оно, связанное с другими элементами, может воплотить поиск культурной идентичности» [360, р. 23].

Анализ немногочисленных работ, посвященных культурной составляющей внутрипоселенческих названий Беларуси и Франции, показывает, что степень изученности данной проблемы невысока, культурная семантика урбанонимов и виконимов описана фрагментарно и с разных позиций. Монографические сопоставительные исследования не осуществлялись, по-видимому, по причине отсутствия в разных национальных лингвистических традициях единых подходов к анализу ономастического материала.

1.3.3 Лингвокультурологическое поле как метод исследования системной организации внутрипоселенческой топонимии

Ценность полевого подхода к анализу различных совокупностей языковых единиц определяется его базовыми принципами, предполагающими учет целостности того или иного множества, упорядоченности, взаимозависимости и взаимоопределенности его элементов. Если поле в лингвистике — это система единиц, объединенных семантическим и/или функциональным сходством, то для лингвокультурологического поля добавляется еще один интегративный компонент — соответствующий фрагмент культуры. Как показал В. В. Воробьев, составляющие ЛП принадлежат не только языку, но и культуре, имеют «своебразное внеязыковое измерение» [376, с. 40]. С позиций лингвокультурологии метод полевого описания языковых фактов дает возможность выявить роль языка в хранении и трансляции культурных ценностей.

Метод лингвокультурологического поля тесно связан с концепцией лингвокультурологического макрополя, которое базируется на учении о лингвокультурологическом поле, с одной стороны, и представлении о макрополе — с другой.

Идея лингвокультурологического поля основана на значимости полевого метода исследования при исследовании языка в его корреляции с культурой. Так, В. В. Воробьев понимает ЛП как «иерархическую структуру множества лингвокультуререм, обладающих

общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определенную культурную сферу» [377, с. 65.].

Как полагает Н. М. Непомнящих, «переход от семантического поля к полю лингвокультурологическому сопровождался актуализацией различных аспектов полевого метода: лексико-семантического, фразео-семантического, вариационного, грамматико-лексического и некоторых других» [378, с. 65].

В XXI в. сложилось несколько направлений исследований ЛП.

1. Собственно теоретические разработки, направленные на изучение структуры и методологии описания лингвокультурологического поля (В. В. Воробьев [377], Н. Д. Паршина [379]), а также его сущности, заключающейся в единстве языка и культуры (О. А. Козырева [380], Р.Х. Хайруллина, В.В. Воробьев [381]).

2. Описание ЛП различных явлений — лингвистических, культурных, педагогических (И. В. Гостева [382], Е. С. Луткова [383]). Многие работы посвящены выявлению структуры ЛП поля каких-либо концептов в английском (М. М. Ангелова [384], Н. Д. Паршина [385]), русском (Н. Р. Суродина [386], Ф. Х. Хасанова [387]), немецком языках (Н. С. Годжаева [388]).

3. Исследование различных языковых полей (в основном лексико-семантических) с определением свойственных им лингвокультурологических особенностей в русском (М. О. Сорокина [389], Р.Н. Канафиев [390], М. В. Калинина [391], Т.К. Бардина [392]), английском (О. Е. Середина [393], И. Э. Коротаева [394], М. А. Русинова [395]), итальянском (А. Е. Власова [396]) языках, а также в нескольких языках в сопоставительном плане (Е. В. Баранова [397]).

Как свидетельствуют работы, посвященные изучению лингвокультурологического поля, ученые выделяют следующие компоненты в его структуре:

- имя (ядро) поля и его инвариантный лингвокультурологический смысл (интенсионал имени и поля);
- классы (группы) лингвокультуререм как единиц — единство собственно языкового и внеязыкового содержания (экстенсионал поля); центр и периферия;
- категориальные отношения лингвокультуререм в поле;
- парадигматика лингвокультуререм;
- синтагматика лингвокультуререм [377, с. 64–65].

Теория макрополя применялась на материале лингвистических единиц различных языков — русского (Э. Думитру [398], С. М. Колесникова, М. Тянь [399; 400]), английского (Е. А. Кучинская, [401]),

французского (Е. А. Ядрихинская [402]), немецкого языков (Е. И. Мазитова [403]). Как правило, в приведенных исследованиях термин «макрополе» сопровождается атрибутом «лексико-семантическое» (Е. А. Ядрихинская [402]), «лексико-фразеологическое» (Е. И. Мазитова [403]) и конструируется путем определения семантических особенностей и структурно-семантической организации (Э. Думитру [398]), семантической доминанты С. М. Колесникова, М. Тянь [399; 400] изучаемых языковых явлений.

Опираясь на идеи В. В. Воробьева и учитывая специфику изучаемого нами ономастического материала, мы можем определить лингвокультурологическое поле внутрипоселенческой топонимии как иерархическое устройство единиц урбанонимии и виконимии, имеющих инвариантный мотив номинации (по месту, времени, отношению к человеку и др.), связанных семантически и культурно и отражающих мировоззрение номинатора.

При моделировании ЛП подсистемы внутрипоселенческой топонимии получают объективное классифицирование с учетом национально-культурной специфики и опорой на следующие критерии: тематическая общность, презентация национально-культурной составляющей отонимными наименованиями, наличие схожей структуры и одинакового набора грамматических категорий. Такая организация номинативных единиц по классам представляется правомерной и логичной для демонстрации их сложной смысловой структуры, реализованной в объединениях разной степени обобщенности — макро- и микрополях. Мы исходим из того, что лингвокультурологическое макрополе состоит из трех элементов: ядра, околовядерного пространства и периферии, — каждый из которых включает одно или несколько микрополей, также имеющих трехкомпонентную структуру. Лингвокультурологические микрополя топонимов объединяют в себе тематические классы и подклассы, имеющие как общие (типологически сходные с аналогичными единицами других языков), так и национально-специфические конституенты. Ядро каждого макро-, микрополя содержит наиболее, а периферия — наименее типичные ономастические единицы.

Лингвокультурологические макро- и микрополя внутрипоселенческой топонимии рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте в соответствии с принципом антропоцентризма. Полагаем, что отонимный внутрипоселенческий топоним включает национально-культурный компонент. В отантропонимных названиях данный компонент соответствует принадлежности лица, фамилия

которого послужила основой для номинации внутригородского объекта, к стране, для которой его деятельность оказалась особо значимой (в большинстве случаев компонент коррелирует с национальной принадлежностью), в оттопонимных наименованиях — «географической» семе, то есть указанию на страну. Национально-культурный компонент внутрипоселенческого топонима связан с диалогом культур, который проявляется в урбанонимии и виконимии за счет обмена культурными представлениями, выраженными в конкретных знаках, словах, а также в заимствовании имен из других языков и культур, создании новых имен, отражающих межкультурное взаимодействие. Для того чтобы этот диалог был интерпретирован, необходимо обладать знанием и пониманием культур, вступающих в него. Этому способствует постижение национально-культурного компонента онима.

Выводы по главе 1

Одним из ключевых для белорусской и русской ономастики является термин «ономастическое пространство», передающий представление как о совокупности имен собственных одного языка, так и о системном характере отношений между ними. Во французской ономастике имеющийся переводной аналог данного термина не получил распространения, в научном дискурсе употребляются либо обобщающие термины *nom propre* ‘имена собственные’, *onomastique* ‘ономастика’, либо обозначения совокупностей имен определенного разряда. При высокой упорядоченности белорусской, русской и европейской ономастической терминологии, тезаурусы в рассматриваемых национальных научных ономастических традициях обнаруживают как сходства, так и национально-специфические особенности. На основании анализа русско- и франкоязычного научного ономастического дискурса можно сделать вывод о более высоком уровне теоретической разработанности понятийной системы, связанной с именами собственными, в российской и белорусской ономастике.

Анализ категориального аппарата в каждой из сопоставляемых национальных ономастических традиций позволил заключить, что в обеих терминологических системах есть эквивалентные (*годоним*, *хороним*) или аналогичные термины (те, которые обозначены конструкцией словосочетания); некоторые разряды внутригородских названий занимают периферийное положение в городском онимном пространстве, поэтому не обозначаются специальным

ономастическим термином как в русской, так и во французской терминологии; в русской и французской внутрипоселенческой ономастической терминологии разнится количество ономастизируемых объектов. (Одна из причин нарушения паритета между числом ономастизируемых объектов — малочисленность некоторых видов объектов в связи с периферийным положением в онимном пространстве населенного пункта, и, соответственно, отсутствие исследований их наименований).

Значения одинаковых в двух понятийных системах терминов не всегда совпадают. Расхождения в употреблении и значении терминов обусловлены различными теоретическими подходами к исследованию ономастической терминологии в целом и отдельных разрядов онимной лексики в частности. К настоящему моменту сложилась более или менее упорядоченная система русских ономастических терминов, которые позволяют полноценно описывать онимную систему любого населенного пункта. При этом существует также Список ключевых терминов ICOS, разработанный терминологической группой Международного совета ономастических наук, использование которого для упорядочивания международной терминологии и проведения сравнительно-сопоставительного анализа наталкивается на трудности. Они связаны 1) с лакунарностью в терминологии (т.е. отсутствием эквивалентов в национальной ономастической понятийной системе терминов для некоторых разрядов имен собственных); 2) с терминологической избыточностью для некоторых фрагментов внутрипоселенческого ономастикона; 3) с неодинаковым пониманием (содержанием) одного и того же термина в различных ономастических школах одной страны или нескольких стран.

Белорусские внутрипоселенческие топонимы вовлечены в сферу сопоставительной ономастики, при этом наиболее изучены сходства и различия славянских внутригородских названий в рамках двух, реже трех и четырех национальных ономастических подсистем в номинативном, лексико-семантическом и лингвокультурологическом аспектах. Менее распространены работы, в которых сопоставляются белорусские и неславянские (в частности европейские) внутрипоселенческие топонимы. Французские внутрипоселенческие названия анализируются в русскоязычных ономастических работах в сопоставлении с английскими и русскими, русскими и немецкими; в англо- и франкоязычных исследованиях — с португальскими и итальянскими.

В целом внутрипоселенческая топонимия как в Беларуси, так и в Франции отвечает требованиям эффективной топонимической политики. Однако существуют определенные отступления, которые необходимо устраниć. Так, в Беларуси необходимо продолжить работу по проверке зарегистрированных названий с целью их унификации и исключения разночтений: исправления ошибок и описок, обязательного употребления буквы ё, простояния ударения в белорусской и русской формах написания, включению в состав названия улицы, присвоенной в честь выдающейся личности, не только фамилии, но и личного имени. Внутрипоселенческая топонимия Франции также требует усилий по выявлению ошибок и описок, правильному употреблению дефиса в наименовании.

Обзор исследований внутрипоселенческой топонимии, выполненных в рамках подходов системно-структурной парадигмы, показал, что наилучшим образом этот ономастический пласт разработан в номинативном, семантическом (этимологическом), структурном и словообразовательном аспектах. В последние десятилетия в ономастике наблюдается рост работ, в которых доминирует антропоцентрический принцип анализа материала: взаимодействие имен собственных и культуры, онимов и личности изучается в лингвокультурологическом, этнолингвистическом, лингвопрагматическом, когнитивном и когнитивно-ономасиологическом аспектах.

В этом контексте одним из плодотворных методов описания внутрипоселенческой топонимии нам видится моделирование лингвокультурологических полей, объединяющих онимы на основании инвариантного мотива номинации (по месту, времени, отношению к человеку и др.) и соответственно общих культурных смыслов, отражающих мировоззрение номинатора.

Мы исходим из того, что лингвокультурологическое макрополе состоит из трех элементов — ядра, околоводного пространства и периферии, каждый из которых включает одно или несколько микрополей, также имеющих трехкомпонентную структуру. Лингвокультурологические микрополя топонимов объединяют в себе тематические классы и подклассы, имеющие как общие (типологически сходные с аналогичными единицами других языков), так и национально-специфические конституенты. Ядро каждого макро-, микрополя содержит наиболее, а периферия — наименее типичные ономастические единицы.

ГЛАВА 2

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

Наиболее очевидная структурная особенность внутригородских и внутрисельских названий — наличие в их составе определяющих номинаций, так называемых номенклатурных терминов, обозначающих определенные географические реалии, указывающие на род или вид географического объекта и обусловленных общенациональными (или местными) традициями их использования.

2.1 Строение внутрипоселенческого топонима

Внутрипоселенческая топонимия представлена прежде всего урбанонимами (внутригородскими названиями) и виконимами (внутрисельскими названиями), которые состоят из обозначения типа объекта, расположенного в населенном пункте, и собственно проприальной части. Компонент топонима, соответствующий типу объекта, имеет в основном два терминологических обозначения, первое из которых количественно преобладает в русскоязычной ономастической литературе:

1) *номенклатурный термин* — далее НТ (А. М. Мезенко [106; 107], Е. А. Сизова [89], М. М. Масальская [39], Юе Цюй [404]). Понятие *номенклатура* отражено в двух изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. Так, в первом издании дается следующее определение номенклатуры: «1) Список, совокупность номенов. 2) Список, совокупность названий объектов, регистрируемых и изучаемых данной отраслью знаний». Пр.: н. родства, н. товаров, н. органических соединений, н. ботаническая» [10, с. 91]; во втором предложена следующая расшифровка данной дефиниции: «совокупность специальных названий объектов, употребляемых в данной научной области, в данной области знаний. Пр.: н. родства, н. товаров, н. органических соединений, н. ботаническая, н. грамматическая» [11, с. 87]. Резюмируя эти дефиниции, подчеркнем, что во внутрипоселенческой топонимии номенклатурными терминами называют апеллятивные компоненты, определяющие категорию объекта, названного собственным именем (в нашем случае урбанонимом и виконимом);

2) *географический термин* (Ю. А. Карпенко [405], Н. В. Подольская [10; 11], Э. М. Мурзаев [406], Н. Ю. Забелин [203; 407], Р. В. Разумов [408], А. М. Мезенко [409] и др.).

В первом издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольская под *географическим термином* (ГТ), или детерминативом, понимает «слово, обозначающее определенную географическую реалию. Может быть родовым и видовым. Пр.: река, озеро, залив, болото, долина, мыс, пик, гряда, пустыня, плато, город, деревня, село» [10, с. 44]. В примечании указывается, что «иногда вместо ГТ употребляется словосочетание “топонимический термин”, что неправомерно и имеет иной смысл» [10, с. 45]. Автор дает следующее определение *топонимическому термину* — «вид ономастического термина. Слово или словосочетание, точно обозначающее определенное понятие, существующее в топонимике. Пр.: топонимия, антропотопоним, топонимизация, гибридный топоним, топонимический ряд» (10, с. 149–150). Во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» содержится похожее определение [11, с. 47].

Наряду с данными понятиями используются и некоторые другие обозначения, которые, однако, не получили большого распространения в ономастической литературе. Так, А. М. Мезенко употребляет следующие терминосочетания: *родовой термин, термин-индикатор, географический апеллятив, стержневое слово* [106]; А. Н. Соловьёв — *урбанонимический термин* [410]; Ю. А. Качалкова — *топонимический апеллятив (термин)* [411].

Во франкоязычной ономастической литературе эта единица получила название *terme générique* [412; 413; 414], *élément générique* [415, р. 287] или *générique* [412; 416; 417], *partie générique* [418]. Данные сочетания могут быть переведены как ‘родовой термин’, ‘родовой элемент’ или ‘общий термин’. *Terme générique* определяется как «термин, который относится ко всей категории или роду, а не к конкретному человеку. Этот термин может обозначать как мужчин, так и женщин, как личность или людей. Это может быть также обозначение коллектива ...» [414]. Кроме того, встречаются обозначения *appellatif odonymique* ‘гидронимический апеллятив’ [188] и *élément commun* ‘общий элемент’ [328].

Таким образом, структура белорусского и французского внутрипоселенческого топонима включает два компонента: классифицирующий, указывающий тип внутрипоселенческого объекта, и индивидуализирующий, представленный именем собственным этого

объекта. Заметим, что в ономастике обеих стран большее внимание уделяется исследованию собственно проприальной части составных номинаций, в то время как компонент, называющий тип внутрипоселенческого объекта, порой незаслуженно обделяется вниманием. А между тем совокупность видов внутрипоселенческих объектов обуславливает индивидуальную организацию системы номенклатурных терминов каждой лингвокультуры, изучение которой позволит определить как национально-специфические, так и типологически сходные черты ее упорядочивания.

2.2 Номенклатурные термины внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции

Подраздел посвящен сравнительно-сопоставительному анализу номенклатурных терминов, используемых в белорусской и французской ономастике. Подобные компаративные исследования до сих пор не предпринимались, хотя имеется небольшое количество работ, в которых сопоставлены номенклатурные термины других языков (ср. работы Е. А. Сизовой [89], М. М. Масальской [39], Юе Цюй [404] и др.). В большей степени данные единицы анализировались в рамках национальных ономастических традиций. Так, апеллятивные элементы урбанизмов изучены в рамках ономастических традиций Беларуси (А. М. Мезенко [106; 107], России (Н.Ю. Забелин [203; 407], Р.В. Разумов [408], А. Н. Соловьев [410], Юе Цюй [404], Ю. А. Качалкова [411] и другие ученые) и Франции (S. Gendron [188], H. Dorion et L.-E. Hamelin [417]; D. Badariotti, F. Pfaender, J.-L. Pinol [418], Е.А. Сизова [89], М.Л. Дорофеенко [23–ДМЛ]). При этом D. Badariotti отмечает, что «большинство авторов сосредоточивают внимание на анализе проприальной части геонимов, пренебрегая апеллятивной» [415], а «во французской литературе ранее было проведено очень мало исследований номенклатурных терминов» [415]. НТ исследуются в компаративном аспекте в работах Е. А. Сизовой [89], М. М. Масальской [39], Юе Цюй [404], М.Л. Дорофеенко [23–ДМЛ] и др. Так, Е. А. Сизова, осуществляя лингвокультурологический анализ урбанизмов на материале английского, русского и французского языков, исследует и географические термины в урбанизмии Лондона, Москвы, Парижа [89]. М.М. Масальская рассматривает систему урбанизмов трех славянских столиц: Москвы, Софии и Варшавы. По ее данным, «основным номенклатурным

термином, функционирующим в городском пространстве трех славянских столиц, является «улица»: 50,37% — в Москве, 95,42% — в Софии, 95,93% — в Варшаве» [39, с. 195]. Юе Цюй, изучая на материале московских годонимов теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом, анализирует и номенклатурные термины как межъязыковую проблему, проводит некоторые русско-китайские параллели [404]. М. Л. Дорогеенко осуществляет сравнительно-сопоставительный анализ внутрипоселенческих номенклатурных терминов в русском и французском языках, устанавливает общее и частное в их составе [23–ДМЛ].

Организация системы НТ каждой лингвокультуры индивидуальна и обусловлена совокупностью видов внутрипоселенческих объектов. Изучение этой системы позволит определить как национально-специфические, так и типологически сходные черты ее упорядочивания. Как отмечал Ю. А. Карпенко, «организация географических терминов теснее связана с объектами, с географическими реалиями — она диктуется, строго регламентируется этими реалиями» [405, с. 44].

Соотношение НТ в белорусской урбанонимии представлено на рис. 1.

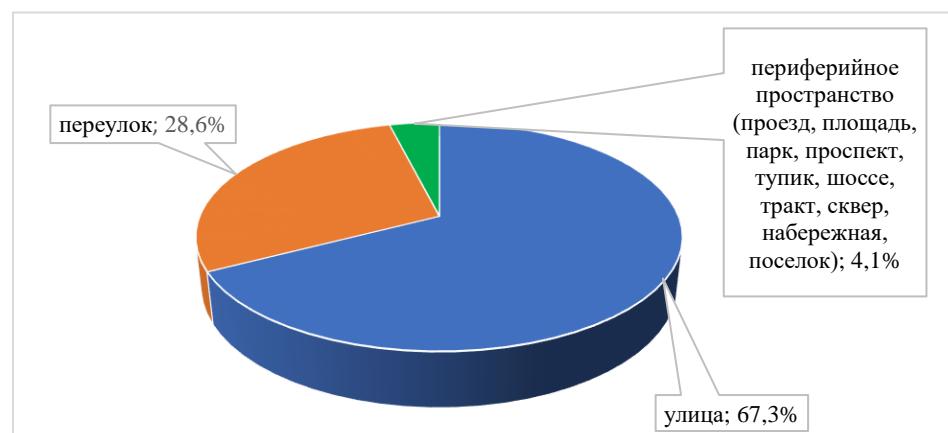

Рисунок 1 — Соотношение номенклатурных терминов в урбанонимии Беларуси

В ядро входит терминологическая единица *улица*: ул. 8 Марта (67,3%). Околоядерное пространство составляет НТ переулок: Заречный пер. (28,6%). Периферийное положение занимают

малочастотные НТ (от 1 до 66 употреблений, 4,1% от общего количества НТ): проезд: *пр-д Янки Купалы*, площадь: *пл. Франциска Скорины*; парк: *парк Победителей*; проспект: *пр-т Черняховского*; тупик: *Февральский туп.*, шоссе: *Бешенковичское ш.*, тракт: *Великолукский т.*, сквер: *Вереницынский скв.*; набережная: *Тираспольская наб.*; поселок: *пос. Междуречье*.

Соотношение НТ во французской урбанизации продемонстрировано на рис. 2.

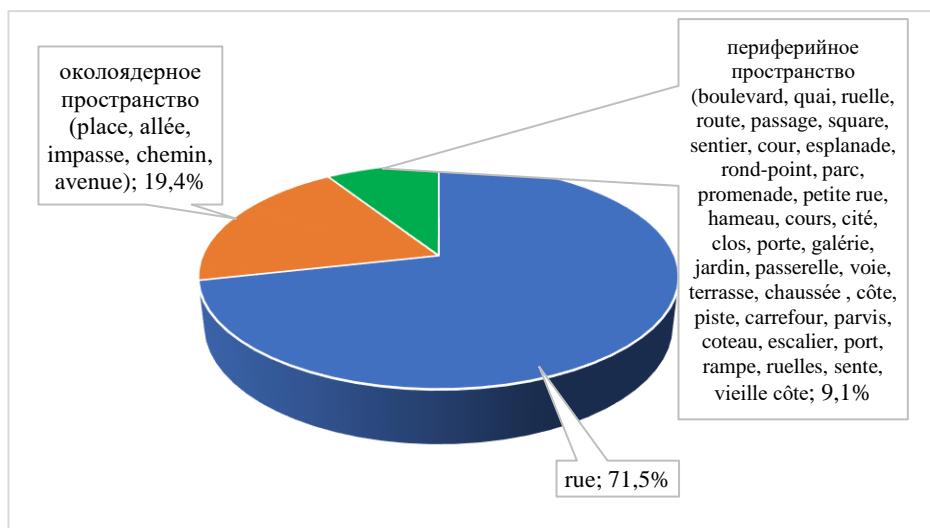

Рисунок 2 — Соотношение номенклатурных терминов в урбанизации Франции

В ядро входит терминологическая единица *rue* '1) улица; 2) проход' [419, с. 977] (71,5%): *rue des 3 Gares* 'ул. 3 Вокзалов'. Околоядерное пространство (259–492 употребления, 19,4% от общего числа НТ) формируют следующие НТ: а) *place* (5,7%) '1) место; ... 4) площадь; плац; рыночная площадь; рынок; 5) город (как финансовый, торговый центр)' [419, с. 825]; *place de Marseille* 'Марсельская пл.'; б) *allée* '1) узкий проход (напр., между стульями); 2) аллея; дорожка' [419, с. 34]; *allée d'Amsterdam* 'Амстердамская ал.'; в) *impasse* (3,6%) 1) прям., перен. 'тупик' [419, с. 558]; *impasse des Ecoles* 'Школьный тупик'; г) *chemin* (3,0%) 1) прям., перен. 'дорога, путь; 2) путь; расстояние' [419, с. 190–191]; 'тракт' [420]: *chemin de Beaumont* 'тракт Бомона'; д) *avenue* (3,0%) уст. 'подъездная дорога'; 2) широкая, обсаженная деревьями улица; проспект; авеню' [419, с. 88]:

avenue d'Epernay ‘пр-т Эпернэ’. Периферию (1–147 употреблений, 9,1%) составляют НТ *boulevard* ‘1) бульвар’ [419, с. 132]: *boulevard des Bouches du Rhône* ‘б. Буше-дю-Рон’; *quai* ‘1) пирс; набережная; пристань’ [419, с. 888]: *quai de la Petite France* ‘наб. Маленькой Франции’; *ruelle* ‘1) проулок; уличка’ [419, с. 977]; *переулок*’ [420]: *ruelle du Canal* ‘пер. Канала’; *route* ‘1) дорога, путь’ [419, с. 976]; тракт, трасса’ [419]; общ. ‘трёхполосная дорога’; ИТ. ‘тракт; маршрут (в сети)’; стр. ‘шоссе’ [420]: *route de Suippes* ‘Сюипский тракт’; *passage* ‘1) переход, переезд, перелёт, переправа; … 6) пассаж, крытый проход; узкий коридор’ [419, с. 786–787]; ‘проезд’ [420]: *passage d'Italie* ‘Итальянский пр-д’; *square* ‘сквер’ [419, с. 1035]: *square René Dumont* ‘сквер Рене Дюмона’; *sentier* ‘1) тропинка, тропа, дорожка’ [419, с. 1005]; *геод.* ‘пешеходная дорога’ [420]: *sentier des Tanneries* ‘Кожевенная тропинка’; *cour* ‘1) двор (дома); … 3) устм.: ‘тупиковая улица’ [419, с. 255]; воен. ‘плац; учебное поле’ [420]: *cour Bailla* ‘двор Байа’; *esplanade* ‘эспланада, площадь, плац, открытое место’ [419, с. 417]: *esplanade des Capucins* ‘эспланада Капуцинов’; *rond-point* ‘круглая площадь; круглая поляна (к которой сходится ряд дорожек)’ [419, с. 972]; *авто.* ‘перекресток с круговым движением; *дор.* кольцевая развязка’ [420]: *rond-point de la Défense* ‘перекресток Защиты’; *parc* ‘1) парк; лесопарк’ [419, с. 779]: *parc Léo Lagrange* ‘парк Лео Лагранжа’; *promenade* ‘2) место гулянья; бульвар; проспект; променад’ [419, с. 874]: *promenade des Thermes* ‘Банный променад’; *petite rue* геогр. ‘маленькая улица; уличка’ [419, с. 810, 977]; стр. ‘переулок’ [420]: *petite rue des Magasins* ‘Магазинная уличка’, *hameau* ‘деревушка, посёлок; хутор’ [419, с. 529]: *hameau Adolphe Wacquez* ‘п. Эжене Ваккеза’; *cours* ‘8) аллея для прогулок; городской бульвар’ [419, с. 257]: *cours Anatole France* ‘ал. Анатоля Франса’; *cité* ‘1) город: посёлок; населенный пункт; 2) (la cité) старая часть города; Сите (в Париже)’ [419, с. 203]: *cité de Bourgogne* ‘Бургундский п.’; *clos* ‘1) обнесённое оградой место, огороженный земельный участок; 2) виноградник’ [419, с. 207]: *clos du Moulin* ‘Мельничный участок’; *porte* ‘1) дверь; дверца; 2) ворота’ [419, с. 845]: *porte de Mars* ‘Марсовы ворота’; *galérie* ‘1) крытый проход, галерея’ [419, с. 491]: *galérie des Baléares* ‘Балеарская галерея’; *jardin* ‘1) сад’ [419, с. 597]: *jardin des Thermes* ‘Банный сад’; *passerelle* ‘1) пешеходные мостки; …4) …; переходные мостки; 5) перен. переход, возможность перехода’ [419, с. 788–789]; архит. ‘висячий мост’ [420]: *passerelle Chagall* ‘пешеходный мост Шагала’; *voie* ‘1) дорога; путь; трасса’ [419, с. 1159]; ‘тракт’ с пометами, характеризующими сферу употребления отличную

от внутрипоселенческих объектов [420]: *voie de la Goulette* ‘тракт Лагулет’; *terrasse* ‘1) земляная насыпь ...; 3) терраса, галерея; площадка; большой балкон; 4) площадка со столиками на тротуаре перед кафе; терраса’ [419, с. 1079]: *terrasse Bellecroix* ‘терраса Белькруа’; *chaussée* ‘1) проезжая часть улицы; мостовая; 2) дорога (насыпная, на сваях)’ [419, с. 189]; общ. ‘проезжая часть улицы; мостовая; дорога (насыпная, на сваях); дамба’; тех. ‘шоссе; шоссейная дорога; проезжая часть дороги’ [420]: *chaussée Bocquaine* ‘ш. Бокен’; *côte* ‘1) ребро; ... 5) берег, побережье’ [419, с. 250]: *côte de Polval* ‘Польвальское побережье’; *piste* ‘3) дорога (без покрытия); тропа (в джунглях), тропинка; 5) путь, трасса’ [419, с. 824]; общ. ‘... тропинка; путь; трасса’ [420]: *piste Louison Bobet* ‘тропинка Луизона Бобе’; *carrefour* ‘1) перекрёсток; распутье, перепутье’ [419, с. 167]: *carrefour des Frères Noël* ‘перекресток Братьев Ноэль’; *parvis* церк. ‘паперть’ [419, с. 786]; общ. ‘часть улицы, площади и т.п. перед фасадом строения; площадка, примыкающая непосредственно к фасаду строения, чаще всего церкви или собора; порог (храма)’; картогр. ‘площадь перед’ [420]: *parvis Chanoine Warnier* ‘паперть Каноника Варнье’; *coteau* ‘1) холм, пригород; 2) косогор, склон, откос’ [419, с. 250]: *coteau Saint-Michel* ‘склон Сен-Мишель’; *escalier* ‘1) лестница; 2) мор. трап.’ [419, с. 416]: *escalier de la Cure d'Air* ‘лестница Кюр д’Эр’; *port* ‘1) порт, гавань, портовый город; речная пристань’ [419, с. 844]: *port Colbert* ‘порт Кольбера’; *rampe* ‘1) перила; поручни; 2) марш (лестницы); 3) покатость, скат, откос; уклон; наклонная плоскость; дорога па подъёме ...’; 4) театр. рампа; 5) сходни; ... 8) площадка, платформа’ [419, с. 905]: *rampe Bellecroix* ‘подъёмная дорога Белькруа’; *ruelles* ‘1) проулки, улички’ [419, с. 977]: *ruelles Alfred Mezières* ‘переулки Альфреда Мезьера’; *sente* ‘тропинка’ [419, с. 1005]: *sente À My* ‘тропинка А Ми’; *vieille côte* ‘старое побережье; старый берег’ [419, с. 250, 1151]: *vieille côte de Behonne* ‘Беонский старый берег’.

В белорусской внутрисельской топонимии зарегистрированы НТ **улица** (например, Замковая ул.) — 88,0%: и **переулок** (например, Лесной пер.) — 12,0%, которые формируют ядро и околоводорное пространство соответственно. В составе названий с НТ **улица** функционируют виконимы, проприальная часть которых включает дополнительный географический термин **урочище**: ул. *урочище Дубок*.

Французские виконимные номинации включают НТ как общи с урбанонимными терминами (в том числе и входящие в состав дромонимов), так и уникальные, зарегистрированные лишь в сельской местности (в соответствии с рис. 3).

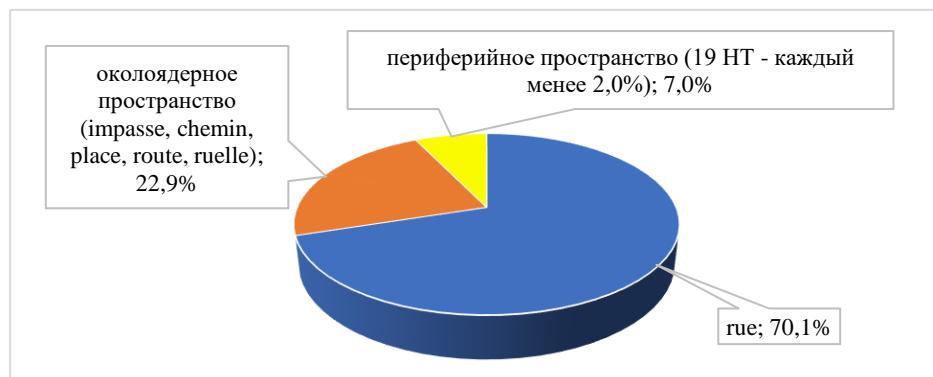

Рисунок 3 — Соотношение номенклатурных терминов в виконимии Франции

В ядро французской внутрисельской топонимии входит НТ *rue* (70,1%): *rue de Reims* ‘Реймсская ул.’. Околоядерное пространство (26–92 употребления, 22,9% от общего количества названий) представлено апеллятивами *impasse*: *impasse Vauban* ‘тупик Вобана’; *chemin*: *chemin de l’Église* ‘Церковный тракт’; *place*: *place des Lilas* ‘пл. Лилий’; *route*: *route de Brumath* ‘Брюматский тракт’; *ruelle*: *ruelle des Jardins* ‘Садовый пер.’.

Периферия представлена нечастотными номенклатурными терминами (от 1 до 19 употреблений; 7,0% от общего количества названий): *allée*: *allée des Peupliers* ‘Тополевая аллея’, *avenue*: *avenue de la Gare* ‘Вокзальный пр-т’; *passage*: *passage du Moulin* ‘Мельничный пр-д’; *square*: *square de la Fontaine* ‘Фонтановый сквер’; *voie*: *voie du Mont* ‘Горный тракт’; *boulevard*: *boulevard Carnot* ‘б. Карно’; *lotissement* ‘1) разделение на доли, на части, на участки; 2) распределение на партии (о товарах); сортировка; 3) земельный участок’ [419, с. 640]: *lotissement les Cottages* ‘Коттеджный участок’; *promenade*: *Promenade de la Honel* ‘променад Хонель’; *allées* ‘узкие проходы (напр., между стульями); аллеи; дорожки [419, с. 34]: *allées de la Source* ‘Родниковые аллеи’; *cour*: *cour Barbier* ‘двор Барбье’; *cours*: *cours des Bergeronnettes* ‘аллея Трясогузок’; *hameau*: *hameau Saint-Louvent* ‘п. Сен-Лувана’; *montée* ‘1) восход, восхождение, подъем; 2) дорога, идущая в гору, подъем’ [419, с. 706]: *montée de la Croix* ‘Крестовый подъем’; *parc*: *parc de la Forge* ‘Кузнечный парк’; *quai*: *quai du Giessen* ‘наб. Гессена’; *sentier*: *sentier de la Ruelle Rouge* ‘тропинка Красного переулка’; *traverse* ‘1) перекладина, поперечный брус … ; 2) распорка, раскос; расчалка’

[419, с. 1110]; воен. ‘траверс; просёлочная дорога’ [420]: *traverse de la Paix* ‘Мирная проселочная дорога’.

Отметим, что французской виконимии свойственны уникальные НТ, не задействованные в урбанонимии: *allées, lotissement, montée, traverse*. Приведенные количественные данные подтверждают тот факт, что при достаточно большом разнообразии НТ во французской внутрипоселенческой топонимии не все из них являются частотными — некоторые отмечены единичными употреблениями.

Виконимные номинации Реймсского округа включают НТ как общие с урбанонимными терминами (в том числе и НТ, входящие в состав дромонимов), так и уникальные, зарегистрированные лишь в сельской местности.

Сопоставительный анализ белорусской и французской внутрипоселенческой топонимии позволил выявить разные типы соответствий номенклатурных терминов. Так, эквивалентными (с полным или частичным соответствием) являются следующие НТ: 1) *улица / la rue*; 2) *проспект / l'avenue*; 3) *площадь / la place*; 4) *переулок / la ruelle*; 5) *парк / le parc*; 6) *сквер / le square*; 7) *набережная / le quai*; 8) *тупик / l'impasse*; 9) *проезд / le passage*; 10) *поселок / le hameau*¹⁶. Сравним их терминологическое значение, имеющее отношение к виду внутрипоселенческого объекта в разных языках, опираясь на «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [421] и «Толковый словарь французского языка Ларусс» [207].

1. *Улица*. Слово *улица* имеет несколько значений, из которых к внутрипоселенческому объекту имеет отношение следующее: «в населённых пунктах: два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство. Узкая, широкая у. Главные улицы города» [421]. Во французском языке данному номенклатурному термину соответствует слово *rue*, которое также имеет несколько значений, среди которых есть и относящееся к обозначению внутрипоселенческого объекта: «полоса дорожного движения, расположенная внутри населенного пункта, обычно граничащая с домами, зданиями, закрытыми владениями: жить на улице Монпарнас» [207].

¹⁶Можно обнаружить НТ, имеющие эквиваленты не во внутрипоселенческой топонимии проанализированных территорий, а в целом в номинативных подсистемах Беларуси и Франции (*аллея*: аллея Дружбы — г. Минск / *allée* — *allée des Lacs Italiens* — Реймс; *бульвар*: бульвар Космонавтов — Брест / *boulevard Albert 1er* ‘б. Альберта I’).

2. *Проспект*. В русском языке этому номенклатурному термину соответствует следующее определение: «большая широкая и прямая улица. *Невский п. в Санкт-Петербурге*» [421]. Во французской внутрипоселенческой топонимии функционирует номенклатурный термин *avenue*, имеющий такие значения: «1) широкая аллея, обычно прямая и обсаженная деревьями, ведущая к жилому дому, служебному зданию, общественному месту; 2) широкая городская дорога, часто обсаженная деревьями» [207]. В русском языке функционирует заимствованное слово *авеню*, не задействованное для обозначения типов внутрипоселенческих объектов. В «Толковом словаре иностранных слов» оно имеет следующее определение: «авеню [фр. *avenue*] — широкая, обычно обсаженная деревьями улица (название, принятое во Франции, Англии, США и некоторых других странах)» [422].

3. *Площадь*. В «Толковом словаре русского языка» находим несколько определений, из которых к обозначению вида внутрипоселенческого объекта относится следующее: «незастроенное большое и ровное место (в городе, селе), от к-рого обычно расходятся в разные стороны улицы. *Красная п. в Москве*» [421]. Во французском языке НТ площадь соответствует *place*. Данное слово также многозначно (имеет в три раза больше значений, чем его эквивалент в русском языке), но лишь одно из толкований относится к обозначению вида внутрипоселенческого объекта: «открытое общественное пространство, окруженное зданиями, в застроенном районе: небольшая деревенская площадь» [207].

4. *Переулок, переулок*. В русском языке данное слово определяется как «небольшая, обычно узкая улица, соединяющая собою две другие. В глухом переулке» [421]. Эквивалентом данному НТ во французском языке является слово *ruelle*, имеющее следующее значение: «маленькая узкая улица» [207].

5. *Парк*. Данная лексическая единица определяется как «большой сад или насаженная роща с аллеями, цветниками, водоёмами. *Разбить п. Городской п.*» [421]. Эквивалентным НТ во французской терминологии является слово *parc*, первое значение которого относится к виду внутрипоселенческого объекта: «огороженная территория, частично лесистая, предназначена для прогулок и развлечений» [207].

6. *Сквер*. В русском языке сквер — это «небольшой общественный сад в городе. *Разбить с. Гулять в ~е*» [421]. Эквивалентом во французском языке является лексема *le square* со значением «1. Небольшой общественный сад, обычно огороженный. (В Париже создан в середине XIX в.). 2. Двор, окруженный жилыми домами» [207].

7. *Набережная*. В русском языке слово *набережная* обозначает «берег, укреплённый стенкой из бетона, камня, дерева, а также улица, идущая вдоль такого берега или вообще вдоль берега. Гранитная н. Дом на набережной» [421]. Эквивалентным французским НТ является слово *quai*, имеющее следующее значение: «путь сообщения вдоль гидрообъекта» [207].

8. *Тупик*. Данная лексема имеет значение «1. Улица, не имеющая сквозного прохода и проезда. 2. Железнодорожный станционный или иной путь, сообщающийся с другими путями только одним концом» [421], французский эквивалент *impasse*, обозначает «тупиковая улица, тупик» [207].

9. *Проезд*. НТ получает следующие определения: « … 2) место, где можно проехать. Загородить п.; 3. Улица (обычно недлинная), соединяющая параллельные улицы» [421]. Само слово *проезд* переводится на французский как *'passage'* [423, с. 506; 424], значения которого: «6. Место, через которое проходят, участок, через который проходят: Освободите проход. Пешеходный переход» [207]; строительство и городское планирование: «15. Небольшая уличка, проходящая под первыми этажами домов, хотя бы на части своего расположения. 16. Пешеходная галерея, на которой обычно располагаются магазины» [421].

10. *Поселок*. В русском языке данный НТ определяется как «населенный пункт, первоначально небольшой. Рыбацкий п. Дачный п. П. городского типа. Рабочий п.» [421]. Эквивалентным НТ во французской терминологии может являться слово *hameau* с таким значением: «группа сельских домов, расположенных за пределами основной городской территории муниципалитета» [207].

Данные НТ (1–10) являются полными (понятийные признаки в двух системах совпадают целиком) или неполными эквивалентами в терминологическом плане ономастики (понятийные признаки в двух системах совпадают частично, при этом общим является признак обозначения типа внутрипоселенческого объекта, а частным — признаки и характеристики этого объекта).

Отмечаются также НТ — частичные эквиваленты, которым характерно несовпадающее или частично совпадающее значение и такое явление, как включение (белорусскому НТ соответствуют несколько французских эквивалентов):

1) *шоссе*. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяется как «дорога, замощенная щебнем, а также всякая дорога с твердым покрытием. Асфальтированное ш.» [421]. Во французской ономастической терминологии

в качестве эквивалентов данному слову могут употребляться *grand'route* [423, с. 728], имеющее следующее толкование: «большая наземная автомобильная дорога, проложенная за пределами населенных пунктов: асфальтированная дорога» [207] и *chaussée* [423, с. 728], имеющее несколько значений, из которых к виду внутрипоселенческого объекта относится следующее: «часть дороги, предназначенная для движения транспорта» [207];

2) *тракт*. В русском языке — это «1. Большая наезженная дорога, первонач. почтовая (устар.). Почтовый т.» [421]. По данным русско-французских и французско-русских словарей, эквивалентными обозначениями во французском языке могут быть *route*; *grand'route*, *grande route* [423, с. 650], а также и *voie*. НТ *route* имеет следующее обозначение: «наземная автомобильная дорога, проложенная за пределами населенных пунктов: асфальтированная дорога» [207]; *grand'route* и *grande route* то же значение, но с добавлением прилагательного *большая*. НТ *voie* имеет несколько значений, которые относятся к обозначениям типов объектов: «2. Улица, дорога на административном языке: Улица с односторонним движением. Синонимы: *arterия* — дорога — улица» [207] и «3. Подразделение проезжей части, обеспечивающее движение ряда транспортных средств, обычно разграничиваемое разметкой на проезжей части: Трехполосная дорога» [207]. Во французском словаре Larousse одним из синонимов слова *voie* является лексема *chemin*, имеющая значение «сухопутный маршрут, дорога, проложенная для того, чтобы вести из одного места в другое» [207].

Таким образом, к типологическим сходствам НТ, функционирующих в составе белорусских и французских внутрипоселенческих топонимов можно отнести 1) наличие эквивалентных НТ; 2) сходство полевой организации НТ; 3) соотношение НТ в урбанизации и виконимии.

Национально-культурная специфика НТ проявляется в следующем: 1) наличие в каждой системе нечастотных безэквивалентных НТ; 2) неполные межъязыковые соответствия НТ; 3) более детальная фиксация элементов планировочной структуры населенных пунктов во французской системе внутрипоселенческих номинаций; 4) разнообразие НТ — наименований видов путей сообщения (дромонимов): *chaussée*: *chaussée Saint-Martin* ‘ш. Святого Мартина’; *chemin*: *chemin de Champfleury* ‘тракт Шамфлёри’; *route*: *route de Cormontreuil* ‘тракт Кормонтрёй’; *voie*: *voie communale Dite Fédération* ‘муниципальный тракт Федерации’.

2.3 Компонентная структура внутрипоселенческой топонимии

Подраздел посвящен сравнительно-сопоставительному анализу структуры внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции. Если работы, в которых анализируются номенклатурные термины разных языков, немногочисленны, то исследования структуры внутрипоселенческой топонимии практически отсутствуют. В одной из наших публикаций отражено сопоставление структуры внутрипоселенческой топонимии (урбанонимов и виконимов) Полоцкого района Витебской области Беларуси [24–ДМЛ]. Выявлены состав и соотношение номенклатурных терминов в урбанонимии и виконимии Полоцкого района, однако контрастивное изучение структуры внутрипоселенческой топонимии нескольких стран пока не проводилось.

Организация структуры внутрипоселенческой топонимии каждой лингвокультуры индивидуальна и обусловлена видами внутрипоселенческих объектов, изучение которых позволит определить как национально-специфические, так и типологически сходные черты упорядочивания их системы.

2.3.1 Структурные модели урбанонимов

В зависимости от количества повторяющихся проприальных единиц, отличающихся номенклатурным термином, в урбанонимии Беларуси и Франции различаем модель однократного употребления (однокомпонентную модель), а также урбанонимные ансамбли (двухкомпонентные и трехкомпонентные модели наименований в УБ и УФ и четырехкомпонентные в УФ) (рис. 4).

Модели однократного употребления проприального компонента представлены урбанонимами, не дублирующими названия линейных объектов, — так называемыми неповторяющимися наименованиями. Наименования данной модели составляют ядро как белорусской, так и французской урбанонимной системы — 81,2% и 91,0% соответственно.

В урбанонимии Беларуси эти модели сформированы двенадцатью типами объектов, из которых наиболее многочисленны улица (ул. Витебская, Земляничная ул.; 71,7%) и переулок (Загородный пер., Фруктовый пер.; 25,1% — рис. 5.1).

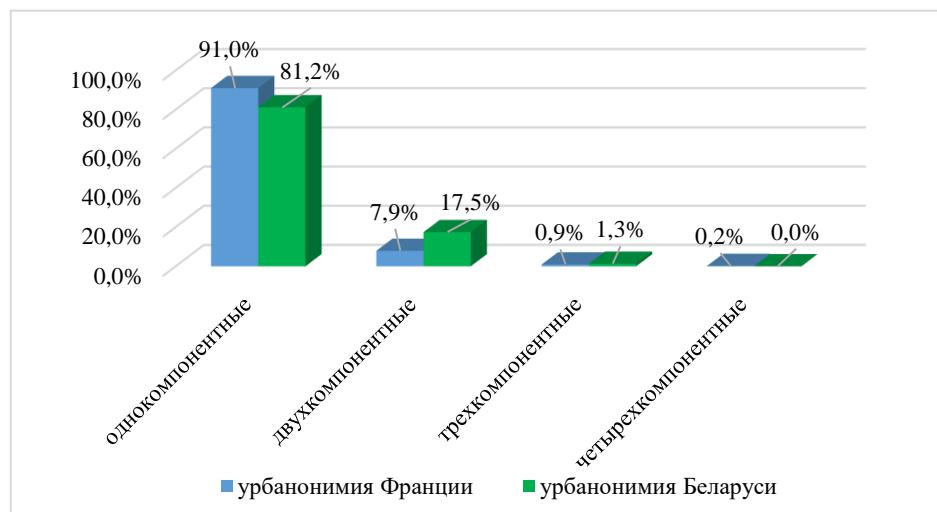

Рисунок 4 — Соотношение моделей в УБ и УФ

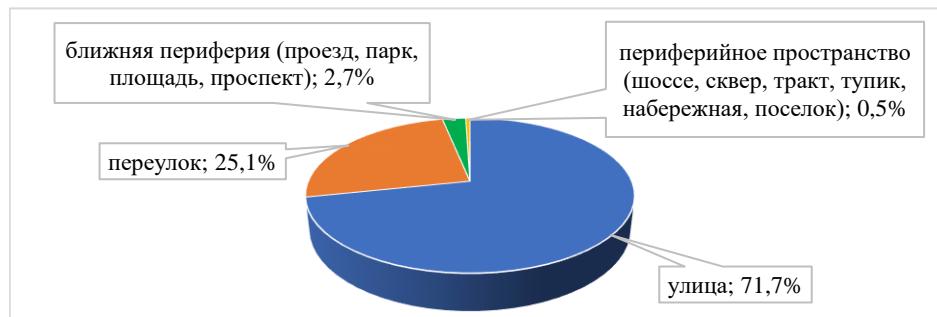

Рисунок 5.1 — Соотношение НТ в однокомпонентных моделях белорусских уранонимов

Ближнюю периферию (2,7%) составляют проезды: *пр-д Луцкой*, парки (*парк Победителей*), площади (*пл. 17 Сентября*), проспекты (*пр-т Черняховского*), а в дальнюю входят шесть НТ (0,5%): *шоссе, сквер, тракт, тупик, набережная, поселок* (*сквер Поэзии, Летний туп.*).

Уранонимия Франции включает наименования 37 типов объектов, из которых больше всего распространен НТ *rue* ‘улица’ (*rue de l'Université* ‘Университетская ул.’, *rue de Wittenberg* ‘Виттенбергская ул.’; 74,6% — рис. 5.2). Околоводорное пространство (19,2%) составляют шесть НТ: *place* (*place Maurice Utrillo* ‘пл. Мориса Утрилло’, *place du Marché Aux Fleurs* ‘пл. Цветочного Рынка’);

allée (*allée Albert Einstein* ‘ал. Альберта Эйнштейна’), *avenue* (*avenue de Colmar* ‘Кольмарский пр-т’), *chemin* (*chemin d'Arbois* ‘тракт Арбуя’), *impasse* (*impasse des Tilleuls* ‘Липовый тупик’), *boulevard* (*boulevard Balzac* ‘б. Бальзака’). Периферийное пространство включает 32 нечастотных НТ (каждый менее 5,0%: например, *chaussée Saint-Martin* ‘ш. Святого Мартина’, *piste Jacques Anquetil* ‘тропинка Жака Анкетиля’).

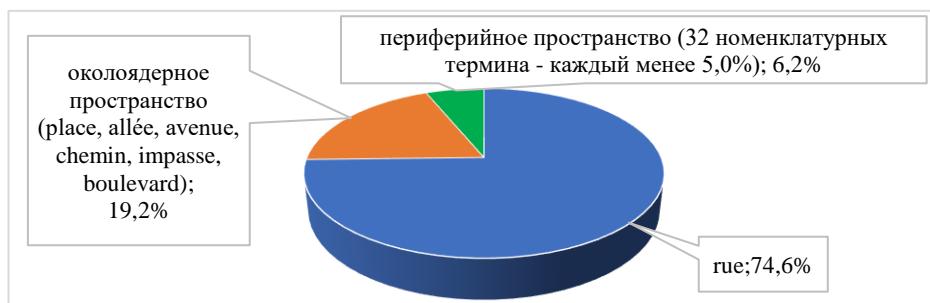

Рисунок 5.2 — Соотношение НТ в однокомпонентных моделях французских уранонимов

Двухкомпонентные модели воспроизведения проприального компонента состоят из двух уранонимов, различающихся номенклатурными терминами при общей проприальной части, и формируют околоядерное пространство (УБ — 17,5%; УФ — 7,9%). В рамках данных моделей можно выделить схемы, задействованные в каждой номинативной системе. Так, в УБ их девять. Процентное соотношение двухкомпонентных моделей в уранонимии Беларуси представлено на рис. 6.

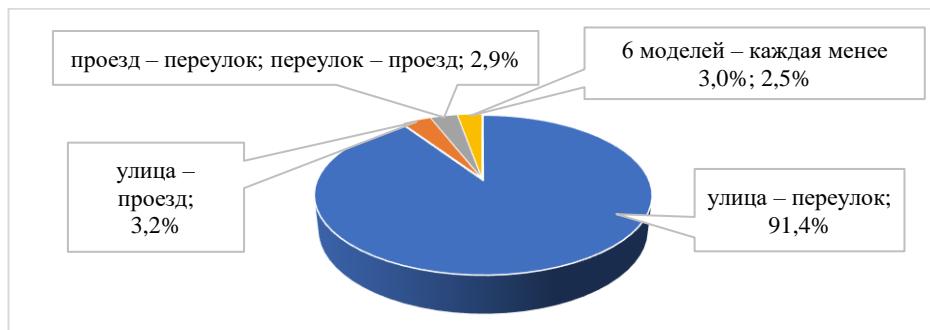

Рисунок 6 — Процентное соотношение двухкомпонентных схем в уранонимии Беларуси

Наиболее продуктивны ансамбли, соответствующие схемам улица A — переулок A (ул. Якуба Коласа — пер. Якуба Коласа; 91,4%), улица A — проезд A (Мазуринская ул. — Мазуринский пр-д, ул. Янки Купалы — пр-д Янки Купалы; 3,2%) и проезд A — переулок A; переулок — проезд (1-й Дубровенский пер. — 1-й Дубровенский пр-д; 2,9%). Периферийное пространство составляют шесть схем.

В УФ таких схем в 8,5 раз больше, однако большинство их непродуктивно, за исключением следующих (рис. 7):

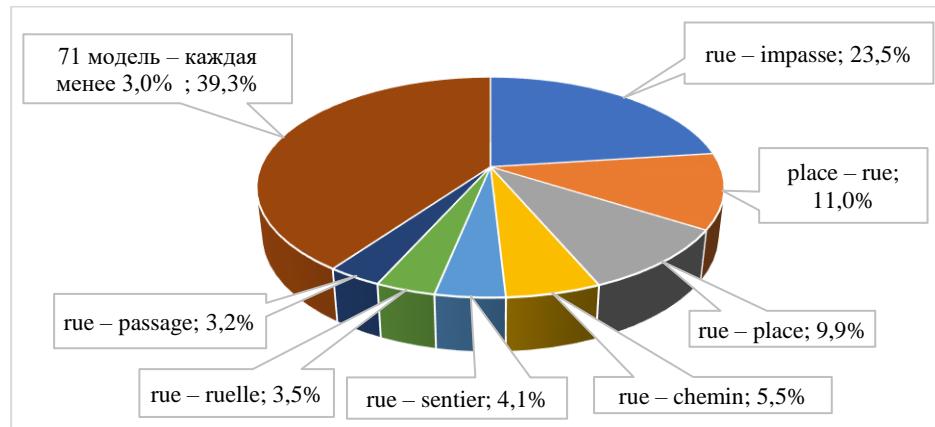

Рисунок 7 — Процентное соотношение двухкомпонентных схем в уранонимии Франции

rue A — impasse A (rue de Courcelles — impasse de Courcelles ‘ул. Курсель — тупик Курсель’; 23,5%);

place A — rue A (place de l’Université — rue de l’Université ‘Университетская пл. — Университетская ул.’; 11,0%);

rue A — place A (rue du Nord — place du Nord, rue d’Orléans — place d’Orléans ‘Северная ул. — Северная пл., Орлеанская ул. — Орлеанская пл.’; 9,9%);

rue A — chemin A (rue de la Cerisaie — chemin de la Cerisaie ‘ул. Вишнёвого Сада — тракт Вишнёвого Сада’; 5,5%).

rue A — sentier A (rue du Goujon — sentier du Goujon ‘ул. Гужона — тропинка Гужона’; 4,1%);

rue A — ruelle A (rue André Vitu — ruelle André Vitu ‘ул. Андре Витю — пер. Андре Витю’; 3,5%);

rue A — passage A (rue d’Italie — passage d’Italie ‘Итальянская ул. — Итальянский проезд’; 3,2%);

Периферийное пространство представлено 71 схемой. Это модели, которые задействованы от одного до девяти раз, например, *avenue de Champagne — rond-point de Champagne* ‘проспект Шампани — перекресток Шампани’; *square Albert 1^e — quai Albert 1^e* ‘сквер Альбера 1-го — набережная Альбера 1-го’.

Трехкомпонентные модели воспроизведения проприального компонента состоят из трех единиц, различающихся номенклатурными терминами при общей проприальной части, и формируют периферийное пространство (в УБ — 1,3%; в УФ — 0,9%). В УБ можно выделить четыре схемы (рис. 8):

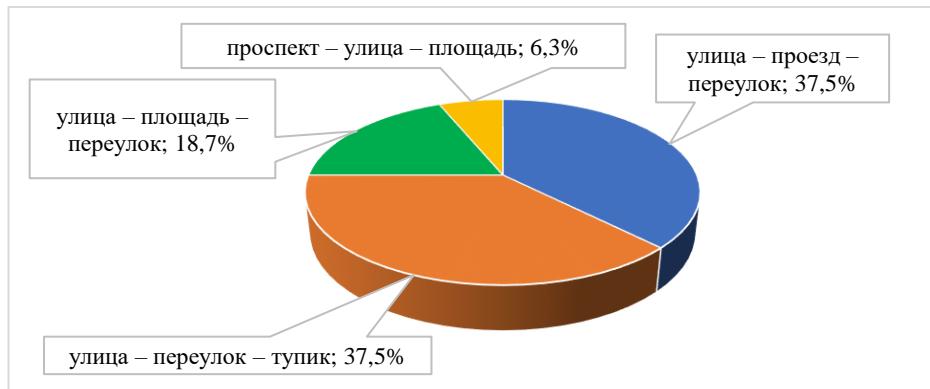

Рисунок 8 — Процентное соотношение трехкомпонентных моделей в урбанизации Беларусь

улица A — переулок A — проезд A (ул. Короленко — *пер. Короленко — пр-д Короленко*; 37,5%);

улица A — переулок A — тупик A (*Инженерная ул. — Инженерный пер. — Инженерный туп.*; 37,5%);

улица A — площадь A — переулок A (ул. Ленина — *пл. Ленина — пер. Ленина*; 18,7%);

проспект A — улица A — площадь A (*пр-т Франциска Скорины — ул. Франциска Скорины — пл. Франциска Скорины*; 6,3%).

В УФ зафиксировано 26 схем, при этом самая продуктивная из них *place A — quai A — rue A* (*place Saint-Étienne — quai Saint-Étienne — rue Saint-Étienne* ‘площадь Святого Стефана — набережная Святого Стефана — улица Святого Стефана’; 7,4% от количества трехкомпонентных урбанизмов).

Остальные модели непродуктивны, так как встречаются однократно.

2.3.2 Структурные модели виконимов

Виконимия Беларуси и Франции включает модели однократного употребления и двухкомпонентные модели воспроизведения проприального компонента (рис. 9).

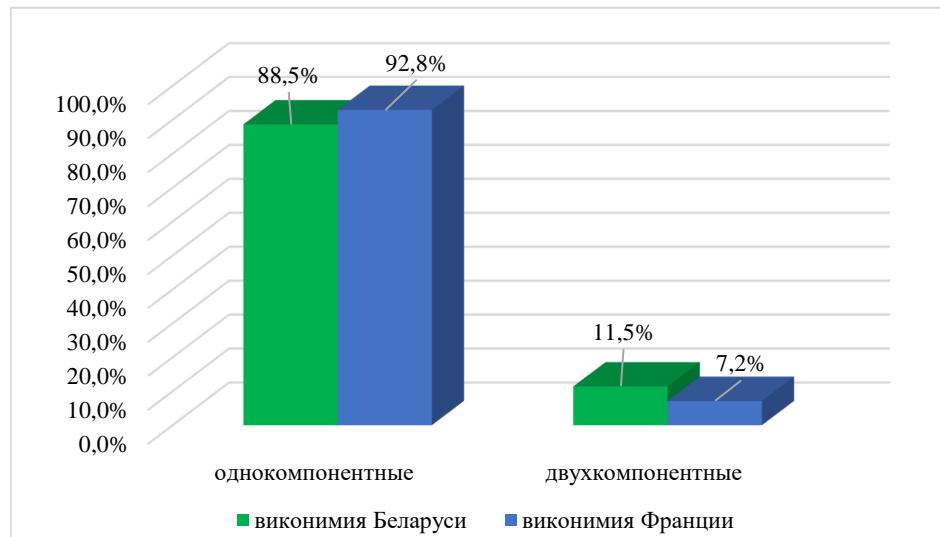

Рисунок 9 — Соотношение моделей в ВБ и ВФ

Модели однократного употребления представлены виконимами, не дублирующими названия линейных объектов. Данные модели составляют ядро как белорусской, так и французской виконимной подсистем — 88,5% и 92,8% соответственно. В ВБ эти модели сформированы двумя типами объектов — улица (*Криничная ул.*, *Озёрная ул.*; 93,0% от количества однокомпонентных моделей) и переулок (*Лесной пер.*, *Луговой пер.*; 7,0% от количества однокомпонентных моделей). ВФ (рис. 10) включает наименования 22 типов объектов.

В ядро пространства входит НТ *rue* (*rue de la Fontaine* ‘Фонтановая ул.’, *rue de la Mairie* ‘ул. Мэрии’; 72,0%); околоводное пространство (19,1%) формируют НТ *impasse* (*impasse de la Lune* ‘Лунный тупик’), *chemin* (*chemin du Télégraphe* ‘Телеграфный тракт’), *place* (*place de l’Église* ‘Церковная пл.’), *route* (*route du Polygone* ‘Полигонный тракт’). В периферийное пространство (8,9%) входят 16 нечастотных НТ (каждый менее 2,0%).

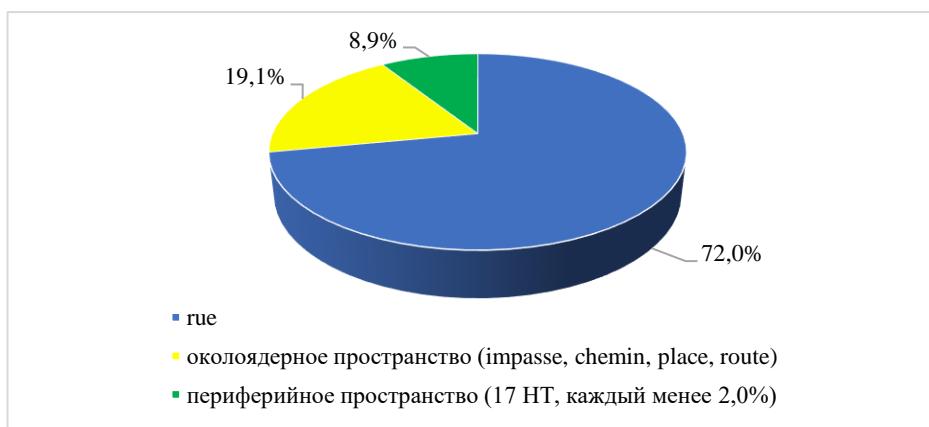

Рисунок 10 — Процентное соотношение моделей однократного употребления в виконимии Франции

Двухкомпонентные модели воспроизведения проприального компонента включают виконимы, различающиеся номенклатурными терминами при общей проприальной части, и формируют околоядерное пространство (в ВБ — 11,5%; в ВФ — 7,2%).

В ВБ можно выделить только одну схему, которая и является продуктивной: *улица A — переулок A* (*Молодёжная ул. — Молодёжный пер.*; *Полевая ул. — Полевой пер.* — всего 24 пары названий). В ВФ задействовано 15 схем, из которых наиболее продуктивны следующие (рис. 11):

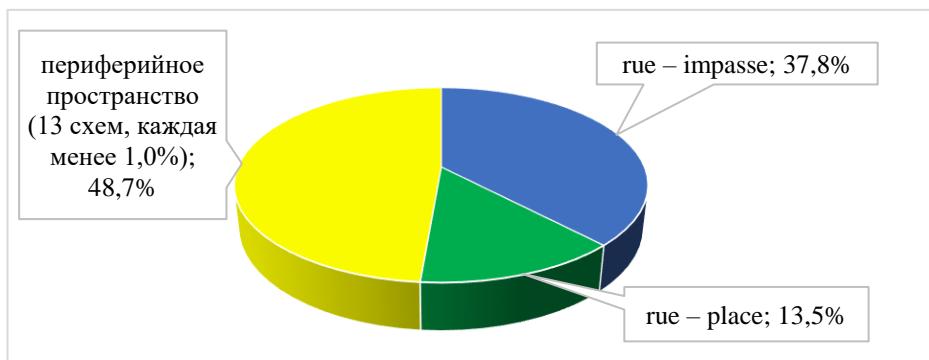

Рисунок 11 — Процентное соотношение двухкомпонентных моделей воспроизведения проприального компонента в виконимии Франции

rue A — impasse A (rue du Château — impasse du Château ‘Замковая ул. — Замковый тупик’; rue des Jardins — impasse des Jardins ‘Садовая ул. — Садовый тупик’; 37,8% от количества двухкомпонентных схем);

rue A — place A (rue de l’Église — place de l’Église ‘Церковная ул. — Церковная пл.’, rue de la Gare — place de la Gare ‘Вокзальная ул. — Вокзальная пл.’; 13,05%).

Периферийное пространство представлено тринадцатью непродуктивными схемами, каждая из которых встречается в виконимии Франции от одного до четырех раз, т. е. имеет удельный вес менее 1,0% (общее количество — 48,7%).

Таким образом, к общим чертам внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции можно отнести 1) аналогичное строение поля внутрипоселенческой топонимии: сходство ядра урбанонимной и виконимной систем; 2) функционирование схожих по структуре и приоритетности моделей в урбанонимии и в виконимии данных национальных топонимных систем. К национально-культурным чертам относятся следующие: 1) несовпадающее количество НТ, входящих в состав однокомпонентных моделей; 2) неодинаковое количество моделей в урбанонимии и виконимии.

Выводы по главе 2

Анализ структурной организации внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции позволил сделать следующие выводы.

Строение белорусского и французского внутрипоселенческого топонима идентично и включает два элемента — апеллятивный, обозначающий тип объекта в населенном пункте, и проприальный, являющийся собственным именем этого объекта.

Сопоставительный анализ терминологического значения номенклатурных единиц, функционирующих как элементы белорусской и французской внутрипоселенческой топонимии, позволил обнаружить следующие типологические сходства.

Во-первых, в данных национальных топонимических системах функционируют эквивалентные НТ (понятийные признаки НТ совпадают полностью или частично) — *улица / la rue; проспект / l’avenue; площадь / la place; переулок / la ruelle; парк / le parc; набережная / le quai; бульвар / le boulevard; тупик / l’impasse; проезд / le passage*) или НТ — частичные соответствия, терминологические

значения которых совпадают не полностью и имеют национально-культурные особенности. Это объясняется тем, что на состав внутрипоселенческих номенклатурных терминов оказывают влияние прежде всего национальные традиции их употребления.

Во-вторых, сходство обнаруживает полевая организация НТ линейных объектов. Так, в ядро белорусской подсистемы внутрипоселенческих номинаций входит НТ *улица* (67,3%), французской — НТ *rue* (71,5%). Околоядерное пространство представлено значительно уступающими по количественным показателям НТ *переулок* (28,7%) и *place, allée, impasse, chemin, avenue* (9,1%) во внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции соответственно. При этом НТ *place*, открывающий околоядерное пространство в УФ, имеет удельный вес 5,7%.

В-третьих, количество НТ в виконимии значительно ниже по сравнению с урбанонимией.

Национально-культурная специфика НТ внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции определяется как лексико-семантическими различиями языков, так и особенностями планировочной структуры населенных пунктов и обнаруживается в следующем:

- а) наличие во французской внутрипоселенческой топонимии низкочастотных безэквивалентных НТ;
- б) неполные межъязыковые соответствия НТ (*шоссе / grand'route / chaussée; тракт / route / grand'route / grande route / voie*);
- в) более детальная фиксация элементов планировочной структуры населенных пунктов во французской топонимии по сравнению с белорусской в целом (ср. количество НТ в двух системах) и в частности (ср. НТ — обозначения видов путей сообщения: *chaussée, chemin, route, voie*).

Сопоставительный анализ структуры внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции, позволил обнаружить следующие типологические сходства:

- а) аналогичное строение поля внутрипоселенческой топонимии: ядро урбанонимной и виконимной систем составляют модели однократного употребления, околоядерное пространство — двухкомпонентные модели воспроизведения проприального компонента;
- б) функционирование в данных национальных топонимных системах одно-, двух- и трехкомпонентных моделей воспроизведения проприального компонента в урбанонимии и моделей однократного употребления и двухкомпонентных моделей воспроизведения проприального компонента в виконимии;

в) преобладание моделей однократного употребления и двухкомпонентных моделей воспроизведения проприального компонента в урбанонимии и моделей однократного употребления виконимии двух стран;

г) немногочисленность двухкомпонентных моделей воспроизведения проприального компонента.

Национально-культурная специфика системы внутрипоселенческой топонимии обнаруживается в следующем:

а) несовпадающее количество номенклатурных терминов, входящих в состав моделей однократного употребления;

б) неодинаковое количество двух- и трехкомпонентных моделей воспроизведения проприального компонента в урбанонимии и двухкомпонентных воспроизведения проприального компонента в виконимии. В целом модели и схемы, согласно которым формируются системы наименований улиц Беларуси и Франции, отражают типологическое сходство внутрипоселенческих объектов этих населенных пунктов, но доля их участия в национальных топонимических системах не совпадает. Расхождение в их количестве обусловлено разным подходом к членению топонимного пространства в белорусской и французской лингвокультуре, то есть на состав городских сельских номенклатурных терминов оказывают влияние прежде всего национальные и местные традиции их употребления.

ГЛАВА 3

ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ

3.1 Полевая организация внутрипоселенческой топонимии

Внутрипоселенческие топонимы в лексической системе любого языка, образуют особое, уникальное объединение со свойственными ему системообразующими факторами, а также принципами организации, развития и функционирования в различные исторические этапы.

Историко-культурное наследие населенных пунктов — источник ценнейшего материала для топонимической номинации. Внутрипоселенческие топонимы — ключевые знаки, ориентирующие на восприятие локации. Эти номинативные единицы играют одну из ведущих ролей в презентации фрагментов языковой картины мира, так как обусловлены историей и культурой страны и могут восприниматься как места памяти. Именно поэтому наиболее многочисленны они, входящие в состав лингвокультурологического макрополя «Память», которое включает несколько микрополей, характеризующихся разным соотношением конституентов: «Известные личности мирного времени», «Участники исторических событий», «Общности людей», «Исторические даты и периоды», «Меморативные географические объекты», «Эмотивная оценочность». Выполняющие адресную и ориентирующую функции, урбанонимы и виконимы тесно связаны с культурой, обликом и обустройством населенного пункта, в котором расположены, а также с социокультурными особенностями общества.

Человек выделяет значимые признаки реалий окружающего мира и дает им оценку через наименование объекта, в котором транслируются ценности его культуры. В силу этого внутрипоселенческие номинации как неотъемлемые составляющие топонимного пространства служат информационной базой ономастикона населенного пункта для носителей языкового сознания. В монографии на материале урбанонимов и виконимов регионов Беларуси и Франции моделируется одно из двух лингвокультурологических макрополей,

объединяющих номинации внутрипоселенческих объектов на основе лексико-семантической общности мотиваторов и сходства национально-культурных компонентов, — ЛМАП «Место», являющееся фрагментом языковых картин мира белорусского и французского народов. Как показывает анализ материала, максимальный уровень обобщения при моделировании лингвокультурологических полей позволил выделить два макрополя, включающие все урбанонимы двух регионов, — «Память» и «Место». При этом внутригородской топонимии в целом свойственно количественное преобладание элементов первого в соотношении 52,0% (ЛМАП «Память») vs 45,1% (ЛМАП «Место») — т. е. на 6,9% (рис. 12).

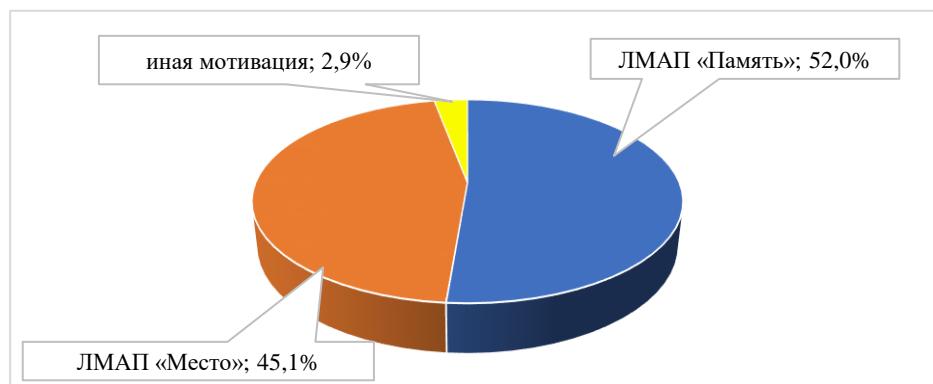

Рисунок 12 — Соотношение урбанонимов, входящих в лингвокультурологические макрополя в УБ и УФ в целом

Внутригородские названия, формирующие лингвокультурологические макрополя «Память» и «Место», отражают две различные стратегии описания конкретного локуса и содержат различные по тематике фоновые для онимов знания и представления. При этом во внутрипоселенческих топонимах, имеющих мемориальный характер, НКК связан с национальной принадлежностью личности, в честь которой дано название, а во внутригородских названиях, обусловленных местом, — с «географической» семой, то есть указанием на страну, содержащимся в наименовании.

Сопоставительный анализ тематической организации и лексико-семантического наполнения национальных систем внутригородских онимов позволяет расширить научные представления не только об общих, но и отличительных чертах этого разряда собственных имен и является одним из наиболее целесообразных

и перспективных для определения содержательных характеристик урбанонимных систем анализируемых городов, что и определяет актуальность осуществленного исследования. Реализация цели предполагает решение следующих задач: определить тематические группы, соответствующие анализируемым наименованиям; выделить основные национально-культурные компоненты, транслируемые данными номинативными единицами, установить ядерно-периферийные отношения в системе урбанонимов Беларуси и Франции, образованных от названий различных видов географических объектов. Данная разновидность урбанонимов пока не анализировалась специально в ономастических исследованиях, посвященных белорусской и французской ономастике. Оттопонимные внутригородские названия не изучались в аспекте текстов культуры. Два данных факта и определяют новизну нашего исследования.

Урбанонимы, восходящие к топонимам, изучены как часть системы внутригородских названий населенного пункта в работах белорусских, российских и французских ученых, а целенаправленное исследование этих единиц в рамках одного или нескольких населенных пунктов не осуществлялось.

3.2 Лингвокультурологическое макрополе «Место» во внутрипоселенческой топонимии

ЛМАП «Место» имеет следующую структуру. Имя поля в русском языке — «Место». Синонимами и вариантами в отношении к месту географическому являются существительные *место, помещение, простор, пространство, площадь, поприще, полоса, поле, поляна, район, промежуток; местность, край, окраина, область, околица, околоток, округ, сторона, страна, территория, уголок; губерния, уезд* [425, с. 159]. Во французском языке существует несколько эквивалентов данной лексеме, из которых в ономастических исследованиях чаще используется существительное *lieu*, которое мы и будем считать названием поля. В качестве синонимов могут употребляться другие *place* ‘место; площадь, плац; город’, *endroit* ‘место; небольшой населенный пункт’, *emplacement* ‘место’, *point* ‘пункт, точка, место’, *coin* ‘угол, уголок; незаметное, удаленное место; квартал, район; участок’, *région* ‘область, край, округ, местность; регион’, *secteur* ‘округ, район, участок’, *zone* ‘зона, пояс, полоса; пространство, район’ [207; 423, с. 290; 426, с. 143].

Интенсионал поля в русском языке — «1. Пространство, к-рое занято кем-чем-н., на к-ром что-н. происходит, находится или где можно расположиться. *Двигать с места на м. М. в вагоне.* ... 2. Участок на земной поверхности, местность (в 1 знач.). *Живописные места.* 3. Помещение, пространство, предназначено для временного пребывания кого-н. одного. *М. в вагоне, каюте*» [421]; во французском — «1. Пространственное положение чего-либо, кого-либо, позволяющее определить его местоположение, направление, траекторию: *Место встречи не назначено.* 2. Место, населенный пункт, здание, помещение и т.п., рассматриваемые с точки зрения их назначения или того, что там происходит: *Вы не находились на своем рабочем месте* [207].

Лингвокультурологическое макрополе «Место» базируется на концепции восприятия пространства. Категория пространства — объект исследования как естественных (физика, биология, география), так и гуманитарных (философия, языкознание, литературоведение, история, культурология) наук. Изучение географических названий ведется на уровне комплексного подхода к наименованию как объекту анализа, однако важным представляется их детальное изучение, позволяющее подробно определить национальные характерные черты наименования особенно в сопоставлении с ономастическими подсистемами других стран. Основываясь на классификациях внутригородских названий, разработанных в белорусской и русской ономастике А. М. Мезенко [106], Р. В. Разумовым [427], Н. Ю. Забелиным [203]; во французской — Р.-Н. Billy [428], D. Badariotti [415], J.-C. Bouvier [186], при построении лингвокультурологического макрополя «Место» белорусской и французской внутрипоселенческих систем мы взяли за основу соотнесенность проприальной части урбанизма с пространственными свойствами объекта, а также функциональное назначение наименований — характеризовать локализацию именуемого объекта относительно других объектов или планировочных элементов городской среды. Названия, расположенные в населенных пунктах, являясь пластом духовной культуры этноса, кодируют информацию об окружающем человека пространстве, восприятие которого, безусловно, является одной из важнейших составляющих национальной модели мира.

Степень изученности и научной разработанности вопросов презентации пространства в языке анализируется как в русскоязычной (М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский, В. М. Савицкий, Н. А. Арбузова, Л. В. Бронник), так и франкоязычной (D. Stosic, V. Stanojevic,

T. Sotra, M. Auzanneau, M. Aurnague, M. Hickmann и L. Vieu [429]) лингвистике. При этом, как отмечают французские ученые M. Aurnague, M. Hickmann и L. Vieu, «работы по выражению пространства до сих пор были сосредоточены главным образом на “пространственных отношениях”, выраженных определенными маркерами (предлогами, постпозициями, падежами, глаголами и т. д.), семантическое содержание которых описывает связь или конфигурацию (статическую или динамическую), установленную между объектом, который необходимо определить, и референтным объектом ...» [429]. Они полагают, что «исследователи сравнительно мало интересуются возможными различиями между сущностями, создаваемыми в языке и познании на основе пространственных критериев. За исключением нескольких понятий, которые часто встречаются в литературе (массивный / исчисляемый, единичный / коллективный и т. д. ...)» [429].

Параллельно с классической традицией осмысления пространства в языкоznании, интерес к этой проблеме проявляют и представители других наук — этнологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, антропологии, которые вносят свои специфические характеристики в понимание пространства, поскольку на его определение в их рамках сложился особый взгляд, сформированный под влиянием антропологической, семиотической интерпретации материала, охватывающий пространство в контексте культуры. Познавая другую страну через язык, человек познает и другую культуру, что приводит к взаимодействию культур, проявлению их самоидентичности. В настоящее время популярно исследование пространства в русле лингвокультурологии сквозь призму лингвоментальных структур, содержащихся в сознании человека и зафиксированных в языке: то есть лингвокультурология рассматривает пространство в контексте бытия человека. В рамках антропоцентричной парадигмы категория пространства рассматривается в трудах Ю. Д. Апресяна, Р. М. Фрумкиной, Е. С. Кубряковой, Е. В. Рахилиной, В. Л. Ибрагимовой, А. В. Кравченко, Е. С. Яковлевой, И. М. Кобозевой, И. Н. Кузьмич, И. Ю. Колесова; J.-M. Fortis. Так, исследователи стремятся определить, как представляют себе пространство носители определенного языка, выявить способы его воплощения в этом языке, первоочередным из которых является языковая картина мира, то есть совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности, исторически сложившиеся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженные в языке. Продолжая мысль о корреляции языка и культуры, заметим, что важной ролью

наделяется пространство в этнолингвистике, изучающей влияние на язык особенностей восприятия мира и концептуализации, и демонстрирующей связь этих процессов с культурой и обществом. Во французской лингвистике большее внимание уделяется пространству в контексте социолингвистики, теории социального пространства (X. Lejeune [430], A. Viaut, A. Viaut et J. Pailhé [431], C. Juillard [432]).

В немногочисленных работах на материале апеллятивной лексики анализируется восприятие пространства в нескольких лингвокультурах, в частности в русской и английской (Е. Н. Евтушенко [433], Ю. В. Гринкевич [434]), однако исследования данной категории с позиций корреляции языка и культуры на примере белорусских и французских как апеллятивных, так и онимных единиц пока не проводилось. Данная разновидность внутригородских названий отчасти описана в сопоставительном исследовании Е. А. Сизовой, выделившей 12 групп топооснов, общих для Лондона, Москвы и Парижа, среди которых названы наименования по местоположению [89, с. 11].

Категория пространства реализуется как в апеллятивных, так и онимных единицах. В русскоязычной ономастике пространственные названия фигурируют в классификациях урбанонимов А. М. Мезенко [105; 106; 107], Р. В. Разумова [427], Н. Ю Забелина [203]; во франкоязычной — рассматриваются в контексте так называемых характеризующих названий (D. Badariotti [415], J.-C. Bouvier [186]), которые «независимо от того, расположены ли они в городской местности или в сельской местности, имеют ярко выраженный референциальный характер. Определитель, который следует за родовым наименованием или иногда предшествует ему (улица, авеню, место и т. д.), устанавливает прямую семантическую связь с референтом» [186, р. 304]. В семантико-референтной классификации городских топонимов Р.-Н. Billy часть анализируемой группы названий входит в сектор «Направления» [428, р. 21] (подсектор «Стороны света» [428, р. 21]).

При этом определяются особенности презентации пространственных отношений и понятий в топонимных номинациях в том числе и в русле когнитивной парадигмы (Е. Л. Березович [435; 436], А. М. Мезенко [437; 438], А. С. Щербак, А. А. Казанкова, М. В. Голомидова [439], М. Л. Дорофеенко). Можно выделить ряд работ, в которых показаны особенности реализации пространственных отношений в названиях различных географических объектов населенных пунктов [435], внутригородских [437] и внутрисельских [437; 26–ДМЛ] объектов).

Отдельные работы посвящены сущности, своеобразию устройства городской среды как упорядоченного семантического пространства в целом (А. М. Мезенко; Н. Boyer, M. Mulon, Th. Bulot). Так, А. М. Мезенко определяет, содержание, особенности организации внутригородских объектов белорусского города [437], а Р. Casado проводит исследование путем анализа названий мест, дорог (годонимов) и водных объектов, которые являются маркерами языковой идентичности человеческого сообщества и отражением отношений его обитателей к пространству [440].

Лингвокультурологическое макрополе «Место» формируется следующими лингвокультурологическими микрополями, которые мы рассмотрим подробнее: «Урбанонимные/виконимные ориентиры», «Топонимные ориентиры», «Архитектурные ориентиры», «Физико-географические особенности», «Пространственные характеристики», «Параметрические характеристики», теоретические основы и практическое моделирование которых составит содержание следующих подразделов.

3.3 Лингвокультурологическое макрополе «Место» во внутригородской топонимии

Экстенсионал поля, имеющий центром значение связи с физико-географическими особенностями местности, включает общие для двух национальных подсистем микролингвокультурологические поля, которые можно ранжировать согласно количественным данным в следующем порядке (Рисунок 13):

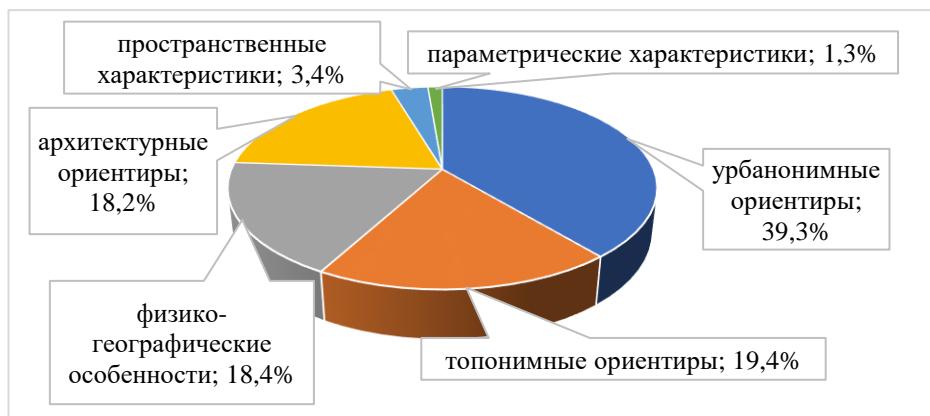

Рисунок 13 — Соотношение лингвокультурологических микрополей ЛМАП «Место» в УБ и УФ в целом

«Урбанонимные ориентиры» (39,3% от общего количества названий двух подсистем), «Топонимные ориентиры» (19,4%), «Физико-географические особенности» (18,4%), «Архитектурные ориентиры» (18,2%), «Пространственные характеристики» (3,4%), «Параметрические характеристики» (1,3%).

3.3.1 Лингвокультурологическое микрополе «Урбанонимные ориентиры»

Внутригородские названия ЛМИП «Урбанонимные ориентиры» составляют 39,3% от общего количества номинативных единиц двух национальных топонимических подсистем. Внутригородские названия данного микрополя занимают первое место в УБ (66,1%) и четвертое в УФ (20,4%) и формируют ядерное и околовядерное пространства соответственно.

В рамках семиотического подхода к интерпретации городского пространства урбанонимы могут рассматриваться как его микротексты. Кроме того, они вызывают интерес с точки зрения репрезентации в них специфической ономастической картины мира как уникальной системы знаков, в которой отражаются знания народа о мире.

Изучение так называемых «урбанонимных ориентиров», то есть внутригородских топонимов, являющихся важными элементами локации и помогающих ориентироваться в пространстве, представляется актуальным, поскольку эта группа онимов Беларуси и Франции до сих пор целенаправленно не анализировалась в сопоставительном аспекте. Данная монография будет способствовать восполнению лакуны в данном сегменте научной картины мира. Кроме того, организация внутригородской топонимии детерминирована реалиями населенного пункта, устройство которого имеет национально-специфичные черты в каждой стране. Соответственно изучение анализируемой группы ономастических единиц позволит выявить культурную обусловленность номинативных стратегий в национальных ономастических системах.

Внутригородские названия, связанные с урбанонимными ориентирами, анализировались в исследованиях белорусских и российских ономастов в рамках всей подсистемы наименований внутригородских объектов. По наблюдениям ученых, подобные названия в основном мотивированы именами собственными других внутригородских объектов, расположенных в непосредственной близости.

Так, А. М. Мезенко отмечает, что принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам предполагает (в числе других) мотивирующий признак, «характеризующий место расположения улицы, площади, микрорайона и т. п. относительно других значимых внутригородских объектов» [105, с. 23]. Он является общим, например, для названий, повторяющих наименования других внутригородских объектов: *Авангардная улица* — *Авангардный переулок* и номерных названий: *1-й Брестский переулок*, *2-й Брестский переулок* и т. п. Р. В. Разумов выделяет тип номинаций внутригородских объектов, мотивированных другими урбанизмами, который развивался в основном в больших по размеру урбанизмных системах [427, с. 12]. Н. Ю. Забелин, рассматривая иерархию основных структурно-семантических моделей московского топонимикона, выделяет принцип номинации по другому урбанизму, обычно близлежащему (*Перервинский бул.* — от *Перерва ул.*) [203, с. 18]. Анализируя количественные отношения групп урбанизмов Улан-Удэ, Ю. Г. Пушкарева установила, что принципу номинации по отношению улицы к другому значимому объекту, в том числе и внутригородскому (например, названия, повторяющие наименования других внутригородских объектов, и номерные названия), соответствует 42,8% названий [441, с. 117]. Автор отмечает закономерный характер этого соотношения: урбанизмы, «которые условно можно назвать повторяющимися, типичны не только для г. Улан-Удэ, но и для многих других городов России. Как правило, переулок или тупик, находящийся в непосредственной близости от основной улицы, получает то же самое название: *ул. Агрономическая* → *пер. Агрономический*» [441, с. 118].

Французской ономастике свойственна похожая тенденция: данная разновидность урбанизмов выделяется, например, в работах S. Gendron, A. Douchin. Ученые обнаруживают, что «некоторые годонимические апеллятивы относятся к одному и тому же детерминанту» (*avenue George Sand et impasse George Sand* ‘проспект Жорж Санд и тупик Жорж Санд’ [188, р. 71], различные наименования присоединяются к одному и тому же детерминанту [194, р. 8]: например, *chemin de Wissous, route de Wissous et sentier de Wissous* ‘тракт Виссю, шоссе Виссу и тропинка Виссу’ [194, с. 19].

Сопоставительное исследование белорусских и французских урбанизмов, связанных с урбанизмами ориентирами, пока не осуществлялось, однако данная разновидность внутригородских названий частично описана. Так, в уже упоминавшемся исследовании

Е. А. Сизовой выделено 12 тематических групп основ, общих для Лондона, Москвы и Парижа, в состав которых вошли «наименования, повторяющие названия соседних улиц (*Старобабаиловский тупик, Щипковские переулки, Гороховский переулок; rue Pablos-Casals, impasse Raymond-Queneau, place Sainte-Marthe*)» [89, с. 11].

В обеих ономастических подсистемах обнаружены две однократные группы наименований.

1. Урбанонимы, буквально повторяющие проприальную часть названий близлежащих линейных объектов (38,2% от общего количества внутригородских названий Беларуси и Франции). В подсистеме внутригородских названий Беларуси и Франции зарегистрированы номинативные единицы, входящие в двух- или трехкомпонентные модели урбанонимной иррадиации (два или три наименования имеют одинаковую проприальную часть при различных НТ).

В применении к топонимам термин «иррадиация» определяется как особый вид трансонимизации: «распространение основы географического имени данного объекта на другие, обычно близлежащие, например, *р. Дон, пр. Северский Донец ...*» [109, с. 174]. Соответственно в нашем исследовании под иррадиацией понимается распространение проприальной части названия одного внутригородского объекта на именования другого или других, расположенных в большинстве случаев неподалеку. Основываясь на количестве переносов проприальной части одного урбанонима на другой (другие), мы выделили двух- и трехкомпонентные модели с учетом направления иррадиации.

Двухкомпонентные модели занимают ведущую позицию как в УБ, так и в УФ (87,5% vs 84,6% соответственно). В УБ в составе двухкомпонентных моделей урбанонимной иррадиации чаще всего повторяют названия других внутригородских объектов урбанонимы, имеющие в своем составе следующие НТ: *переулок* — 68,6% (*Криничный пер., пер. Якуба Коласа*); *проезд* — 4,0% (*проезд Гоголя*), а также еще три НТ (*улица, площадь, тупик*), которые встречаются в единичных моделях и на долю каждой из которых приходится не более 1,0% (*Комсомольская пл., Весенний туп.*). В УФ зафиксировано большее количество продуктивных двухкомпонентных моделей, в составе которых многочисленны НТ *impasse* — 28,0% (*impasse de Merfy* — ‘тупик Мерфи’, *impasse des Poissonniers* ‘тупик Торговцев Рыбой’), *rue* — 22,3% (*rue de la Justice* ‘ул. Справедливости’, *rue de la Hohwart* ‘ул. Ховарта’), *place* — 12,5% (*place du Nord* ‘Северная пл.’, *place de l'Université* ‘Университетская пл.’), *chemin* —

6,4% (*chemin de la Cerisaie* ‘тракт Вишнёвого Сада’, *chemin de Merfy* ‘тракт Мерфи’), *passage* — 5,2% (*passage de la Cathédrale* ‘Соборный пр-д’), *passage du Chapitre* ‘пр-д Капитула’), *sentier* — 4,6% (*sentier du Goujon* ‘Гужонская тропинка’), *sentier Henri Bazin* ‘тропинка Анри Базена’), *ruelle* — 4,0% (*ruelle Saint-Antoine* ‘пер. Святого Антуана’, *ruelle Victor Hugo* ‘пер. Виктора Гюго’), *allée* — 3,7% (*allée Alberto Santos Dumont* ‘ал. Альберто Сантоса Дюмон’, *allée Sébastopol* ‘Севастопольская ал.’), *petite rue* — 2,1% (*petite rue de l’Église* ‘Церковная уличка’, *petite rue des Tilleuls* ‘Липовая уличка’). Мы выделили также 14 единичных моделей (до 1,5%), из которых следующие НТ зафиксированы в количестве до шести единиц: *quai*, *cour*, *rond-point*, *square* (*quai des Moulins* ‘Мельничная набережная’, *square Saint-Jacques* ‘сквер Святого Жака’). Трехкомпонентные модели менее распространены как в УБ, так и в УФ — 6,1% vs 13,8% соответственно. В УБ в составе данных моделей чаще встречаются урбанонимы с НТ *переулок*, *проезд*, *тупик* (пер. Калинина, пр-д Короленко, Февральский туп.), а в УФ — *impasse*, *rue* (*impasse du Port* ‘Портовый туп.’, *rue des Bateliers* ‘ул. Лодочников’). В УФ встречаются также четырехкомпонентные урбанонимные «ансамбли», в которых, однако, один из объектов находится в значительном отдалении от других (более одного–двух километров), поэтому, скорее всего, не повторяет название других, а является самостоятельной номинативной единицей.

2. Урбанонимы, производные от номинаций других точечных и линейных внутригородских объектов (61,8% от общего количества внутригородских названий Беларуси и Франции):

а) проприальные — эти наименования преобладают в двух подсистемах в рамках данной группы. Самыми многочисленными являются урбанонимы, образованные от городских горонимов (*Билевская* ул. ← микрорайон *Билево*; *Медицинская* ул. ← микрорайон *Медицентр*; *rue de Koenigshoffen* ‘улица Кёнигсхоффена’ ← торгово-жилой район Кёнигсхоффен в западной части Страсбурга, *quai de la Petite France* ‘набережная Маленькой Франции’ ← исторический и туристический квартал Маленькая Франция, в котором она и расположена; георонимов — названий мостов (22,2%): *rue du Pont Saint-Martin* ‘улица Моста Святого Мартина’; названий парков и садов (*Мазуринская* ул. ← парк *Мазурино*, *boulevard de l’Orangerie* ‘бульвар Оранжери’ — по названию общественного парка Страсбурга, *rue de Trianon* ‘улица Трианона’ — по названию сада Трианон, когда-то располагавшегося в Реймсе [277]); порейурбанонимов — названий остановок транспорта: *Чепинская* улица ← железнодорожная станция

Чепино; allée du Schluthfeld ‘аллея Шлутфельд’ ← трамвайная остановка *Шлутфельд* в Страсбурге, с которой начинается аллея [442];

б) апеллятивные — такие названия единичны в обеих национальных подсистемах. В рамках данной разновидности можно выделить урбанонимы, образованные от типов внутригородских объектов или декоративных сооружений, расположенных в населенном пункте: *Мостовая ул.* ← *мост*; *chemin des 2 Ponts* ‘тракт Двух Мостов’, *chemin des Fontaines* ‘тракт Фонтанов’, *place des 6 Cadrans* ‘площадь Шести Циферблатов’ — по названию колонны с шестью циферблатами, установленной в 1832 г. [277].

В УБ наименования, семантически и формально мотивированные проприальным или апеллятивным компонентом, представлены единичными примерами. В УФ зарегистрировано значительно больше как производных наименований данной подгруппы (10,6% в УФ vs 1,2% в УБ), так и мотиваторов.

Белорусским урбанонимам свойственна одна национально-специфическая группа наименований, не нашедшая отражения в урбанонимии Франции и представленная там лишь двумя наименованиями, — так называемые «номерные» урбанонимы, то есть внутригородские названия, имеющие в своем составе числительные. «Номерные» урбанонимы включают три НТ: а) *улица (1-я–3-я Заречные улицы)* — 50,5%; б) *переулок (1-й–4-й переулки Франциска Скорины)* — 48,0%; в) *проезд (1-й — 3-й Жлобинский проезды)* — 1,4%. Особенность данных названий заключается в том, что порядковый компонент выполняет дополнительную дифференцирующую функцию (работает внутри малой группы). Основная функция (выделение объекта в ряду однотипных) принадлежит отымененному компоненту. Для номерных названий может быть характерно явление адресной дисфункции, под которым А. Н. Соловьёв понимает «ситуации, в которых одно, а чаще, несколько внутригородских названий не помогают, а скорее мешают успешной локализации объекта и формированию урбанонимической картины города» [443, с. 132]. Так, в Браславе зарегистрированы следующие названия: *1-й, 3-й, 4-й и 5-й Кирпичные переулки*. При этом в списке урбанонимов отмечается лакуна, которой соответствует потенциальное внутригородское название *2-й Кирпичный пер.* Отурбанонимные внутригородские наименования отмечаются и в российских городах [427, с. 12; 441, с. 117]. В УФ зарегистрировано только два подобных наименования (*Première rue du Grand Verger* ‘1-я ул. Большого Фруктового Сада’, *2e rue du Grand Verger* ‘2-я ул. Большого Фруктового Сада’).

Как отмечает D. Badariotti, «в большинстве стран система определения местоположения объекта похожа на ту, которая используется во Франции. Каждая улица имеет уникальное название и разные здания нумеруются в порядке их появления на улице, обычно эта нумерация увеличивается от центра к периферии. ... Тем не менее есть места, которые дифференцируют себя от этого использования, принимая либо цифровые системы, например, американские, либо буквенно-цифровые системы, либо выбирая просто не давать названия улицам» [415, р. 291]. Автор приводит в качестве примера систему наименования в городах Северной Америки; нумерацию улиц в Нью-Йорке [415, р. 292].

В плане использования номеров в названиях улиц интерес представляет немецкий Мангейм, получивший название «город квадратов», так как от дворца, построенного в XVIII в., шли перпендикулярные улицы, разделившие центр Мангейма на прямоугольники и квадраты, а «координаты этих квадратов дали численно-буквенные названия улицам города, что отличает Мангейм от остальных немецких городов» [444]. Продолжая размышления над «номерными» урбанизмами, D. Badariotti замечает, что «принципы системы определения местоположения объекта в Японии имеют нечто общее с системой Мангейма, поскольку названия улиц не существуют, а здания идентифицируются номерами, присвоенными в соответствии с блоком, к которому они принадлежат, и в соответствии с порядком, в котором они были построены ...» [415, р. 293].

Ю. Л. Никитина, определяя сходства и отличия в номинациях внутригородских объектов у славян на примере названий городов Беларуси, Польши и Болгарии, приходит к выводу, что «в польской и болгарской системе внутригородских наименований отурбанизмные образования не получили такого широкого распространения, как в белорусской» [74, с. 90].

Таким образом, некоторые внутригородские объекты ввиду своей значимости являются важными ориентирами в населенном пункте, в силу чего служат базой для формирования урбанизмов.

По нашим данным, строение ЛМИП «Урбанизмные ориентиры» в УБ и в УФ не совпадает (рис. 14).

В белорусской подсистеме ядро формирует тематический класс «номерных» урбанизмов, во французской — «повторяющихся», в УБ околовдерное пространство представляют повторяющие названия, в УФ — урбанизмы, мотивированные номинациями других точечных и линейных внутригородских объектов, периферийное

пространство в УБ занимают номинативные единицы, связанные с другими объектами, расположеными в населенном пункте, в УФ — несколько «номерных» урбанонимов. Результаты исследования белорусского и французского ономастического пространства позволяют сделать вывод, что выбор, частота использования и распространенность урбанонимных ориентиров при образовании внутригородских названий национально специфичны, что обусловлено географическими, историческими и культурными реалиями.

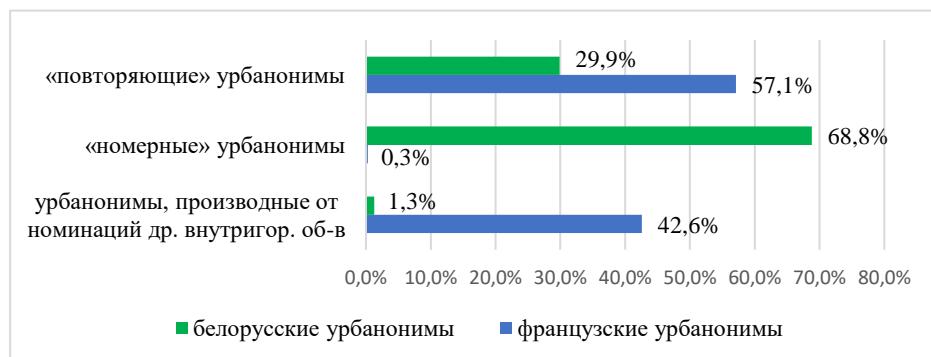

Рисунок 14 — Процентное соотношение тематических классов в рамках ЛМИП «Урбанонимные ориентиры» в УБ и УФ

3.3.2 Лингвокультурологическое микрополе «Топонимные ориентиры»

Урбанонимы ЛМИП «Топонимные ориентиры» (19,4% от всего количества) занимают четвертое и первое места в УБ (6,1%) и УФ (28,8%) и формируют периферийное и ядерное пространства соответственно.

Изучение географических названий ведется на уровне комплексного подхода к наименованиям как объекту анализа, однако важным представляется их подробное изучение, позволяющее детально определить национальные характерные черты главным образом в сопоставлении с ономастическими системами других стран. Основываясь на классификациях, предложенных А. М. Мезенко [105; 106], Р. В. Разумовым [427], Н. Ю. Забелиным [203], Р.-Н. Billy [428], для анализа белорусской и французской урбанонимных систем мы взяли за основу соотнесенность именной части внутригородского наименования с одним из разрядов онимов, а именно — с топонимами.

Задача данного раздела — установление номинативных особенностей урбанонимов Беларуси и Франции, связанных с топонимными ориентирами, как одной из тематических групп внутригородских названий.

Так, по мнению А. М. Мезенко, принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам осуществляется через два признака, второй из которых указывает «на связь внутригородского объекта с другим географическим объектом вне города. Данный признак объединяет большое число урбанонимов, мотивированных топонимами, гидронимами, оронимами и т.п.» [105, с. 23–24]. Согласно М. В. Горбаневскому, «второй основной (с точки зрения статистики — первой основной, ибо она более продуктивна, чем ономатопея апеллятивов) моделью номинации русских географических названий (в целом) и внутригородских топонимов (в частности)» считается их мотивация «другими онимами: названия городов, поселков, деревень, улиц, переулков, площадей, рек, озер, гор и т. д. широко образуются от уже существующих в языке и функционирующих в речи антропонимов, топонимов, эргонимов, агионимов и т. д.» [113, с. 81]. По результатам проведенного М. В. Горбаневским анализа, «в каждом из больших, малых и средних городов России среди названий улиц и др. явление трансонимизации на 95–97% обеспечивается двумя главными разновидностями имен зон земного пространства — антропонимами и топонимами, которые выступают в качестве основных мотивирующих основ» [113, с. 100]. Как считает автор, «эта подгруппа и объединяет в себе подавляющее большинство тех имен собственных, которые реально становились названиями улиц и переулков, проспектов и бульваров, проездов и площадей претерпевая процесс (акт) трансонимизации» [113, с. 100].

Р. В. Разумов, исследуя систему урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля), приходит к выводу, что основное влияние на развитие урбанонимов, мотивированных топонимами, «оказывало расширение территории: присоединение пригородных слобод, поселков, сел и деревень. Поэтому урбанонимы, мотивированные топонимами, отражают в основном либо расположение объектов, присоединенных к черте города … , либо расположение путей сообщения» [427, с. 11.]. Обратим внимание на один из выделенных Н. Ю. Забелиным принципов номинации внутригородских объектов — «по названиям так называемых выездных улиц, в которых обозначены направления в сопредельные населенные пункты, по названиям населенных пунктов, вошедших в состав города и другие

оттопонимические названия» [203, с. 17]. А. Н. Соловьёв в результате анализа оттопонимных урбанонимов Смоленщины показал типичные ситуации, вызвавшие появление внутригородских наименований, образованных от названий географических объектов, и функции данных наименований [445].

Во французской ономастике наблюдается схожая ситуация: данная разновидность урбанонимов исследована как часть системы внутригородских наименований. G. Mellet обнаруживает в городской топонимии Дижона названия, указывающие на факты физической географии: *rue de Suzon* ‘улица Сюзона’ была построена на месте старого ручья Сюзон; *rue de l’Île* ‘Островная улица’ расположена между двумя протоками реки Уш. Далее уточняется, что к этой категории можно также отнести улицы, именованные по названиям соседних населенных пунктов, к которым они направлены (*rue d’Auxonne* ‘улица Осона’, *rue de Gray* ‘улица Грэй’, *rue de Talant* ‘улица Талана’). Как утверждает автор, эти названия часто объясняются уже исчезнувшими к данному моменту реалиями [191, р. 136]. G. Quantin также пишет о существовании подобных наименований в Реймсе, где зарегистрирована улица по названию реки Вель [192, р. 178]. По его мнению, «названия улиц больше не напоминают сельскую местность, кроме как косвенно, через местность, к которой они (или их продолжение) ведут» [192, р. 179].

F. de Beaurepaire свидетельствует о существовании в Руане улиц, названных по пункту назначения маршрутов выезда из города. Линейные объекты, ведущие из городов, обычно обозначаются по месту назначения [201, р. 56]. Р.-Н. Billy предлагает семантико-референтную классификацию, в которой анализируемая группа названий входит в сектор «Направления» [428, р. 21], подсектор «Деревни, города или страны, к которым улицы ведут» [428, р. 21] пространства «Функциональные характеристики» [428, р. 17].

B. Bosredon и I. Tamba считают, что есть две постоянные схемы построения названий улиц: (1) *rue Descartes* ‘улица Декарта’ и (2) *rue de Rennes* ‘улица Ренна’ [446, р. 62], описывая которые авторы уделяют внимание в том числе и предлогу, который употребляется с артиклем или без него перед названиями городов, рек, стран и не используется перед фамильным антропонимом. Ученые уточняют, что исторически топонимы вводились в уличную номенклатуру в три этапа, а «самый древний восходит к средневековым обычаям обозначать улицы, в том числе по знакомым географическим ориентирам. Поэтому в основе этих наименований лежит референциальная

мотивация, интерпретация которой композиционная...» [446]. Таким образом, *rue de Paris* ‘Парижская улица’ подразумевает расположение улицы в направлении Парижа» [446], то есть название выполняет не только идентифицирующую функцию, но еще и локализующую. По мнению D. Badariotti, урбанонимы могут восходить к названиям ближних и дальних географических объектов (городов, деревень, провинций, стран) [415, р. 299]. S. Gendron выделяет несколько периодов формирования гидронимии Ла-Шатра, отмечая, что для четвертого из них в основном характерны урбанонимы, образованные от названий деревень, поселков и земельных участков коммуны Ла-Шатр [188, р. 92]. Нами установлено, что в урбанонимии французской коммуны Ла-Гард функционируют внутригородские названия, мотивированные топонимами, среди которых названия коммун; хоронимы (наименования актуальных и существовавших до административно-территориальной реформы регионов Франции), гор и горных массивов [25–ДМЛ, с. 121]; что оттопонимные названия, отвечающие принципу номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам, восходят в основном к наименованиям географических объектов, расположенных во Франции [25–ДМЛ, с. 121].

Оттопонимные виконимы соответствуют принципу номинации по связи с другим объектом в классификациях белорусских ученых (А. М. Мезенко [105; 106; 111]) и отчасти соотносятся с топоморфными названиями [110] или названиями-характеристиками [427] (по терминологии, используемой разными белорусскими и российскими ономастами).

Р. В. Разумов, выделяет следующую разновидность виконимов-характеристик, функционирующих в четырех районах Ярославской области — «названия, указывающие на расположение объекта относительно другого, пространственно смежного с ним объекта, то есть образованные от других имен собственных» [218, с. 147], например, гидронимов, ойконимов, микротопонимов. По мнению белорусских исследователей, в качестве ориентиров для образования топоморфных названий могут выступать наименования собственные населенных пунктов, водных объектов [110]. Во французской ономастической науке работы, посвященные внутрисельским наименованиям, малочисленны. В существующих исследованиях выделено, например, семь тематических групп, единицы одной из которых связаны с топонимными ориентирами, т. е. названиями соседних населенных пунктов: *rue d'Amiens* ‘ул. Амьена’, *rue d'Oisemont* ‘ул. Уазмон’ [227, р. 122].

В опубликованных нами ранее работах показано, что в белорусской и во французской виконимии можно выделить подгруппы названий, мотивированные наименованиями населенных пунктов, в направлении которых улица ведет, а оттопонимные виконимы северо-восточного региона Франции образованы преимущественно от названий сельских поселений (комонимов), реже — городских (астионимов) [9–ДМЛ, с. 84].

В урбанонимных подсистемах Беларуси и Франции зафиксированы как общие, так и национально-специфические тематические классы. Общими являются урбанонимы, образованные от названий населенных пунктов (66,0% от общего количества оттопонимных наименований). В ядро общих входят урбанонимы, образованные от комонимов — названий сельских поселений (33,6% от количества урбанонимов двух подсистем). Данная группа включает урбанонимы, связанные с названием населенного пункта сельского типа, к которому улица ведет, и урбанонимы, сформированные на базе наименований населенных пунктов, присоединенных к городской черте (подобные наименования помимо локализующей функции выполняют и меморативную, так как включают как лингвистическую, так и историческую информацию (то есть отражают современные реалии и сохраняют сведения об определенном явлении конкретной эпохи): *Аксановская ул., Смольянский пер.; rue de Berru* ‘улица Беррю’, *route de Marson* ‘шоссе Марсон’ — Беррю и Марсон — деревни, расположенные в департаменте Марна Большого восточного региона Франции. К ядру также близки внутригородские названия, восходящие к астионимам — названиям городов (30,4% от общего количества названий двух лингвокультур. Как правило, данные внутригородские названия указывают направление к какому-либо населенному пункту. Урбанонимы данной группы могут быть образованы от названий близлежащих городов, административных центров районов, областей: *Бешенковичская ул., Орианская ул.; avenue de Metz* ‘проспект Мец’ (Мец — город на северо-востоке Франции в Большом восточном регионе Франции), *route de Montmirail* ‘шоссе Монмирай’ (Монмирай — город, расположенный в департаменте Марна Большого восточного региона Франции).

Околоядерное пространство представлено урбанонимами, образованными от гидронимов, то есть названий водных объектов — озер, рек, ручьев и т. д. (10,3%; УБ — 14,0%; УФ — 9,6% (*Березинская ул., ул. Витьба, ул. Ульянка; rue de la Largue* ‘улица Ларга’ (Ларг — река, протекающая в департаменте Верхний Рейн Большого

восточного региона), *rue de Vesle* ‘улица Вель’ (Вель — река, протекающая преимущественно по департаменту Марна Большого восточного региона)). Периферийное пространство составляют урбанонимы, мотивированные названиями типов поселений (1,4%; УБ — 6,3%; УФ — 0,6%). Данные урбанонимы образованы от типов населенных пунктов, либо вошедших в городскую черту, либо существующих неподалеку: *Хуторская ул.*; *chemin des Bourgs* ‘Поселковый тракт’ и не имеют привязки к географическому месту в самом названии.

Помимо общих тематических классов в УФ зафиксированы четыре национально-специфических, названия которых входят в околоводорное или периферийное пространство и образованы от

1) **хоронимов** (9,3% — околоводорное пространство). Отхоронимные урбанонимы восходят к названиям территорий, департаментов, регионов, стран (*avenue d'Alsace* ‘Эльзасский проспект’ — Эльзас — исторический регион на северо-востоке Франции, граничащий с Германией и Швейцарией, *rue de la Marne* ‘Марнская улица’ — Марна — один из департаментов Большого восточного региона Франции); *allée de la Bavière* ‘Баварская аллея’ (Бавария — одна из немецких земель); *place de la Belgique* ‘Бельгийская площадь’); *promenade du Luxembourg* ‘Люксембургский променад’ — Люксембург — страна, с которой граничит Франция); *rue de Salm* ‘улица Сальм’ — Сальм-Сальм — графство, а затем княжество Священной Римской империи, существовавшее на территории французских департаментов Нижний Рейн и Вогезы в средние века);

2) **оронимов** (6,7% — околоводорное пространство). Урбанонимы этой группы восходят к собственному имени любого элемента рельефа земной поверхности (ноложительного и отрицательного), при этом для данной территории характерны урбанонимы, образованные от названий различных возвышенностей: *rue du Mont-Blanc* ‘улица Монблана’ — Монблан — самая высокая точка Альп, *avenue des Vosges* ‘Вогезский проспект’ — Вогезы — горный массив на северо-востоке Франции; и островов: *route du Rohrschollen* ‘шоссе Роршолена’ — Роршолен — остров в Страсбурге. Наименования этой подгруппы репрезентирует три ТК, из которых более частый — французский (*rue du Clémont* ‘Климонская улица’ — Климон — вершина массива Вогезов, *rue du Vercors* ‘Веркорская ул.’ — Веркор — горный массив во Французских Предальпах), на остальные два приходится по одному примеру: немецкий (*rue de la Hohwart* ‘Ховартская ул.’ — Ховарт — гора недалеко от деревни Брайтнау

в Шварцвальде в немецкой земле Баден-Вюртемберг), швейцарский (*rue du Saint-Goéhard* ‘Сен-готардская ул.’ — Сен-готард — горный перевал Швейцарских Альп);

3) **микротопонимов** (5,2% — периферийное пространство). Урбанонимы данного класса образованы от собственного имени природного физико-географического микрообъекта (чаще) или созданного человеком (реже), имеющего узкую сферу употребления, то есть функционирующего в пределах лишь микротерритории и известного узкому кругу людей, живущих вблизи него [11, с. 83]: *rue des Grangettes* ‘ул. Гранжетт’, *rue de la Hachette* ‘ул. Ашетт’ — Ле Гранжетт и Ля Ашетт — это микротопонимы, расположенные неподалеку. В УБ только одно название ул. *Большая Слободка* образовано от данного типа мотиватора;

4) **иных административно-территориальных единиц** (2,3% — периферийное пространство). В данной группе объединены урбанонимы, восходящие к названиям территорий, административные типы (городской, сельский) которых не удалось определить (в основном коммунам).

В УФ можно выделить также некоторые немногочисленные урбанонимы (до 2,0%), мотивированные дримонимами — названиями лесных участков (*rue du Bambous* ‘ул. Бамбуза’, *avenue de la Garenne* ‘пр-т Гаренн’), инсулонимами — названиями островов (*allée de la Robertsau* ‘ал. Робертау’), гелонимами — названиями болот (*rue du Marais Kageneck* ‘ул. Болота Кагэнэк’) и названиями некоторых других видов географических объектов.

Урбанонимы данного ЛМИП в Беларуси кроме белорусского транслируют два других национально-культурных компонента, из которых больше других представлен русский — 71,4% от количества небелорусских национальных компонентов (*Московская ул.*, *Себежская ул.*), а второй, литовский (*Вильнюсское ш.*), представлен единичным названием. В УФ, кроме французского (*chemin de la Cheppre* ‘тракт Ла-Шеппе’ — Ла-Шеппе — коммуна, расположенная в департаменте Марна Большого восточного региона Франции, *chemin de Saint-Gibrien* ‘тракт Сен-Жибриен’ — Сен-Жибриен — коммуна департамента Марна в Большом восточном регионе Франции), обнаруживаем 11 национально-культурных компонентов, среди которых наибольшим количеством конституентов представлены немецкий (*allée de Cologne* ‘Кёльнская аллея’), *rue de Neuss* ‘Нойссская улица — Нойс — город в Германии’ — 34,6%, швейцарский (*rue de Biel*

‘Бильская улица — Биль — город в Швейцарии’) — 29,8% и бельгийский (*rue de Liège* ‘улица Льежа’ — Льеж — город в регионе Валлония Бельгии; *place de la Belgique* ‘Бельгийская площадь’) — 12,5%, а остальные представлены единичными примерами (до шести единиц). Урбанонимам Беларуси и Франции, образованным от названий топонимных ориентиров, свойственны как типологические, так и различные черты. УБ и УФ бесспорно обладают отличительными чертами, отражая при этом исторические тенденции урбанонимной номинации в целом (рис. 15, 16).

Рисунок 15 — Процентное соотношение тематических классов в рамках ЛМИП «Топонимные ориентиры» в УБ

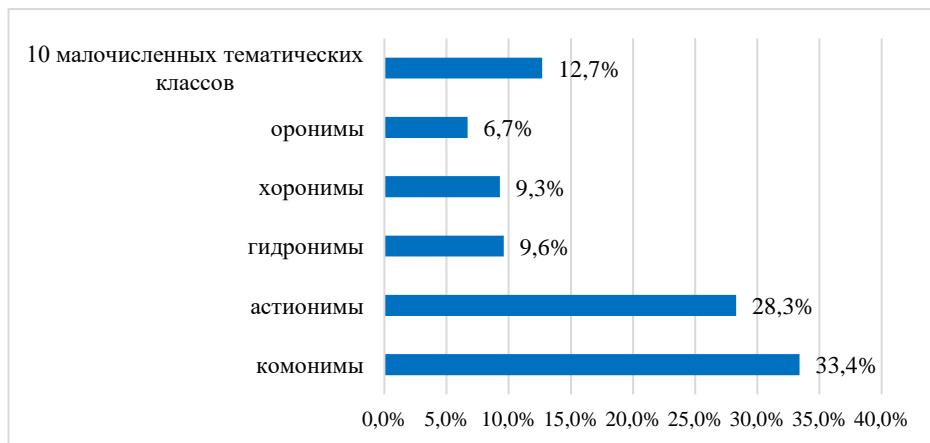

Рисунок 16 — Процентное соотношение тематических классов в рамках ЛМИП «Топонимные ориентиры» в УФ

3.3.3 *Лингвокультурологическое микрополе «Физико-географические особенности»*

Урбанонимы ЛМИП «Физико-географические особенности» (в целом 18,4%) занимают второе и третье места в УБ (13,3%) и УФ (21,9%), то есть формируют околовядерное пространство.

Урбанонимы, отражающие физико-географические особенности местности, упоминаются в классификациях внутригородских объектов белорусских и российских ученых А. М. Мезенко [105; 106], Р. В. Разумова [427], Н.Ю. Забелина [203]; французских ономастов D. Badariotti [415], J.-C. Bouvier [186], Р.-Н. Billy [428].

Согласно классификации урбанонимов А. М. Мезенко, названия, отвечающие принципу номинации внутригородского объекта по его свойствам и качествам, в зависимости от признака, положенного в основу наименования, распределяются по шести тематическим группам, одна из которых объединяет наименования, «характеризующие внутригородской объект со стороны размера, конфигурации, физико-географических особенностей возникновения: *Мостовая, Кривая улицы, Ручейный переулок и др.*» [105, с. 26].

Р. В. Разумов рассматривает своеобразие развития типа внутригородских названий, отражающих естественные особенности объекта, в рамках которого выделяет два основных подтипа: 1) урбанонимы, отражающие местоположение объекта относительно каких-либо природных объектов или элементов планировочной структуры города; 2) урбанонимы, отражающие особенности того объекта, который они называют [105, с. 12–13]; Н. Ю. Забелин, выстраивая иерархию основных структурно-семантических моделей московского топонимикона, выделяет принцип номинации урбанонимов по физико-географическим параметрам, по характеристике местности, характеру почвы, ландшафта, по близлежащим микротопонимам [203, с. 17].

Во французской ономастике данная разновидность наименований внутригородских объектов рассматривается в контексте так называемых характеризующих названий (D. Badariotti [415], J.-C. Bouvier [186]), которые «независимо от того, расположены ли они в городской местности или в сельской, имеют ярко выраженный референциальный характер. Определитель, который следует за родовым наименованием или иногда предшествует ему, устанавливает прямую семантическую связь с референтом» [186, р. 304].

В семантико-референтной классификации городских топонимов Р.-Н. Billy часть анализируемой группы названий входит в сектор «Описания» [428, р. 21] (подсекторы «топографические ориентиры» [428, р. 18], «самоописания» [428, р. 21], «субъективные описания» [428, р. 22]) пространства «Функциональные характеристики» [428, р. 17]. D. Badariotti, описывая годонимию как более-менее точную систему определения местоположения, утверждает, что номинация по принципу ориентации в географическом пространстве сменяется принципом идеологического и политического обозначения территории [415], то есть «речь идет, прежде всего, об упрощении ориентации в пространстве, но ее применяют и для символической характеристики местонахождения» [415].

Виконимы, отражающие физико-географические особенности местности, соответствуют принципу номинации по свойствам и качествам объекта [107; 111, с. 3], отчасти соотносятся с характерологическими названиями [110] или названиями-характеристиками [217].

Установлено, что внутрисельским названиям, отвечающим принципу номинации объекта по его свойствам и качествам, то есть характерологическим наименованиям, соответствуют следующие тематические группы: а) виконимы, отражающие физико-географические особенности местности; б) внутрисельские названия описывающие параметрические, темпоральные и квалитативные характеристики линейного объекта [110]. Из числа разновидностей виконимов-характеристик, выделенных Р.В. Разумовым, названия, отражающие функциональные особенности объекта, обусловлены физико-географическими особенностями местности [217, с. 132]. Во французской ономастической науке малочисленны исследования, посвященные внутрисельским наименованиям. В существующих работах выделяется, например, семь тематических групп, из которых названия одной соотносятся с физико-географическими особенностями местности — наименования, связанные с наличием значимого объекта (топографического) — *rue de la Carrière* ‘Карьерная ул.’, *rue du Mont* ‘Горная ул.’ [227, р. 122].

В целом как в белорусской и российской, так и французской науках об именах собственных более изученными являются внутригородские названия. Французские авторы выделяют две крупные категории урбанонимов: характеризующие и мемориальные названия. Как пишет J.-C. Bouvier, с точки зрения способа обозначения эти два типа топонимов в принципе явно различимы. Характеризующие топонимы, независимо от того, расположены они в городской или

сельской местности, имеют ярко выраженный референциальный характер. Определитель, который следует за родовым наименованием, а иногда и предшествует ему, устанавливает прямую смысловую связь с референтом, характеристика которого считается существенной, и выражается следующим образом: *rue du Moulin* ‘Мельничная ул.’ — улица, ведущая к мельнице или на которой находится мельница [186, р. 304].

Урбанонимы, отражающие физико-географические особенности объектов, характеризуют различные компоненты географического ландшафта и формируют несколько тематических классов, четыре из которых включают наибольшее количество номинативных единиц:

1. Номинации растительного мира (34,5%). Мы выделили как общие, так и национально-специфические подклассы урбанонимов флористического типа. Так, к первым мы отнесли названия следующих разновидностей растительности:

а) номинации лиственных деревьев (*Берёзовая ул.*, *Кленовая ул.*, *Липовая ул.*; *rue des Bouleaux* ‘Берёзовая улица’, *rue du Chêne* ‘Дубовая улица’, *rue des Tilleuls* ‘Липовая улица’); кустарников (*Сиреневая ул.*; *allée des Chevrefeuilles* ‘аллея Жимолости’, *allée des Jasmins* ‘Жасминовая аллея’) — 16,9% от общего количества внутригородских названий Беларуси и Франции, связанных с растительным миром). Данный подкласс названий занимает второе место по многочисленности среди флористических названий в УБ и первое в УФ. В двух системах задействованы общие мотивирующие слова *берёза, липа, ольха*;

б) номинации цветочных растений: *Тюльпановая ул.*, *Цветочная ул.*; *allée des Coquelicots* ‘Маковая улица’, *rue des Muguet* ‘Ландышевая улица’, *rue des Narcisses* ‘Нарциссовая улица’. Данный подкласс названий занимает третье место по многочисленности среди флористических названий в УБ и первое в УФ, а в его составе обнаружено одно мотивирующее слово, общее для двух подсистем, — *цветы*;

в) номинации плодовых растений, их плодов (*Грушевая ул.*, *Рябиновая ул.*, *Яблоневая ул.*; *rue des Alisiers* ‘Рябиновая улица’, *rue des Cerises* ‘Вишнёвая улица’, *rue des Châtaigniers* ‘Каштановая улица’), а также их плодов (всего 7,7%). Общими для УБ и УФ являются мотивирующие слова *вишня, каштан, рябина, сирень*. В данном тематическом подклассе следует отдельно выделить встречающиеся в двух подсистемах урбанонимы, связанные с ягодными растениями (*Земляничная ул.*, *Малиновая ул.*, *Ягодная ул.*; *rue des Fraises*

‘Клубничная улица’); также в УФ одна номинативная единица образована от названия гриба (*allée des Morilles* ‘Сморчковая аллея’).

В подсистеме внутригородских названий Франции функционирует еще одна разновидность наименований: урбанонимы, мотивированные названиями растений различных семейств (4,2%; *quai des Joncs* ‘Камышовая набережная’, *rue du Houblon* ‘Хмелевая улица’, *trasse des Lavandes* ‘Лавандовый тупик’). Данный подкласс названий занимает первое место по многочисленности среди флористических названий в УБ и третье в УФ.

2. Номинации элементов ландшафта (33,0%). В двух национальных подсистемах зафиксированы наименования, указывающие на нейтральный рельеф местности (*Боровая ул.*, *Парковый пер.*, *Полевая ул.*; *rue des Champs* ‘Полевая ул.’, *rue des Jardins* ‘Садовая ул.’, *rue des Prés* ‘Луговая ул.’), планировочные элементы города (*Береговая ул.*, *Набережная ул.*, *jardin des 2 Rives* ‘сад 2 Берегов’), гидрообъекты (*Криничная ул.*, *Озёрная ул.*, *Речная ул.*, *Ручейный пер.*; *allée des Sources* ‘аллея Источников’); 2) положительный рельеф (*Горная ул.*; *place des Buttes* ‘Холмистая улица’, указывающая на наличие холмов, *rue du Pic* ‘Вершинная улица’ расположенная рядом с горной вершиной); и 3) отрицательный рельеф (*Овражная ул.*; *rue des Crayères* ‘Меловая улица’ — указание на местонахождение рядом с меловыми карьерами, *rue de la Gravière* ‘Гравийная улица’ — расположена недалеко от гравийного карьера). В обеих национальных урбанонимных подсистемах в качестве мотивирующих слов для урбанонимов выступают преимущественно названия элементов нейтрального рельефа, названия отрицательного и положительного рельефа более распространены в УФ. Данный факт может быть обусловлен различиями в физической географии Беларуси и Франции: так, Большой восточный регион, урбанонимы которого выступили объектом анализа, сформирован горными массивами Вогезы и Ардennes. В данной группе функционируют общие мотивирующие слова, связанные с элементами нейтрального (река, ручей, родник; лес, луг, поле, сад), положительного (гора) и отрицательного рельефа (карьер, овраг).

3. Номинации, связанные с качествами объекта и местности (всего 10,7%). Данный класс урбанонимов объединяет названия, характеризующие объект: *Светлая ул.*, *Солнечная ул.*, *Тенистая ул.*, *Солнечная ул.*; *rue Brûlée* ‘Сгоревшая улица’ или особенности почвы: *Песчаная ул.*, *Торфяная ул.*; *rue du Loess* ‘улица Лесс’ (*loess* [lœss] — вид почвы в Эльзасе [447]). В рамках данного класса одно мотивирующее слово является общим для двух подсистем — *песок*.

4. Номинации, связанные с функциональной характеристикой (всего 5,2%). Данный класс представлен названиями, характеризующими функциональное предназначение объекта: *Въездная ул.*, *Окружная ул.*, *Пешеходная ул.*; *cour des Échelles* ‘Лестничный двор’ (по данным J.-C. Thuret, там в резерве хранилась противопожарная техника [277]), *rue de Metz* ‘улица Мец’ (улица была построена для проживания иммигрантов из Лотарингии [277]. Мец — город на северо-востоке Франции в Большом восточном регионе, бывшая столица французского региона Лотарингия). Данная группа не содержит общих для двух подсистем мотивирующих слов.

В УФ в отдельный тематический класс можно объединить названия, связанные с представителями животного мира (19,2% в УФ) и репрезентированные несколькими подклассами, выделенными на основании следующих групп мотиваторов:

а) птицы: *chemin des Alouettes* ‘Жаворонковый тракт’, *rue des Cigognes* ‘Аистовая улица’, *allée des Hirondelles* ‘Ласточкина аллея’, *rue des Mésanges* ‘Синичкина улица’;

б) животные: *rue des Boeufs* ‘Бычья улица’, *rue du Cerf* ‘Оленья улица’, *rue des Renards* ‘Лисья улица’;

в) рыбы: *rue de la Carpe* ‘Карповая улица’, *rue du Saumon* ‘Лососевая улица’, *rue de la Truite* ‘Форелевая улица’;

г) насекомые: *rue des Abeilles* ‘Пчелиная улица’, *rue de la Fourmi* ‘Муравьиная улица’. В данной группе не обнаружены общие мотивирующие слова. В УБ функционирует лишь одно название данного семантического типа: *Бобровый пер.*

В УБ, в отличие от УФ, более многочисленны наименования, указывающие на цвет (6,1%). Мотиваторами для образования названий в УБ выступили два цвета — зеленый и красный: *Зелёная ул.*, *Красный пер.* При этом первое из них прежде всего связано с обозначением растительности и отмечено высоким индексом частотности, а второе может быть наделено различными коннотациями: исторически колороним *красный* имел значение «прекрасный, красивый, великолепный, пригожий». Как указано в словаре М. Фасмера, цветовое значение *красный* является вторичным по отношению к значению «красный, прекрасный» [448, с. 368]. В советский период прилагательное *красный* приобрело также значение ‘революционный’.

В УФ функционируют четыре урбанонима, образованных от названий зеленого (3 единицы) и алого (1 единица) цветов (*place Verte* ‘Зелёная площадь’; *rue de l’Écarlate* ‘Алая улица’). Общим мотиватором для образования «цветных» урбанонимов выступил

зеленый цвет. В двух подсистемах также зарегистрированы названия, связанные с красным цветом или его оттенком.

По мнению А. М. Мезенко, появление наименований, имеющих в своем составе слова со значением цвета, нередко вызвано тенденцией возвращения к так называемым живописным названиям [106, с. 130]. Эмоционально-характерологической коннотацией наделены и топонимные единицы. Так, анализируя костромские «красивые» топонимы, Е.В. Цветкова предполагает, что они не являются исключительно искусственными: в процессе наименования человек «делится» своими чувствами и переживаниями, показывает свое настроение, «а возможно, и хочет “говорящим” позитивным именем привлечь удачу, счастье, что-то изменить к лучшему» [449, с. 495].

Полевая организация урбанонимов, отражающих физико-географические особенности местности, обнаруживает следующие различия в двух лингвокультурах (на примере четырех тематических классов, включающих наибольшее количество урбанонимов данной разновидности — рис. 17):

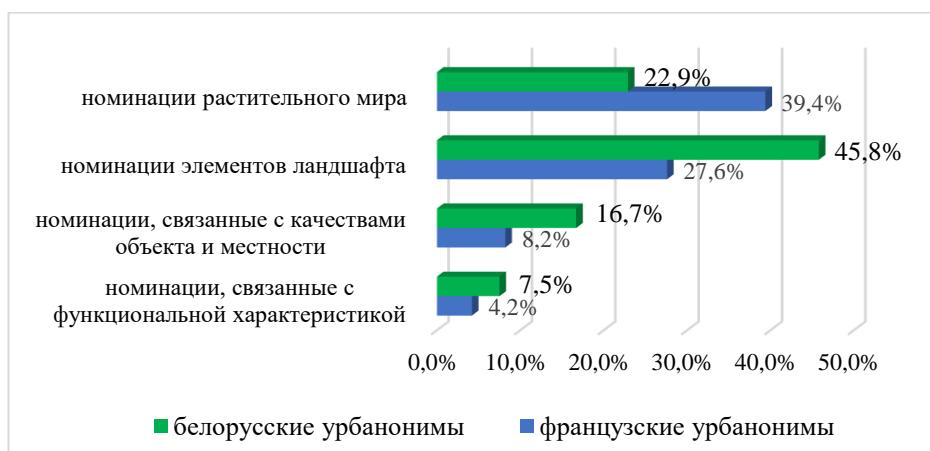

Рисунок 17 — Процентное соотношение тематических классов и подклассов в рамках ЛМИП «Физико-географические особенности» в УБ и УФ

«Номинации элементов ландшафта» входят в ядро УБ (45,8%) и формируют околоводное пространство УФ (27,6%), а внутригородские названия класса «номинации растительного мира», наоборот, входят в ядро УФ (39,4%) и в околоводное пространство УБ (22,9%);

периферийное пространство тождественно в двух подсистемах: его формируют урбанонимы тематических классов «номинации, связанные с качествами объекта и местности» (УБ — 16,7%, УФ — 8,2%), и «номинации, связанные с функциональной характеристикой» (УБ — 7,5%, УФ — 4,2%).

Таким образом, в результате сопоставительного изучения урбанонимов, отражающих физико-географические особенности местности, установлены номинативные особенности,ственные анализируемой категории названий. Определено, какие общие и национально-специфические черты свойственны указанной разновидности наименований. Так, две подсистемы сближают следующие факты:

- существование одноименных классов названий, включающих урбанонимы, отражающих физико-географические особенности местности («Компоненты ландшафта»; «Флора»; «Качества объекта и местности»; «Функциональная нагрузка»; «Эмоционально-характерологические названия»);
- наличие совпадающих подклассов в рамках класса «Флора» («Различные породы деревьев», «Цветы», «Плодовые деревья, кустарники и растения, а также их плоды»);
- частичное совпадение строения семантического поля, объединяющего урбанонимы, отражающие физико-географические особенности местности в УБ и УФ: в ядерное пространство двух подсистем входит класс «Компоненты ландшафта», а в периферийное — наименования, связанные с цветом и эмоционально-пожелательными характеристиками;
- в двух подсистемах для образования названий использовано некоторое количество общих мотивирующих слов.

Национально-специфическое проявляется в следующем:

- разные номинативные предпочтения и разница в структурировании пространства в урбанонимии, что выражается в неодинаковом полевом строении околоядерного и близкого к нему пространств подсистем урбанонимов, отражающих физико-географические особенности местности;
- значительная количественная разбежка в процентном соотношении структурных компонентов семантического поля, которое объединяет урбанонимы, отражающие физико-географические особенности местности в УБ и УФ. Так, разница между ядром и околоядерным пространством в УБ составляет около 29%, в УФ — около

10%, между околоядерным пространством и пространством, близком к нему, — около 6% в УБ и менее 3% в УФ; близком околоядерному пространству и периферией — менее 2% в УБ и УФ;

— большее номинативное разнообразие в УФ в рамках класса «Флора»: кроме трех общих подклассов названий, функционирует один национально-специфический — «Растения различных семейств», одиночный урбаноним мотивирован названием гриба;

- количественное превалирование названий, входящих в подкласс «Плодовые деревья, кустарники и растения», классы «Цвет» в УБ и «Фауна» в УФ по сравнению с числовым представлением данного семантического типа в другой подсистеме;

— одноименным подгруппам в рамках группы «Флора» свойственно несовпадение номинационных приоритетов: важнейшими для УБ являются различные виды растительности, расположенные в следующем порядке: плодовые деревья, кустарники и растения; различные породы деревьев; цветы; а для УФ — различные породы деревьев, цветы, плодовые деревья, кустарники и растения;

— общие мотивирующие слова обнаружены не для всех тематических групп.

3.3.4 Лингвокультурологическое микрополе «Архитектурные ориентиры»

Урбанонимы ЛМИП «Архитектурные ориентиры» (18,2%) занимают третье и второе места в УБ (8,7%) и УФ (25,0%), то есть формируют периферийное и околоядерное пространство соответственно.

Урбанонимы, связанные с архитектурными зданиями, анализируются в исследованиях белорусских и российских ономастов в рамках всей системы урбанонимов. Так, согласно классификации А. М. Мезенко, названия, мотивированные наименованиями архитектурных объектов, реализуют признак, характеризующий место расположения улицы, площади, микрорайона и т.п. относительно других значимых внутригородских объектов, и соответствуют принципу номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам [105, с. 23]. В научно-популярном издании М. В. Горбаневского представлены очерки о происхождении, значении, спорных вопросах названий известных московских улиц, площадей, переулков, местностей, образованных, в частности, и от названий архитектурных объектов [196]. Р. В. Разумов

выделяет урбанонимы, отражающие расположение объектов материального производства; социальной сферы (лечебных, спортивных и зрелищных заведений); транспортных предприятий и учреждений связи, торговых объектов; учреждений сервиса и туризма; городских служб и объектов в составе типа отапеллятивных урбанонимов, отражающих особенности объекта в связи с человеческой деятельностью [427, с. 14]. Н. Ю. Забелин среди принципов номинации московской топонимии выделяет агионимический — по названиям монастырей, церквей и кладбищ, например: ул. *Никольская* — по Николо-Греческому (Николаевскому греческому) монастырю) [203, с. 17].

Французской ономастике свойственна похожая тенденция: G. Mellet, изучая названия улиц Дижона, выделяет урбанонимы, связанные с какой-то местной характеристикой, сегодня чаще всего исчезнувшей — например, урбанонимы, восходящие к названию какой-то старинной вывески [191, р. 136]; G. Quantin, анализируя разновидности наименований улиц Реймса, уделяет внимание и номинациям, образованным от названий религиозных зданий [192, р. 180], вывесок [192, р. 182]; в Руане, по свидетельству F. de Beauperaire, функционируют урбанонимы, апеллирующие к названиям гражданских и религиозных зданий [201, р. 59], вывесок [201, р. 61]; P.-H. Billy предлагает семантико-референтную классификацию, в которой анализируемая группа названий входит в сектор «Архитектурные ориентиры» [428, р. 18] пространства «Функциональные характеристики» [428, с. 17]; S. Gendron, исследующий годонимию Ла-Шатра, выделяет и урбанонимы, мотивированные названиями зданий, конструкций [188, р. 77], постоянных дворов (гостиниц) [188, р. 79]; в нашей статье определены номинативные особенности французских урбанонимов и виконимов, мотивированных названиями типов архитектурных сооружений. Установлены основные здания-ориентиры, свойственные системам внутригородских и внутрисельских наименований [6–ДМЛ, с. 12–15].

Сопоставительное исследование белорусских урбанонимов, связанных с архитектурными зданиями, пока не осуществлялось. Тем не менее данная разновидность внутригородских названий частично охарактеризована в исследовании Е. А. Сизовой, выделившей 12 групп основ, общих для Лондона, Москвы и Парижа, среди которых названы церковные наименования [89, с. 11].

Под архитектурным ориентиром мы понимаем мотивирующий апеллятив, представляющий тип объекта, или наименование сооружения, на основе которого сформировано внутригородское название.

Анализ урбанонимов Беларуси и Франции, содержащих указание на архитектурные ориентиры, позволил установить основные как общие, так и частные тематические классы названий.

Так, к общим классам мы отнесем внутригородские названия, образованные от десяти разновидностей сооружений. Из них наиболее многочисленны шесть классов урбанонимов, восходящих к типам объектов и их наименованиям:

1) **религиозных сооружений** — 22,3% от всех названий; УБ — 3,5% от количества белорусских урбанонимов, УФ — 26,9% от числа французских названий (*Михайловская ул.* (по названию объекта (Михайловской церкви), расположенного на улице [107]), *Покровская ул.*, *Успенская ул.*; *rue de la Chapelle* ‘ул. Часовни’, *rue Sainte-Geneviève* ‘ул. Святой Женевьевы’ — улица располагалась недалеко от церкви Святой Женевьевы VII в., разрушенной в 1760 г., а затем рядом с современной церковью Святой Женевьевы, построенной в 1877 г. [277]). Этот класс представлен как урбанонимами, связанными с разновидностями религиозных сооружений, так и самих экклезионимов. Можно выделить одно название, совпадающее в двух подсистемах (*Крестовая ул.* — *rue de la Croix* ‘Крестовая ул.’);

2) **промышленных или сельскохозяйственных предприятий** — 18,6%; УБ — 33,8%; УФ — 14,9% (*Заводская ул.*, *Ковровая ул.*, *Промышленная ул.*; *rue de la Ferme des Anglais* ‘ул. Фермы Англичан’ (по названию большой фермы, построенной на окраине Реймса на улице Серне [277]), *rue de la Papeterie* ‘ул. Бумажной Фабрики’, *rue de l'Usine* ‘Заводская ул.’; *rue de la Grange* ‘Зерноскладовая ул.’, *rue des Greniers* ‘Амбарная ул.’, *rue des Moulins* ‘Мельничная ул.’; *Мельничный пер.*, *Огородная ул.*, *Тепличный пер.*, *Фермерский пер.* Данная группа урбанонимов в большинстве случаев представлена названиями, связанными с какими-либо типами промышленных учреждений, реже — сельскохозяйственных или названиями предприятий. В рамках данного класса обнаружены следующие общие мотиваторы: завод (*Заводская ул.* — *rue de l'Usine* ‘Заводская ул.’), мельница (*Мельничная ул.* — *rue du Moulin* ‘Мельничная ул.’), промышленность (*Промышленная ул.* — *rue de l'Industrie*

‘Промышленная ул.’), фабрика (*Фабричная ул. — rue des Fabriques* ‘Фабричная ул.’), ферма (*Фермерский пер. — allée de la Ferme* ‘Фермерская ал.’));

3) **объектов культурно-исторической направленности** — 11,5%; УБ — 5,5%, УФ — 13,0% (*Клубный пер., Стрелецкая ул.* в Полоцке (по названию здания (*Стрелецкая башня*), некогда располагавшегося на территории, через которую проходила улица [107]); *place de la Bibliothèque* ‘Библиотечная пл.’, *rue de la Tour Verte* ‘ул. Зелёной Башни’. Этот класс названий объединяет урбанонимы, связанные с культурно-историческим наследием (памятниками, учреждениями культуры), и включает три общих мотиватора: замок (*Замковая ул. — place du Château* ‘Замковая пл.’), музей (*Музейный пер. — quai du Musée* ‘Музейная наб.’), театр (*Театральная ул. — rue du Théâtre* ‘Театральная ул.’);

4) **служб города** — 7,2%; УБ — 9,5%, УФ — 6,6% (*Коммунальная ул., Банный пер.; impasse de la Chaufferie* ‘Котельный тупик’, *chemin du Télégraphe* ‘Телеграфный тракт’). Данный класс объединяет наименования, образованные от учреждений, связанных с обслуживанием или защитой населенного пункта (учреждений связи, экстренных служб), и включает наименования, сформированные на основе одного общего мотиватора — почта (*Почтовая ул. — rue de la Poste* ‘Почтовая ул.’);

5) **транспортных объектов и элементов их инфраструктуры** — 6,4%; УБ — 17,4%, УФ — 3,7% (*Авиационная ул., Локомотивная ул., Чугуночный пер.; chemin de l'Écluse* ‘Шлюзовый тракт’, *rue du Port* ‘Портовая ул.’, *rue du Rail* ‘Рельсовая ул.’). В обеих национальных топонимных подсистемах популярны наименования, сформированные на базе объектов железнодорожной сети и ее планировочных элементов. Зафиксированы следующие общие мотиваторы: вокзал (*Вокзальная ул. — place de la Gare* ‘Вокзальная пл.’), железная дорога (*Железнодорожная ул. — rue du Chemin de Fer* ‘Железнодорожная ул.’), станция (*Станционная ул. — rue de la Station* ‘Станционная ул.’);

6) **торговых объектов** — 5,4%; УБ — 2,5%, УФ — 6,1% (*Базарный пер., Крамный пер.; rue du Commerce* ‘Торговая ул.’, *place du Marché Aux Poissons* ‘пл. Рыбного рынка’. Общий мотиватор в рамках данного класса — рынок (*Рыночный пер. — rue du Marché*).

Оставшиеся четыре общих подкласса объединяют названия, связанные с различными социальными объектами: **образовательными** (*Ремесленная ул.* (от названия другого внутригородского

заведения (ремесленного училища), ранее располагавшегося на улице [107]), **Политехническая ул.**; *rue de l'Université* ‘Университетская’), **медицинскими** (Амбулаторный *пер.*, Госпитальная ул.; *rue de l'Hôpital Militaire* ‘ул. Военной Больницы’), **спортивными** (Физкультурная ул.; *rue de la Piscine* ‘Ул. Бассейна’, *rue du Champ du Feu* ‘ул. Шам Дю Фё’ — по названию лыжной станции), **различными зданиями**, расположенными в населенном пункте (Гаражная ул., Дачная ул.; *place des Argonautes* ‘пл. Аргонавтов’ — *Tour des Argonautes* ‘башня Аргонавтов’ — это многоэтажное здание, расположенное в центре района Шатийон на площади Аргонавтов в Реймсе [277]), *rue de la Maison Blanche* ‘ул. Белого Дома’ (названа в честь дома белого цвета [277]). Общие мотиваторы — школа (*Школьная ул.* — *rue des Écoles* ‘Школьная ул.’), больница (*Больничный пер.* — *rue de l'Hôpital* ‘Больничная ул.’), спорт (*Спортивная ул.* — *rue des Sports* ‘Спортивная ул.’), стадион (*Стадионная ул.* — *rue du Stade* ‘Стадионная ул.’).

В системе внутригородских названий Франции зарегистрированы и частные тематические группы, не обнаруженные в проанализированных урбанонимах Беларуси. Так, мы выделили семь групп, из которых три включают наибольшее количество номинативных единиц (около 5,0%) и содержат урбанонимы, связанные с обозначениями следующих объектов:

— **сооружений, предназначенных для проживания** (5,6%; *rue de l'Auberge de Jeunesse* ‘ул. Хостела’ в Страсбурге, название *rue de la Demi-Lune* ‘ул. Полумесяца’ в Страсбурге, которое относится к гостинице ‘Наподобие полумесяца’, упомянутой в 1767 г. [269, р. 93]. В УФ популярны урбанонимы по названиям постоялых домов, гостиниц, обозначенных во французском языке как *auberge* «1. Дом, как правило, находящийся в деревне или небольшом городке, где можно остановиться и поесть. 2. Гостиница, ресторан высокого туристического класса» [207]. Как полагает S. Gendron, анализирующий годонимию Ла-Шатра, как и в любом городе такого размера, где наблюдается значительная коммерческая активность, во многих архивах упоминаются названия гостиниц [188, р. 79];

— **военных зданий** (3,9%; *rue de l'Arsenal* ‘Арсенальная ул.’, *rue de la Caserne* ‘Казарменная ул.’);

— **вывесок** на различных зданиях (3,5%; *rue de l'Arc-En-Ciel* ‘Радужная ул.’ в Страсбурге, получившая название по вывеске Zum Regenbogen (‘Радуга’), которая располагалась на площади Сент-Этьен, дом 102 [269, р. 45], *impasse du Cerf Volant* в Реймсе

(по названию вывески [277]). По мнению G. Quantin, вывески конкурируют с названиями, отражающими внешний вид улицы, потому что они однозначны и определяют местоположение лучше [192, р. 182]. F. de Beaurepaire полагает, что использование названий вывесок для обозначения улиц известно всем, кто занимается исследованием древних городов Франции. Ссылаясь на J.-P. Leguay, автор уточняет, что установка вывесок для идентификации домов городов неизвестна ранее XIII в., что тем не менее не исключает их более раннее использование [201, р. 61]. В любом случае обозначение улиц по названиям вывесок не засвидетельствовано в Руане до XV в.; следовательно, этот способ обозначения более поздний [201, р. 61]. F. de Beaurepaire добавляет, что записи Ch. de Beaurepaire, содержащие многочисленные названия вывесок домов Руана, не включают тех, которые были ранее XIV в. [201, р. 65].

Немногочисленны (от 0,1% до 2,7% в тематическом классе) урбанонимы, связанные с административными (*place de l'Hôtel de Ville* ‘Ратушная ул.’, *rue du Tribunal* ‘Судебная ул.’), гастрономическими (*impasse de la Bière* ‘Пивной туп.’, *rue des Brasseries* ‘ул. Пивных’) ориентирами, названиями конкретных домов — ойкодомонимами (*rue du Paon* ‘Павлинья ул.’ — как полагает M. Corrand de Breban, по названию здания Павлиний дом, который находился на углу с улицей Кордельеров [284, с. 137], *rue de la Rotlach* ‘ул. Ла Ротлаха’ — по названию лесного дома Ла Ротлах [450]).

В УБ наиболее многочисленны группы, объединяющие названия, мотивированные указанием на сооружения промышленные, транспортные, образовательные, службы города и спортивные, в УФ — на религиозные, промышленные, культурно-исторические здания, службы города. При наличии совпадающих тематических классов отмечается несовпадение номинативных приоритетов, что проявляется в строении ЛМИП «Архитектурные ориентиры» в двух подсистемах (рис. 18).

Таким образом, некоторые строения ввиду своих размеров или же своей значимости являются важными ориентирами в населенном пункте, и их названия служат базой для формирования наименований внутригородских объектов. Обычно это здания, имеющие отношение к повседневной жизни жителей населенного пункта и выполняющие различные социальные функции. Кроме того, они являются важными элементами локации и могут помочь ориентироваться в пространстве.

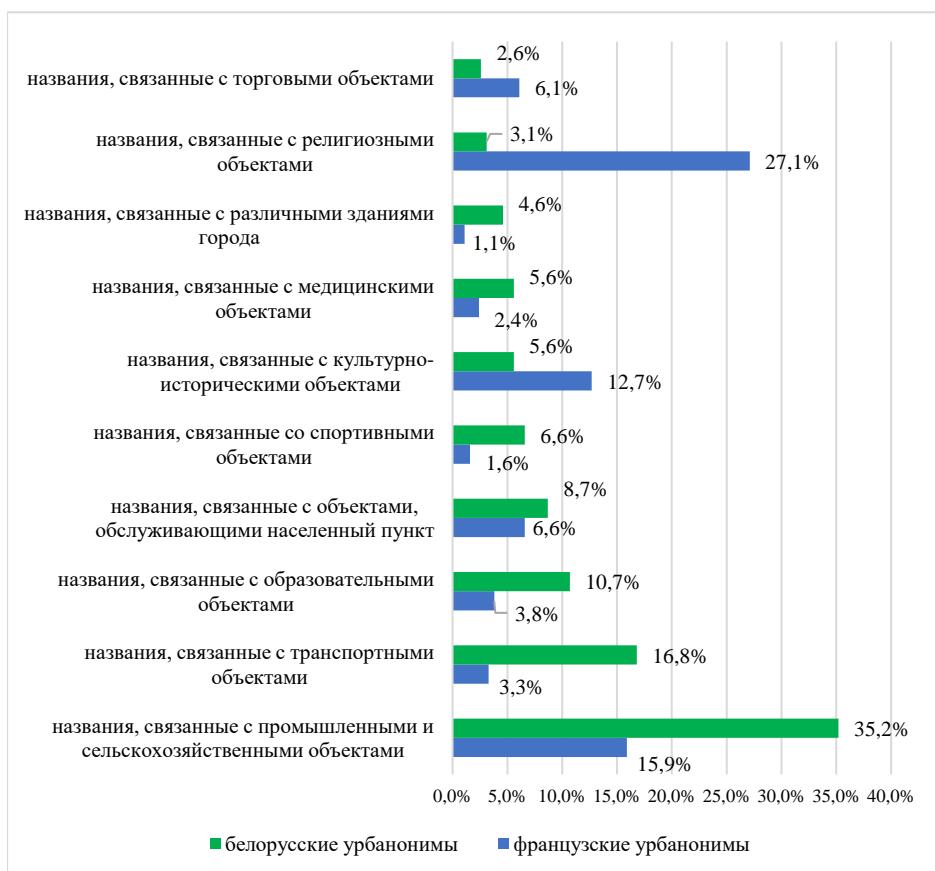

Рисунок 18 — Процентное соотношение тематических классов в рамках ЛМИП «Архитектурные ориентиры» в УБ и УФ

Сопоставительный анализ использования архитектурных ориентиров в урбанонимии позволил обнаружить типологические сходства, к которым относятся следующие:

- 1) номинативная общность в целом, проявляющаяся в том, что группа проанализированных отапеллятивных образований объединяет названия, мотивированные наименованиями архитектурных объектов социальной и историко-культурной инфраструктуры города;
- 2) наличие общих тематических групп названий в двух системах — урбанонимов, связанных с учреждениями промышленными, религиозными, транспортными, культурно-историческими, служб города, торговыми.

Национально-культурная специфика урбанонимов, связанных с архитектурными ориентирами, обнаруживается в следующем:

- 1) одноименные тематические группы в урбанонимии Беларуси и Франции характеризуются разным удельным весом в системах;
- 2) большее количество тематических групп названий в системе урбанонимов Франции;
- 3) разные номинативные приоритеты, свойственные каждой из топонимных подсистем.

3.3.5 Лингвокультурологическое микрополе «Пространственные характеристики»

Урбанонимы ЛМИП «Пространственные характеристики» (3,4%) занимают пятое место в УБ (5,1%) и УФ (2,1%), то есть формируют периферийное пространство.

При определении концептуальных основ отражения географического пространства во внутривселенческой топонимии двух лингвокультур будем опираться на следующее ступенчатое строение, представляющее устройство лингвокультурологического микрополя «Пространственные особенности» внутривселенческой топонимии: семантика отдельного внутривселенческого топонима → семантическая модель → тематическая группа → лингвокультурологическое микрополе. В основе данной схемы отчасти лежит предложенная Е. Л. Березович иерархическая цепочка, представляющая структуру семантического пространства топонимии [435, с. 67].

Анализ топонимических данных Е. Л. Березович показал, что наиболее полно в топонимии представлены следующие пространственные параметры: 1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства [451, с. 84], являющиеся базовыми показателями описания пространства. Эти признаки релевантны и для внутривселенческой топонимии. Первый из них, позволяющий установить точку зрения субъекта номинации по отношению к пространственным объектам, поскольку местоположение всегда осуществляется с учетом определенной системы координат, является ключевым для построения лингвокультурологического микрополя «Пространственные особенности».

Урбанонимы, характеризующие локализацию внутригородского объекта, — тематический сектор лингвокультурологического поля «Место» урбанонимного пространства Беларуси и Франции

наряду с еще пятью секторами: «топонимные ориентиры», «архитектурные ориентиры», «урбанонимные ориентиры», «физико-географические особенности», «параметрические особенности». Данные секторы наименований объединены идеей описания конкретного локуса на основе лексико-семантической общности компонентов, выполнения локализующей функции и реализации текстов культуры, которые транслируются неявно в пространственных урбанонимах, не содержащих в своем составе указание на конкретную страну.

Можно выделить ряд работ, в которых особенности реализации пространственных отношений в названиях различных географических объектов (населенных пунктов [435], внутригородских [437] и внутрисельских [437; 31–ДМЛ] объектов) продемонстрированы на основе соответствия номинаций основным бинарным оппозициям. Для трех систем общими являются противопоставления «близкий — дальний»; «передний — задний»; «верхний — нижний»; «север — юг», «запад — восток»; «начальный — конечный». В урбанонимии и виконимии выделяется еще одна базовая оппозиция — «правый — левый», а в виконимии — две: «параллельный — перпендикулярный»; «центральный — периферийный».

По данным топонимических исследований Е. Л. Березович, такой пространственный параметр, как протяженность [451, с. 84] — один из базовых показателей описания пространства, наиболее полно представленный в топонимии. Этот признак присущ и внутрипоселенческой топонимии. Как считает ученый, «идея протяженности пространственных объектов может реализовываться в двух направлениях: 1) путем оценки протяженности по шкале «короткий» — «длинный»; 2) метрологическим путем — с помощью указания на так или иначе измеренную длину объекта или расстояние от исходной точки до него самого» [435, с. 157].

Анализ топонимических данных показал, что наиболее полно в топонимии представлены следующие пространственные параметры: локализация объекта; охват местности; протяженность; обжитость пространства [435, с. 71], — являющиеся базовыми показателями описания пространства. Эти признаки релевантны и для внутрипоселенческой топонимии. В рамках данного ЛМИП мы рассмотрим урбанонимы, реализующие первый из них, позволяющий установить точку зрения субъекта номинации по отношению к пространственным объектам.

ЛМИП «Пространственные особенности» включает урбанонимы, характеризующие локализацию внутригородского объекта,

и включает следующие тематические классы (представлены по мере уменьшения количества единиц).

1. Тематический класс «Особенности размещения и местоположения» (58,8% от общего количества пространственных урбанонимов Беларуси и Франции; УБ — 52,1%; УФ — 70,0%). В данном классе функционирует наибольшее количество тематических подклассов (представлены бинарными оппозициями), среди которых пять общих для УБ и УФ. Данные классы характеризуются неравномерной количественной наполненностью в национальных урбанонимных подсистемах, в том числе и явной количественной асимметрией в одной из них:

а) «локализация высоко / низко относительно другого объекта или планировочных элементов города» (15,0% всего в двух подсистемах; УБ — 1,7%; УФ — 37,1%). В подсистеме французских урбанонимов превалируют номинативные единицы, содержащие первый компонент, который задействован как самостоятельный элемент и как атрибутив (*rue Haute* ‘Высокая ул.’, *rue Haute Seille* ‘ул. Высокой Сей’ — Сей — это река во Франции), второй же компонент используется только в сочетании (*rue Basse de Compertrix* ‘ул. Низкого Компетри’ — Компетри — квартал города). В УБ в двух названиях (*Высокая ул.*, *Высокий пер.*) нашел отражение первый компонент;

б) «локализация впереди / позади другого объекта» — 12,3% всего в двух подсистемах; УБ — 18,8%; УФ — 1,4%). Данный тематический подкласс больше характерен для белорусских названий, а в среде французских представлен только одним урбанонимом. В двух подсистемах встречаются названия, реализующие только второй компонент. В УБ это значение реализуется в конфиксальных урбанонимах (*Заднепровская ул.*, *Задорожный пер.*, *Заозёрная ул.*), а в УФ — во внутригородском названии, включающем в свой состав предлог *derrière* ‘derrière 1. prép. за, сзади, позади; назад’ [419, с. 319] (*rue Derrière le Château* ‘ул. За Замком’). Отсутствие или малая представленность названий, связанных с первым компонентом модели, объясняется отражением особенностей субъективной ориентации, где важным критерием является позиция номинатора, относительно которой номинируемый объект расположен за каким-либо другим, затрудняющим его визуализацию и локализацию, а поиск улицы, находящейся перед каким-либо объектом, таким образом менее затруднен;

в) «локализация вверху / внизу относительно другого объекта или планировочных элементов города» — 13,9% всего в двух подсистемах; УБ — 9,4%; УФ — 21,4%. В числе белорусских урбанонимов

преобладают единицы, сформированные на базе второго компонента данной бинарной оппозиции, образованные сложением (*Нижненабережная ул.*) или конфиксальным способом (*Подгорная ул.*), среди французских урбанизмов только два названия реализуют данное значение (*chemin Sous les Vignes* ‘тракт Под Виноградниками’), а преимущественны единицы, в составе которых первый компонент (*rue Gravissante* ‘Восходящая ул.’, *rue Sur le Gué* ‘Надбродная ул.’); в УБ таких названий, наоборот, меньше и образованы они конфиксальным способом — чаще (*Надпрудная ул.*) и суффиксальным — реже (*Верхняя ул.*). Следует отметить, что выделение отдельных бинарных оппозиций высокий / низкий; верхний / нижний возможно именно в УБ, так как в УФ прилагательное *bas* может иметь значение ‘1) *прям.*, *перен.* низкий; невысокий; 2) нижний, ниже ...’ [419, с. 104], ‘низ, нижняя часть’ [426, с. 32];

г) «локализация параллельно / перпендикулярно относительно планировочных объектов города» — 4,3% всего в двух подсистемах; УБ — 2,6%; УФ — 7,1%. В УБ и УФ преобладают названия, связанные со вторым компонентом (*Поперечная ул.*, *rue Traversière* ‘Поперечная ул.’, а первый компонент находит отражение лишь в одном французском урбанизме (*rue Parallèle* ‘Параллельная ул.’), обозначающем расположение объекта в той же плоскости (или в том же пространстве), что и другой объект (плоскость), но не пересекающийся с ним.

Как полагает Е. Л. Березович, анализируя топонимию Русского Севера с точки зрения специфики системы ориентации, топонимы, указывающие на локализацию впереди / позади другого объекта, употребляются в двух ситуациях: 1) ситуация, когда объекты, расположенные впереди / позади, «ориентированы относительно номинатора, который помещается между ними (т. е. классическая ситуация «переди (сзади) от меня»); 2) ситуация, когда номинатор находится не между, а перед соответствующими объектами, — так, что передний объект наиболее приближен к нему, а задний — удален» [435, с. 89].

На особенности локализации внутригородского объекта указывают и следующие модели, использованные в УБ:

а) «локализация близко / далеко от другого объекта или планировочных элементов города» (УБ — 16,2%). Модель реализуется двумя способами: во-первых, в более продуктивных конфиксальных образованиях с помощью префикса *при-* со значением пространственной близости и суффикса *-н-* (*Заречная ул.*, *Привокзальная ул.*), где высокой продуктивности достигает второй компонент. Во-вторых, в немногочисленных образованных от указанных прилагательных

простых урбанонимах, при этом задействованным оказывается второй компонент пары (*Дальняя ул.*);

б) «локализация справа / слева другого объекта или планировочных элементов города» (3,4%). Модель реализуется в сложных названиях, в которых задействованы оба компонента при большей продуктивности первого (*Правобереговая ул.*, *Левобереговая ул.*).

В рамках данного тематического класса можно выделить следующие общие мотиваторы: высота (*Высокая ул.* — *rue Haute* ‘Высокая ул.’), поперечное (*Поперечная ул.*, *rue Traversière* ‘Поперечная ул.’); пограничное (*Пограничная ул.* — *chemin des Confins* ‘Пограничный тракт’) расположение.

2. Тематический класс «Стороны света» (29,4% от общего количества пространственных урбанонимов Беларуси и Франции; УБ — 35,9%; УФ — 18,6%). Данный класс включает два подкласса, образованных в соответствии с двумя семантическими моделями, общими для двух анализируемых урбанонимных подсистем:

а) «локализация на севере / юге в пределах города» (15,5% всего в двух подсистемах; УБ — 17,9%; УФ — 11,4%). В УБ зафиксировано больше названий, связанных с югом (*Южная ул.*) в сравнении с первым (*Северная ул.*). В УФ, наоборот, продуктивным оказывается первый компонент (*place du Nord* ‘Северная площадь’) при меньшей представленности второго (*quai du Sud* ‘Южная набережная’);

б) «локализация на западе / востоке в пределах города» (13,9% всего в двух подсистемах; УБ — 17,9%; УФ — 7,1%), при этом в УБ ведущим является второй компонент в соотношении 13 «восточных» урбанонимов vs 8 «западных» (*Западная ул.*, *Восточная ул.*). Популярность именно «южных» и «восточных» названий в УБ подкрепляется тем, что в белорусской культуре восток (и часто вместе с ним юг) наделяется положительной семантикой и противопоставляется западу [452, с. 486]. В УФ названия распределяются с незначительным перевесом в сторону второго компонента: 3 «восточных» и 2 «западных» (*rue de l'Est* ‘Восточная ул.’, *rue du Couchant* ‘Западная ул.’). Стоит заметить, что в основном в двух подсистемах данные значения реализуются в частотных названиях.

В рамках данного тематического класса выделим следующие общие мотиваторы: север (*Северная ул.* — *rue du Nord* ‘Северная ул.’); юг (*impasse Sud* ‘Южный туп.’), восток (*Восточная ул.* — *rue de l'Est* ‘Восточная ул.’).

3. Тематический класс «Степень удаленности линейного объекта от начала / центра города — 12,8 % всего в двух

подсистемах: УБ — 12,0%; УФ — 14,3%) представлен названиями, образованными в соответствии с двумя семантическими моделями, общими для двух анализируемых урбанонимных подсистем:

а) «локализация в начале / в конце населенного пункта или относительно какого-либо объекта» — 4,8% всего в двух подсистемах; УБ — 4,3%; УФ — 5,7%. Данная бинарная оппозиция расширяется за счет добавления компонента, передающего значение расположенностии посередине, между какими-либо объектами (*Средненабережная ул.*). В УБ распространены названия, передающие значение второго (*Межевая ул.*) и третьего компонентов; в УФ — третьего (*rue Entre les 2 Portes* ‘ул. Между 2 Портов’) и второго (*chemin du Bout de la Grand Rue* ‘тракт В Конце Большой Улицы’, *chemin des Confins* ‘Пограничный тракт’);

б) «локализация в центре / на периферии населенного пункта» — 8,0% всего в двух подсистемах; УБ — 7,7%; УФ — 8,7%. Данный подкласс представлен оппозицией «центральный / периферийный» и объективируется при помощи названий, указывающих на степень удаленности от центра населенного пункта, при этом в УБ наиболее продуктивными оказываются урбанонимы, содержащие идею центра (*Центральная ул.*), то есть срединной и главной части города, а в УФ — периферийной (*route de la Lisière* ‘Крайнее ш.’). Общие мотиваторы в рамках данного класса — центр (*Центральная ул. — rue du Centre* ‘Центральная ул.’); край (*Крайний пер. — route de la Lisière* ‘Крайнее ш.’).

При тождественности количественной соотнесенности тематических классов в УБ и УФ двум подсистемам свойственно несовпадающее полевое строение подсистем пространственных урбанонимов, что свидетельствует о разных номинативных предпочтениях и разнице в структурировании пространства в двух лингвокультурах, объективированных в пространственных урбанонимах Беларуси и Франции (рис. 19).

В ядро УБ входят названия, в которых реализована модель «локализация впереди / позади ...»; в УФ — «локализация высоко / низко ...»; в УБ близкой к ядру являются модели «локализация на западе / востоке ...», «локализация на севере / юге ...», «локализация близко / далеко ...»; в УФ — «локализация вверху / внизу ...», «локализация на севере / юге ...»; периферийное пространство УБ представлено названиями, в которых реализованы модели «локализация вверху / внизу ...», «локализация в центре / на периферии ...», «локализация в начале / в конце ...», «локализация справа / слева ...»,

«локализация параллельно / перпендикулярно ...», «локализация высоко / низко ...»; УФ — «локализация в центре / на периферии ...», «локализация на западе / востоке ...», «локализация параллельно / перпендикулярно ...», «локализация в начале / в конце ...», «локализация впереди / позади ...».

Рисунок 19 — Процентное соотношение тематических подклассов в рамках ЛМИП «Пространственные характеристики» в УБ и УФ

Таким образом, в результате анализа урбанонимов, содержащих пространственные характеристики, удалось определить как общие, так и национально-специфические концептуальные основы отражения географического пространства в урбанонимии двух лингвокультур. Так, две подсистемы сближают:

- 1) включение в состав ЛМИП «Пространственные особенности» трех общих тематических классов;
- 2) совпадающая приоритетность тематических классов в двух урбанонимных подсистемах;
- 3) объективизация пространственных отношений посредством восьми общих семантических моделей.

Национально-специфическое проявляется в следующем:

1) несовпадающем количестве семантических моделей в целом, составляющих семантические группы УБ и УФ: в УБ функционируют десять моделей, в УФ — восемь;

2) разных номинативных предпочтениях и разнице в структурировании пространства в урбанонимии, что выражается в неодинаковом полевом строении подсистем пространственных урбанонимов;

3) значительной количественной разбежке в процентном соотношении структурных компонентов ЛМИП «Пространственные особенности» в УБ и УФ. Так, разница между ядром и околоядерным пространством в УБ составляет менее 1%, в УФ — более 15%; между околоядерным пространством и периферией — более 6% в УБ и более 2% в УФ.

3.3.6 Лингвокультурологическое микрополе «Параметрические характеристики»

Урбанонимы данного ЛМИП «Параметрические характеристики» (1,3%) занимают шестое место в УБ (0,7%) и УФ (1,8%), то есть формируют периферийное пространство. ЛМИП включает в себя урбанонимы двух общих тематических классов:

а) «Размер» (66,2% от всех параметрических урбанонимов). Тематический класс включает номинативные единицы, характеризующие габариты номинируемого линейного объекта. Данные урбанонимы построены в соответствии с семантическими моделями, представленными бинарными оппозициями:

– **большой / маленький.** Модель преобладает в двух подсистемах — 6 названий из 15 в УБ и 26 из 59 в УФ. Заметим, что в составе как белорусских, так и французских параметрических урбанонимов превалируют наименования, реализующие значение второго компонента, при этом в УБ таких названий в два раза больше, а в УФ разница незначительна. Среди белорусских названий зарегистрированы как простые (*Малый пер.*), так и сложные номинативные единицы (*Малая Речная ул.*), в числе французских — только сложные (*rue du Petit Four* ‘ул. Маленькой Печи’, *rue des Petites Fermes* ‘ул. Маленьких Ферм’);

– **длинный / короткий.** Урбанонимы, построенные по данной модели, более многочисленны в УФ (12 названий из 59) и единичны в УБ (2 названия из 15). При этом в составе белорусских номинативных единиц задействован второй компонент, на основе которого

сформированы простые названия (*Короткая ул.*), а французских — первый, использованный преимущественно в сложных (*rue du Général Haxo Prolongée* ‘Удлиненная улица Генерала Аксо’) и отдельных простых (*chemin Long* ‘Длинный тракт’) наименованиях;

– **широкий / узкий.** Данная модель непродуктивна в обеих национальных подсистемах и представлена в УБ одним названием, соотносимым с первым компонентом (*Широкая ул.*), а в УФ двумя урбанонимами, из которых один урбаноним коррелирует с первым компонентом (*en Bonne Ruelle* [453]), а другой — со вторым (*rue Étroite* ‘Узкая ул.’). Следует заметить, что в рамках тематического класса «Размер» не функционируют названия, образованные от совпадающих мотиваторов.

б) «Форма» (33,8% от всех параметрических урбанонимов; УБ — 37,5%; УФ — 32,1%). Тематический класс включает номинативные единицы, характеризующие внешнее очертание номинируемого линейного объекта (*Кривой пер.*; *rue de l'Equerre* ‘Треугольная ул.’). Общие мотиваторы для образования названий данного класса — угол (*Угловой пер.* — *rue de l'Angle* ‘Угловая ул.’), кольцо (*улица Садовое кольцо* — *rue de l'Anneau* ‘Кольцевая ул.’).

Полевое строение ЛМИП «Параметрические характеристики» совпадает в двух национальных подсистемах: в ядро и околяядерное пространство входят урбанонимы из тематического класса «Размер», в периферийное — внутригородские названия тематического класса «Форма». Приоритетность тематических подклассов также тождественна: на первом месте находятся названия, реализующие модель большой / маленький (ядро), на втором — длинный / короткий (околяядерное пространство), на третьем — широкий / узкий (околяядерное пространство).

По результатам исследования строение лингвокультурологических макрополей в УБ и УФ не совпадает (рис. 20): в ядро макрополя входит микрополе «Урбанонимные ориентиры» в УБ и «Топонимные ориентиры» в УФ. В околяядерном пространстве есть частичное совпадение: в двух подсистемах в его состав входит микрополе «Физико-географические особенности», кроме которого в УФ выделяются микрополя «Архитектурные ориентиры» и «Урбанонимные ориентиры». Определенная тождественность строения свойственна и периферийному пространству поля, в которое в двух подсистемах входят микрополя «Пространственные характеристики» и «Параметрические характеристики», а также микрополя «Архитектурные ориентиры» и «Топонимные ориентиры» в УБ.

Таким образом, специфика построения лингвокультурологического макрополя «Место» тесным образом связано с концепцией пространства, важнейшим свойством которого является антропоцентричность, так как оно формируется вокруг самого человека. Специфика восприятия человеком географического пространства — один из активно разрабатываемых вопросов в современных лингвистических и культурологических исследованиях. Актуальность данной тематики связана с тем, что географическое пространство — важнейшая реалия бытия, воспринимаемая и дифференцируемая человеком, который выделяет в нем различные фрагменты, связанные с урбанонимными, топонимными, архитектурными ориентирами, физико-географическими, пространственными, параметрическими особенностями.

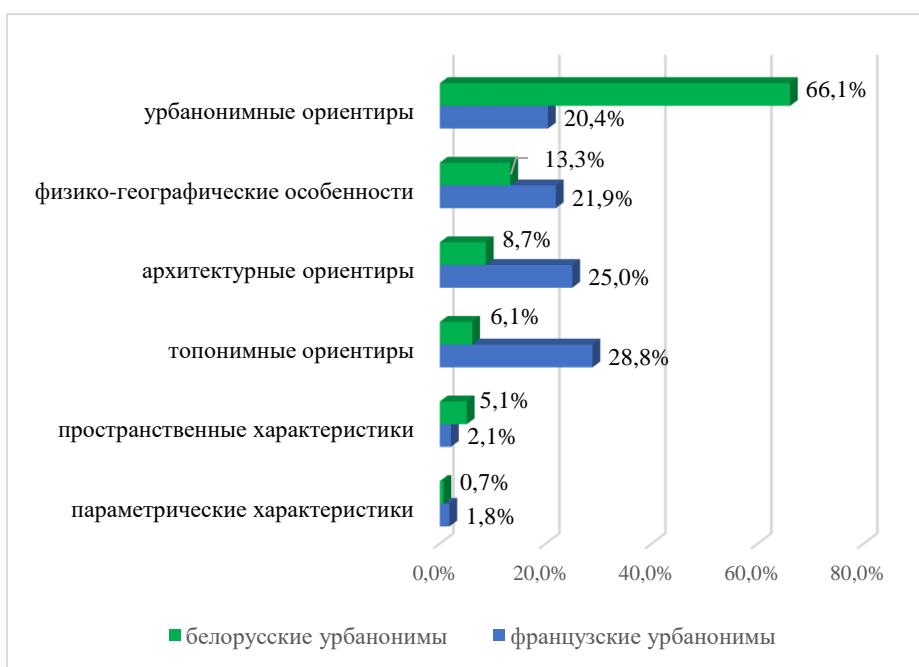

Рисунок 20 — Соотношение лингвокультурологических микрополей ЛМАП «Место» в УБ и УФ

Урбанонимный и виконимный материалы могут дать подробную и целостную трактовку народного восприятия пространства, поскольку концепция пространства и места является базовой для топонимической концептосферы в целом.

3.4 Лингвокультурологическое макрополе «Место» во внутрисельской топонимии

Создание и эволюция имен собственных в значительной степени обусловлены культурой народа, сформировавшего их. Названия, отражающие физико-географические особенности местности, являются частью виконимной картины мира, представляющей собой систему внутрисельских номинаций, функционирующих в языке и вербализующих содержание концептуальной картины мира, в которой находят выражение особенности перцепции действительности, отражающиеся национально-специфические черты народа.

Виконимы, образованные от топонимов, характеризуют местоположение внутрисельских объектов. Это особенно важно для анализа проприальных единиц сельского поселения, ведь не случайно изучение специфики восприятия географического пространства — один из наиболее активно разрабатываемых вопросов в современных гуманитарных научных работах.

В виконимии перечисленные категории онимов анализировались совокупно при изучении номинативных особенностей внутрисельских названий какой-либо территории, а целенаправленное исследование этих единиц в рамках нескольких лингвокультур пока не осуществлялось. В белорусской ономастике виконимы, связанные с физико-географическими особенностями местности, соответствуют принципу номинации по свойствам и качествам; соотносящиеся с пространственными особенностями, а также мотивированные названиями архитектурных, топонимных и виконимных ориентиров — принципу номинации по связи с другим объектом, [107; 111], а также рассматриваются в составе характерологических и топоморфных названий [110].

В русской ономастике названные тематические классы анализируются в рамках виконимов-характеристик [217].

В немногочисленных франкоязычных работах, посвященных внутрисельским номинативным единицам, выделяются топографические названия, характеризующие положение в пространстве, номинативные единицы, связанные с элементом ландшафта, соседними населенными пунктами, зданиями [227, р. 121–122].

Следует отметить, что во французской ономастике подобные группы наименований рассматриваются в контексте так называемых характеризующих названий [186, с. 304]. В. Badariotti полагает,

что происхождение гидронима связано с функцией места (культовой, торговой, военной...), что придаёт ему действительно информативное и значимое содержание. Но это не единственная роль гидронимов: они, конечно, должны также упростить пространственную идентификацию соответствующих мест и, следовательно, облегчить ориентацию на местности [415, р. 291].

Экстенсионал поля, имеющий центром значение связи с физико-географическими особенностями местности, включает пять общих для двух национальных подсистем тематических классов, которые можно ранжировать согласно количественным данным в следующем порядке: «физико-географические особенности» (46,2% от общего количества названий двух подсистем), «архитектурные ориентиры» (18,7%), «виконимные ориентиры» (10,1%), «топонимные ориентиры» (5,4%), «пространственные характеристики» (2,6%). Кроме того, в ВФ можно выделить небольшой национально-специфический класс «Параметрические характеристики» (1,1% от общего количества названий в ВФ), номинативные единицы которого не встречаются в ВБ. Данные классы характеризуются несовпадающим количественным наполнением конституентов (рис. 21). В целом данные тематические классы объединяют виконимы, характеризующие качества именуемого объекта, его местоположение в пространстве, в том числе относительно каких-либо объектов.

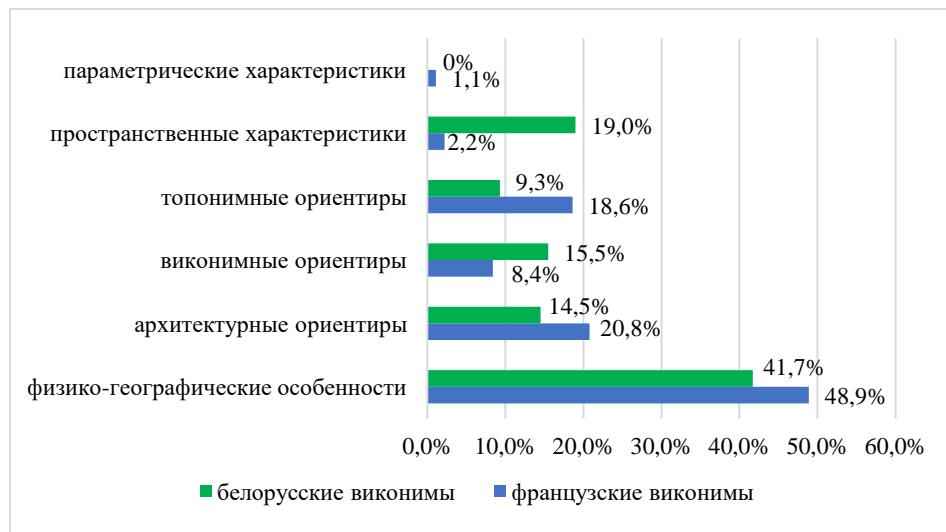

Рисунок 21 — Соотношение лингвокультурологических микрополей ЛМАП «Место» в ВБ и ВФ

3.4.1 Лингвокультурологическое микрополе «Физико-географические особенности»

Виконимы данного микрополя лидируют в двух подсистемах и распределены по нескольким классам. Это номинативные единицы, описывающие

1) номинации элементов ландшафта. В ВБ и ВФ зафиксированы наименования, указывающие преимущественно на нейтральный рельеф местности (*Лесная ул.*, *Родниковая ул.*; *rue des Champs* ‘Полевая ул.’, *rue du Ruisseau* ‘Ручьевая ул.’); реже на отрицательный (*Овражная ул.*; *rue de la Carrière* ‘Карьерная ул.’); а элементы положительного ландшафта нашли отражение только в ВФ (*rue de la Montagne* ‘Горная ул.’). Данные различия обусловлены в основном ландшафтом территории: белорусские регионы имеют холмисто-равнинную поверхность, французские — холмисто-равнинную и горную;

2) номинации, связанные с качествами объекта и местности (*Солнечная ул.*, *Ясная ул.*; *rue des Sablons* ‘Песочная ул.’, *rue du Soleil* ‘Солнечная ул.’);

3) номинации цветочных растений (*Васильковая ул.*, *Цветочная ул.*; *impasse des Jonquilles* ‘Нарциссовый туп.’, *rue des Marguerites* ‘ул. Маргариток’);

5) номинации лиственных деревьев и кустарников (*Листвичная ул.*, *Сиреневая ул.*; *rue des Bouleaux* ‘Берёзовая ул.’, *rue des Chênes* ‘Дубовая ул.’);

6) номинации плодовых растений, их плодов (*Вишнёвая ул.*, *Земляничная ул.*; *rue des Framboises* ‘Малиновая ул.’, *rue des Myrtilles* ‘Черничная ул.’).

Можно выделить ряд общих мотиваторов, большая часть которых относится к элементам ландшафта: лес (*Лесная ул.* — *chemin de la Forêt* ‘Лесной тракт’); луг (*Луговая ул.* — *impasse de la Prairie* ‘Луговой туп.’); озеро (*Озёрная ул.* — *rue du Lac* ‘Озёрная ул.’); парк (*Парковая ул.* — *rue des Parcs* ‘Парковая ул.’); поле (*Полевая ул.* — *rue des Champs* ‘Полевая ул.’); река (*Речная ул.* — *rue de la Rivière* ‘Речная ул.’); родник (*Родниковая ул.* — *allées de la Source* ‘Родниковые аллеи’); ручей (*Ручьевая ул.* — *impasse du Ruisseau* ‘Ручьевой туп.’); сад (*Садовая ул.* — *rue des Jardins* ‘Садовая ул.’); зафиксированы также мотиваторы, связанные с цветом: зеленый (*Зелёная ул.* — *rue Verte* ‘Зелёная ул.’), цветущим кустарником: сирень (*Сиреневая ул.* — *allée des Lilas* ‘Сиреневая ал.’) и плодовым деревом: вишня (*Вишнёвая ул.* — *impasse des Cerisiers* ‘Вишнёвый туп.’).

Можно отметить следующие особенности:

- в ВФ функционирует еще один тематический подкласс, не свойственный ВБ: виконимы, восходящие к названиям животного мира (*rue des Lièvres* ‘Заячья ул.’; *rue des Abeilles* ‘Пчелиная ул.’; *rue des Alouettes* ‘Жаворонковая ул.’); в ВБ же это одно наименование — *Соловьиная ул.*;
- наименования, описывающие **функциональную** нагрузку, больше представлены в ВБ (*Шоссейная ул.*).

3.4.2 Лингвокультурологическое микрополе «Архитектурные ориентиры»

Виконимы, входящие в данное микрополе, формируют оконцентральное пространство в двух подсистемах, однако занимают разные места по количественному содержанию компонентов: четвертое в ВБ и второе в ВФ. Внутрисельские наименования этого микрополя мотивированы указанием на медицинские (*Больничная ул.*), образовательные (*Школьная ул.*; *impasse de l'Institut* ‘Институтский туп.’); промышленные (*Заводская ул.*, *Фабричная ул.*; *rue des Fermes* ‘Фермерская ул.’, *rue de la Forge* ‘Кузнечная ул.’); транспортные (*Железнодорожная ул.*, *Станционная ул.*; *rue de la Gare* ‘Вокзальная ул.’, *rue du Tramway* ‘Трамвайная ул.’) и некоторые другие типы сооружений. Следует заметить, что в ВБ названия связаны с железнодорожной сетью и ее планировочными элементами, а в ВФ и с другими видами транспорта. В ВФ многочисленны номинативные единицы, связанные с религиозными (*rue de l'Église* ‘Церковная ул.’, *rue Saint-Nicolas* ‘ул. Святого Николая’ — по названию церкви Святого Николая, расположенной в деревне; и культурно-историческими объектами (*allée du Château* ‘Замковая ал.’). При этом в каждой системе тематические подклассы представлены одним или несколькими частотными названиями. Общие мотиваторы, от которых образованы виконимы, — железная дорога, завод, замок, спорт, стадион, станция, ферма, школа.

3.4.3 Лингвокультурологическое микрополе «Виконимные ориентиры»

Виконимы ЛМИП «Виконимные ориентиры» занимают оконцентральное пространство в ВБ и ближнее периферийное — в ВФ, третье место по количеству конституентов в ВБ и четвертое в ВФ. Микрополе включает два класса в каждой подсистеме, из которых

общий включает виконимы, повторяющие названия других внутри-сельских объектов (*Набережный пер.*, *Шоссейный пер.*; *impasse Jules Ferry* ‘тупик Жюля Ферри’, *impasse des Vignes* ‘тупик Виноградников’). В ВБ задействованы также виконимы, содержащие в своем составе номер (2-я *Шапуровская ул.*, 3-я *Заречная ул.*), а в ВФ номинативные единицы, связанные с иными внутрисельскими объектами (*rue de la Fontaine* ‘Фонтановая ул.’, *rue du Pont* ‘Мостовая ул.’). Каждый из этих подклассов представлен только в одной национальной подсистеме.

3.4.4 Лингвокультурологическое микрополе «Топонимные ориентиры»

Виконимы ЛМИП «Топонимные ориентиры» занимают ближнее периферийное пространство в ВБ и околоцентральное — в ВФ, пятое место по количеству конституентов в ВБ и третье — в ВФ. Внутрисельские названия данного микрополя восходят к астионимам: *Витебская ул.*, *Суражская ул.*; *rue de Champigny* ‘ул. Шампини’ (по названию г. Шампини-сюр-Марн, *avenue de Reims* ‘пр-т Реймса’ (по названию г. Реймса), комонимам: *Рудаковская ул.*, *Руднянская ул.*, *rue de Branscourt* ‘ул. Бранскура’ (по названию д. Бранскур), *rue d’Oger* ‘ул. Ожера’ (по названию д. Ожер). При этом отастионимные виконимы преобладают в ВБ, а откомонимные — в ВФ. Кроме того, для ВФ еще характерны наименования, восходящие к гидронимам: *rue du Kabach* ‘ул. Кабаш’ (ручей Кабаш), *route du Rhin* ‘ш. Рейна’ (река Рейн), *rue de la Sarre* ‘ул. Сарр’ (р. Ла Сарр) и оронимам: *rue du Mont Sainte-Odile* ‘ул. Горы Сент-Одиль’ (гора Сент-Одиль в Вогезах). Оттопонимные названия эксплицитно репрезентируют национально-культурные компоненты, так как содержат в себе онимный элемент, имеющий отношение к конкретной стране. В ВБ все оттопонимные наименования транслируют один НКК — белорусский (*Ветринская ул.* — г. п. Ветрино Полоцкого района), а в ВФ — три, из которых лидирует французский (89,2%; *rue d’Epernay* ‘ул. Эперне’ (французский город)), а немецкий (*chemin du Muhlwasser* ‘тракт Мюльвассера’ (немецкая река Мюльвассер)) и швейцарский (*rue de Genève* ‘Женевская ул.’) представлены 5,0% и 3,6% соответственно. Следует отметить, что не удалось однозначно идентифицировать тексты культуры, репрезентируемые 2,2 % ономастических единиц. В данном тематическом классе не зафиксированы общие мотиваторы и НКК.

3.4.5 Лингвокультурологические микрополя пространственных и параметрических характеристик

Виконимы ЛМИП «Пространственные характеристики» занимают околоцентральное пространство в ВБ и периферийное в ВФ; второе место по количеству конституентов в ВБ и пятое в ВФ. Даные внутрисельские названия, описывающие особенности местоположения линейного объекта относительно других объектов или планировочных элементов населенного пункта (*Дальний пер., Придвинский пер.; rue Basse ‘Низкая ул.’, rue Montante ‘Восходящая ул.’*), более многочисленны в ВБ. Можно выделить два общих тематических класса названий: 1) «особенности размещения и местоположения» и 2) «стороны света». В рамках первого из них большее количество тематических подклассов свойственно ВБ, при этом можно выделить по одному названию в каждой подсистеме, коррелирующему с первым компонентом бинарной пары верхний–нижний (*Надречная ул.; rue de la Montée ‘Восходящая ул.’*). Второй тематический класс в двух подсистемах представляют виконимы, связанные с противопоставлением север–юг: в ВБ зарегистрированы единицы, связанные с двумя компонентами (*Северная ул., Южная ул.*), а в ВФ — одно название, апеллирующее к первому элементу (*rue du Nord ‘Северная ул.’*). Зафиксирован только один общий мотиватор, связанный со вторым тематическим классом, — север.

Конституенты ЛМИП «Параметрические характеристики» обусловлены параметрическими особенностями объекта, функционируют лишь в ВФ (*boulevard Carnot Prolongé ‘бул. Карно удлиненный’, rue Grande ‘Большая ул.’*).

Таким образом, в виконимии двух стран в целом многочисленнее конституенты ЛМАП «Место», это превалирование также распространяется и на национальные подсистемы внутрисельских названий. Данное макрополе моделируется пятью одноименными микрополями: «Физико-географические особенности», «Архитектурные ориентиры», «Виконимные ориентиры», «Топонимные ориентиры», «Пространственные характеристики», а ВФ свойственно также одно национально-специфическое, конституенты которого не зафиксированы в ВБ — «Параметрические особенности». Изученные виконимы Беларуси и Франции сближаются культурной значимостью информации, связанной с физико-географическими и пространственными характеристиками, архитектурными, топонимными, виконимными объектами. Было выявлено частичное сходство их положения

в лингвокультурологическом макрополе: центральное место занимают виконимы, восходящие к номинациям физико-географических особенностей местности, что подтверждает важность учета специфики регионального ландшафта при создании ономастикона населенного пункта, определенное соответствие свойственно устройству околоядерного пространства (ЛМИП «Архитектурные ориентиры» в ВБ и ВФ, а также «Пространственные характеристики», «Виконимные ориентиры» в ВБ и «Топонимные ориентиры» в ВФ). Микрополя характеризуются несовпадающей приоритетностью конституентов в периферийном пространстве («Топонимные ориентиры» в ВБ и «Виконимные ориентиры», «Пространственные характеристики», «Параметрические характеристики» в ВФ). Виконимы данного ЛМАП транслируют меньше национально-культурных компонентов по сравнению с урбанонимами с преобладанием НКК в ВФ и многочисленностью в двух подсистемах только нескольких на фоне нераспространенности остальных.

К различиям структуры ЛМАП «Место» в двух национальных подсистемах следует отнести несовпадение номинативных приоритетов, заключающееся в разном процентном соотношении компонентов ТК в рамках макрополя; наличие разного качественного и количественного состава НКК, репрезентируемых проанализированными названиями (компоненты виконимии Беларуси связаны с объектами Беларуси, компоненты виконимии Франции — с объектами Франции, Германии и Швейцарии); функционирование национально-специфических подклассов в границах ТК.

Результаты анализа региональной виконимии Беларуси и Франции свидетельствуют о том, что ономастикон сельского населенного пункта содержит культурно-значимую информацию, обладающую национальной специфичностью в каждой стране: особое место занимают региональные ландшафтные и культурные особенности, а специфика местности, ее рельефа с горными вершинами или низинами, реками, озерами играет важную роль для жителей региона.

Выводы по главе 3

Во внутригородской топонимии Беларуси лингвокультурологическое макрополе «Место» оказывается доминирующим, но в рамках урбанонимии двух стран его конституенты уступают по численности единицам макрополя «Память». Макрополе

моделируется тождественными в двух национальных подсистемах микрополями: «Урбанонимные ориентиры» (ядро макрополя), «Топонимные ориентиры», «Физико-географические особенности» (околоядерное пространство), «Пространственные характеристики», «Параметрические характеристики» (периферийное пространство). Однако в УБ и УФ данные ЛМИП характеризуются иной приоритетностью, обусловленной количеством конституентов: в ядро входят внутригородские названия, связанные с урбанонимными ориентирами в УБ и топонимными — в УФ. Околоядерное пространство и в белорусской, и во французской городской топонимии представлено урбанонимами микрополя «Физико-географические особенности»; культурно обусловленные различия проявляются в том, что в УФ в эту часть поля входят также единицы полей «Архитектурные ориентиры», «Урбанонимные ориентиры». В периферийном пространстве располагаются два тождественных ЛМИП — «Пространственные характеристики» и «Параметрические характеристики» и два нетождественных: только в УБ — «Архитектурные ориентиры», «Топонимные ориентиры».

В виконимии двух стран в целом многочисленнее конституенты ЛМАП «Место». Это превалирование также распространяется и на национальные подсистемы внутрисельских названий. Данное макрополе моделируется пятью одноименными микрополями: «Физико-географические особенности», «Архитектурные ориентиры», «Виконимные ориентиры», «Топонимные ориентиры», «Пространственные характеристики», а ВФ свойственно также одно национально-специфическое, конституенты которого не зафиксированы в ВБ, — «Параметрические характеристики». При одинаковом строении ядра (ЛМИП «Физико-географические особенности») микрополя характеризуются частично совпадающей приоритетностью конституентов в околоядерном пространстве («Пространственные особенности», «Виконимные ориентиры», «Архитектурные ориентиры» в ВБ и «Архитектурные ориентиры», «Топонимные ориентиры» в ВФ). Виконимы данного ЛМАП транслируют меньше НКК по сравнению с урбанонимами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Топонимическая картина мира как неотъемлемая часть языковой картины мира народа включает внутрипоселенческие топонимы — национально и культурно маркированные языковые единицы, которые, с одной стороны, выполняют адресную функцию, а с другой — функцию сохранения и трансляции историко-культурной информации. Комплексное сопоставительное исследование урбанизмов и виконимов Беларуси и Франции дало возможность заключить следующее.

1. Исследование внутрипоселенческих топонимов в рамках системно-структурной парадигмы, характерное для 60-х гг. XX в. — начала XXI в., позволило выявить их номинативные, семантические, структурные особенности. В современной ономастике, как и в лингвистике в целом, все больший интерес привлекает проблема взаимоотношения номинативных единиц и культуры, что проявляется в том числе в увеличении количества антропоцентрично направленных работ по топонимике, выполненных в тесной связи с лингвокультурологией, этнолингвистикой, лингвопрагматикой и когнитивной лингвистикой. Примененный в данной монографии полевой подход позволил объединить преимущества классической (системно-структурной) и новой (когнитивной) лингвистических парадигм. Структурное описание внутрипоселенческой топонимии дало возможность выявить внутреннюю организацию анализируемых единиц на основе анализа моделей их построения и компонентного состава. Метод лингвокультурологического поля позволил представить семантические объединения урбанизмов и виконимов каждой страны как производные культуры, т. е. подсистемы ономастических знаков, транслирующих культурные ценности. В результате сопоставления лингвокультурологических полей с интегративным признаком «Место» в белорусской и французской внутрипоселенческой топонимии были установлены конкретные результаты влияния национальной культуры на индивидуализирующую номинацию социально значимых объектов.

2. Установление системной организации внутрипоселенческой топонимии в первую очередь поставило перед нами задачу анализа и упорядочения ее категориального аппарата. Внутрипоселенческая топонимика оперирует главным образом терминами,

обозначающими городские и сельские линейные, точечные и территориальные объекты. В русскоязычной топонимической науке преобладает дивергентный подход, выражющийся в максимальном дроблении объекта анализа, выделении большого количества различных разрядов внутрипоселенческих объектов и, соответственно, во введении новых терминов для обозначения изучаемых единиц (на основе терминологических словарей и научных публикаций нами выделено 15 терминов, обозначающих номинации этих объектов). Сопоставительный анализ русскоязычной и французской терминологических систем показал, что первая более развита и дифференцирована. При этом более подробная классификация имен собственных, разработанная в белорусской и российской ономастике, релевантна и для французских имен собственных в силу значительных категориальных сходств.

3. Внутрипоселенческие топонимы включают апеллятивную (номенклатурный термин / *terme générique* — обозначение типа объекта, расположенного в населенном пункте) и проприальную (собственно ономастическую) составляющие. Сопоставительный анализ показал, что в составе белорусских урбанонимов задействовано в 3,4 раза меньше номенклатурных терминов, чем во французских. Однако отмечаются некоторые сходства в строении номенклатурного поля внутригородской топонимии: так, в ядре подсистемы внутригородских наименований обеих стран находится номенклатурный термин *улица* / *rue* ‘улица’. В околоведущее пространство входят разные номенклатурные термины: в урбанонимии Беларуси — *переулок*; в урбанонимии Франции — *place* ‘площадь’; *allée* ‘аллея’; *impasse* ‘тупик’, *chemin* ‘тракт’; *avenue* ‘проспект’. С точки зрения сопоставительной лексикологии, русскоязычные и французские термины соотносятся как эквиваленты, понятийные признаки которых совпадают полностью или частично (*улица* — *la rue*; *проспект* — *l’avenue*; *площадь* — *la place*; *переулок* — *la ruelle*; *парк* — *le parc*; *набережная* — *le quai*; *бульвар* — *le boulevard*, *тупик* — *l’impasse*, *проезд* — *le passage*; *сквер* — *le square*; *парк* — *le parc*; *поселок* — *le hameau*). Также зафиксированы белорусские НТ, которые имеют несколько французских соответствий (*шоссе*, *тракт*). Некоторые французские номенклатурные термины не имеют эквивалентов во внутрипоселенческой топонимии проанализированных территорий, хотя переводные соответствия имеются в номинативной системе Беларуси в целом (*аллея* / *l’allée*; *бульвар* / *le boulevard*).

Во французской внутрипоселенческой топонимии функционируют также НТ, не имеющие аналогов в белорусской подсистеме наименований (например, *passerelle*, *promenade*, *sentier*, *terrasse*). Французской урбанонимии свойственна более детальная фиксация элементов планировочной структуры населенных пунктов и соответственно большее разнообразие номенклатурных обозначений (ср. наименования видов путей сообщения — дромонимы).

В составе виконимов обеих стран насчитывается меньше номенклатурных терминов, чем в составе урбанонимов, зато отмечается их количественное преобладание в подсистеме французских внутрисельских наименований. При этом в ядро номенклатурного поля внутрисельской топонимии также входят номинации *улица* / *rue*. Второй ядерный для белорусской виконимии номенклатурный термин — *переулок*; его переводной эквивалент *ruelle* входит в периферийное пространство виконимии Франции.

4. Организация структуры внутрипоселенческой топонимии каждой лингвокультуры индивидуальна и определена типами внутрипоселенческих объектов. Исходя из количества повторяющихся номинативных единиц, отличающихся номенклатурным термином в урбанонимии Беларуси и Франции, мы выделили модель однократного употребления, или однокомпонентную модель (ул. Энергетиков; *avenue des Voyageurs* ‘проспект Путешественников’), а также так называемые урбанонимные ансамбли:

а) двухкомпонентные модели воспроизведения проприального компонента (*Березинская ул.* → *Березинский пер.*; *rue des Jonquilles* — *impasse des Jonquilles* ‘улица Нарциссовая — Нарциссовый тупик’);

б) трехкомпонентные (*Инженерная ул.* — *Инженерный переулок* — *Инженерный тупик*; *rue du Port* — *ruelle du Port* — *impasse du Port* ‘Портовая ул. — Портовый пер. — Портовый тупик’);

в) четырехкомпонентные (в урбанонимии Франции) модели (*rue des Moulins* — *quai des Moulins* — *place des Moulins* — *square des Moulins* ‘Мельничная ул. — Мельничная наб. — Мельничная пл. — Мельничный сквер’).

Модель однократного употребления проприального компонента (или однокомпонентная модель) представлена урбанонимами, не дублирующими названия линейных объектов (неповторяющимися наименованиями). Номинации данной модели составляют ядро как белорусской, так и французской урбанонимной системы — 81,2% и 91,0% соответственно. Двухкомпонентные модели воспроизведения

проприального компонента представлены урбанонимными ансамблями, состоящими из двух единиц, различающихся номенклатурными терминами при общей проприальной части, и формируют околоядерное пространство (в белорусских номинациях — 17,5%; во французских — 7,9%). В рамках данных моделей можно выделить схемы, действовавшие в каждой номинативной системе. Так, в урбанонимии Беларуси их девять, а в урбанонимии Франции УФ — 77 (т. е. в 8,5 раз больше). В Беларуси наиболее продуктивны ансамбли улица *A* — *переулок A*, улица *A* — *проезд A*, *проезд A* — *переулок A*; *переулок A* — *проезд A*; в урбанонимии Франции — *rue A* — *impasse A* ‘улица *A* — тупик *A*’, *place A* — *rue A* ‘площадь *A* — улица *A*’, *rue A* — *place A* ‘улица *A* — площадь *A*’. Среди ансамблей, включающих наибольшее количество конституентов, эквиваленты не обнаружены. Схемы двухкомпонентных ансамблей, совпадающие в белорусской и французской урбанонимии, различаются продуктивностью: улица — *переулок / rue — rue*, улица — *площадь / rue — place*, улица — *проезд / rue — passage*, улица — *тупик / rue — impasse*. Трехкомпонентные модели воспроизведения проприального компонента (урбанонимные ансамбли, состоящие из трех единиц с одинаковым проприальным и разными номенклатурными компонентами) формируют периферийное пространство, составляя 1,3% в урбанонимии Беларуси и 0,9% в урбанонимии Франции (улица *A* — *переулок A — тупик A*; *place A — quai A — rue A* ‘площадь *A* — набережная *A* — улица *A*’).

5. Внутрипоселенческие топонимы обладают значительным культурно-историческим потенциалом, являются носителями экстралингвистической информации энциклопедического характера, на основании чего мы рассматриваем их как компоненты лингвокультурологического макрополя — иерархического поликомпонентного устройства совокупности онимов, объединенных инвариантным значением, связанных в системе культуры и отражающих мировоззрение номинатора. Лингвокультурологическое макрополе внутрипоселенческих номинаций «Место» описано нами в соответствии с его структурой:

- 1) имя / ядро поля и его инвариантный лингвокультурологический смысл — интенсионал;
- 2) ядро, околоядерное и периферийное пространства, представленные лингвокультурологическими микрополями, состоящими из тематических классов и подклассов онимов (лингвокультурологическим микрополям также свойственны ядерно-периферийные отношения конституентов);

3) парадигматика внутрипоселенческих номинаций в форме тематических классов и подклассов, функционирующих в рамках лингвокультурологических микрополей.

6. Концепция пространства является базовой для топонимической концептосферы и, соответственно, описывает способы членения и осмыслиения пространства человеком. Конституенты лингвокультурологического макрополя «Место» преобладают в урбанизации Беларуси. В объединенном виконимном корпусе обеих национальных ономастических подсистем доминируют конституенты макрополя «Место». Урбанизм и виконимный материал дает подробную и целостную трактовку народного восприятия пространства на основе вербализации следующих лингвокультурологических микрополей, формирующих лингвокультурологическое макрополе «Место»: «Физико-географические особенности», «Архитектурные ориентиры», «Урбанизм и виконимные ориентиры», «Топонимные ориентиры», «Пространственные характеристики», «Параметрические характеристики» (последнее из микрополей характерно для внутрипоселенческой топонимии Франции и урбанизации Беларуси, а в белорусской виконимии не зафиксированы его конституенты). В урбанизм и виконимной подсистемах двух стран в целом наблюдается несоответствие полевого строения макрополя. Так, в урбанизации ядро сформировано номинативными единицами, связанными с урбанизмами ориентирами, в виконимии — номинациями, отражающими физико-географические особенности местности. Околоядерное пространство урбанизации содержит конституенты, указывающие на топонимные ориентиры и физико-географические особенности; виконимии — на архитектурные и виконимные ориентиры. Периферийное пространство урбанизации включает как тождественные (внутрипоселенческие названия, описывающие пространственные и параметрические характеристики), так и нетождественные (внутрисельские наименования, связанные с топонимными ориентирами) элементы.

В составе отапеллятивных конституентов макрополя «Место» обнаруживаются общие для обеих лингвокультур мотиваторы. От топонимные элементы (наименования, образованные от географических названий) являются специфичными для каждой национальной топонимической подсистемы и реализуют в белорусской урбанизации три национально-культурных компонента (белорусский, российский и литовский), из которых первые два представлены наибольшим количеством конституентов. В урбанизации Франции

мы отметили одиннадцать национально-культурных компонентов (т. е. в 3,6 раза больше), но только четыре из них (французский, немецкий, швейцарский, бельгийский) широко представлены в количественном отношении. Во внутрисельских названиях культурная семантика отражена менее разнообразно: в белорусских виконимах отмечен только один национально-культурный компонент (белорусский), во французских — три (французский, немецкий, швейцарский). Таким образом, во внутрипоселенческих названиях Беларуси и Франции не обнаружены совпадающие национально-культурные компоненты.

Таким образом, внутрипоселенческие топонимы, формирующие лингвокультурологическое макрополе «Место», будучи субсистемой знаков, служащих для ориентации в пространстве города или поселка, одновременно хранят и транслируют информацию о природных особенностях, рельефе местности, размере и формах элементов городской и сельской среды, о местоположении относительно других объектов. Урбанонимы и виконимы отражают не только действительные характеристики номинируемых внутрипоселенческих объектов, но и субъективные представления человека об окружающем мире, его культурные и исторические ассоциации по поводу того или иного места.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Библиографический список

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — 2-е изд., испр. — М. : URSS ЛКИ, 2007. — 365 с.
2. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. — М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. — 278 с.
3. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. Яз. и лит.» / В. Д. Бондалетов — М. : Просвещение, 1983. — 224 с.
4. Fabre, P. Théorie du nom propre et recherche onomastique / P. Fabre // Cahiers de praxématique. — 1987. — 8. — URL: <https://journals.openedition.org/praxematiqe/1383> (date d'accès: 20.07.2025).
5. Gary-Prieur, M.-N. Le nom propre constitue-t-il une catégorie linguistique? / M.-N. Gary-Prieur // Langue française. Syntaxe et sémantique des noms propres — 1991. — № 92. — P. 4–25.
6. Leroy, S. Le nom propre en français / S. Leroy. — Paris ; Gap : Ophrys, 2004. — 137 p.
7. Vaxelaire, J.-L. Lexicologie du nom propre et onomastique / J.-L. Vaxelaire // Nouvelle revue d'onomastique. — 2009. — № 51. — P. 301–315.
8. Leguy, C. Noms propres, nomination et linguistique / C. Leguy // Nomination et organisation sociale ; S. Chave-Dartoen, C. Leguy et D. Monnerie (dir.). — Paris, 2012 — Chapitre 2. — P. 51–81.
9. Топоров, В. Н. О палийской топономастике // Ономастика Востока: исследования и материалы / В. Н. Топоров. — М. : Наука, 1969. — С. 33–34.
10. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М. : Наука, 1978. — 199 с.
11. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
12. Gałkowski, A. Les onomasticons globaux dans une perspective théorique / A. Gałkowski // Onomastica Uralica. — 2018. — 11. — P. 105–116.
13. Mandola, M. Classifications onomastiques polonaise et française / M. Mandola // Onomastica Uralica. — 2018. — 11. — P. 63–74.

14. Daille, B. Catégorisation des noms propres : une étude en corpus / B. Daille, N. Fourour, E. Morin // Cahiers de Grammaire. — 2000. — 25. — P. 115–129.
15. Daille, B. Reconnaissance automatique des noms propres de la langue écrite : les récentes réalisations / B. Daille, E. Morin // TAL. — 2000 — Vol. 41, № 3/2000. — P. 602–621.
16. Liste des mots-clefs en Onomastique / Список ICOS — Список базовых ономастических терминов на французском языке, подготовленный терминологической группой при Президиуме Международного совета ономастических наук — URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf> (date d'accès: 20.03.2022).
17. Glossary of Terms for the Standardization of Geographical Names / Glossaire de Termes pour la normalisation des noms géographiques / Глоссарий терминов для стандартизации географических названий — URL: <https://static.lexicool.com/dictionary/IG3TB66589.pdf> (date d'accès: 20.03.2022).
18. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук : 10.02.01 — русский язык / Супрун Василий Иванович ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2000. — 78 с.
19. Супрун, В. И. Размышления над ономастической терминологией / В. И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — 8 (62). — С. 133–138.
20. Щербак, А. С. Проблемы определения ономастического пространства в языке / А. С. Щербак // Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. — 2012. — С. 53–59.
21. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
22. Мезенко, А. М. Принципы наименования улиц Витебска и Ижевска / А. М. Мезенко // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков : сб. статей. — Ижевск, 1987. — С. 174–183.
23. Мезенко, А. М. Названия городов белорусско-российского приграничья в урбанонимном отражении: сходство и различия / А. М. Мезенко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. — 2017. — № 2. — С. 93–96.

24. Мезенко, А. М. Названия месяцев в урбанонимии Витебской и Смоленской областей: сопоставительный аспект / А. М. Мезенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч. конф., г. Смоленск, 23 апреля 2019 г. / Смол. гос. ун-т ; отв. ред. И. А. Королёва. — Смоленск, 2019. — С. 97–102.
25. Мезенко, А. М. Меморативы в честь ученых в урбанонимной практике белорусов и россиян / А. М. Мезенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Смоленск, 15 июня 2023 г / Смол. гос. ун-т ; редкол. И. А. Королёва (отв. ред.) [и др.]. — Смоленск, 2023. — С. 55–61.
26. Соловьёв, А. Н. Названия отелей Смоленской и Витебской областей / А. Н. Соловьёв // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2018. — С. 319–322.
27. Ван, Ли Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация : монография / Ли Ван. — Витебск : ВГУ, 2010. — 179 с.
28. Хоанг, Т. Б. Мотивировочные признаки эргонимов в разноструктурных языках: сходства и различия (на материале эргонимов Минска и Ханоя) / Т. Б. Хоанг // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1 : Филология. — 2016. — № 6 (85). — С. 48–56.
29. Ратникова, И. Э. Конвенциальность и мотивированность эргонимического знака (на материале эргонимов городов Минска и Ханоя) / И. Э. Ратникова, Т. Б. Хоанг // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2016. — С. 324–328.
30. Ван, Ли Структурные особенности ойкодомонимов Беларуси и Китая в сопоставительном аспекте / Ли Ван // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2006. — № 4 (42). — С. 78–83.
31. Хоанг, Т. Б. Эргонимы городов Минска и Ханоя: компонентный состав и грамматическая структура / Т. Б. Хоанг // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 4 : Филология. Журналистика. Педагогика. — 2016. — № 1. — С. 56–61.

32. Augustins, G. Naming, dedicating: street names and tradition / G. Augustins // History and Anthropology. — 2004. — 15 (3). — P. 289–299.
33. Ovchinnikova, G. V. L’analyse comparative des hôtelonymes en français, en espagnol et en italien / G. V. Ovchinnikova, A. S. Ovchinnikova // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2021. — С. 182–191.
34. Иванова, Е. Э. Годонимия Чэнду и Екатеринбурга: сопоставительный аспект / Е. Э. Иванова, Л. Лань // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 54–73.
35. Криницкая, М. Ю. Наименования памятников и монументов России и Тайваня: сопоставительный аспект / М. Ю. Криницкая, Ч.-С. Вэй // Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета. — 2023 — Т. 15. — № 4 (68). — С. 220–232.
36. Горяев, С. О. Детская эргоурбонимия: русско-китайские параллели / Горяев С.О., Ш. Бай // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; редкол. : В. Л. Васильев [и др.]. — Великий Новгород, 2019. — С. 362–366.
37. Козинцева, М. Н. Принципы номинации внутригородских объектов Волгограда и Ковентри. Сопоставительный аспект / М. Н. Козинцева // Вопросы географии. — 2018. — С. 209–213.
38. Вострикова, О. В. Мемориальность названий станций лондонского и московского метро, содержащих антропонимы / О. В. Вострикова, Е. А. Паймакова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2020. — № 4 — URL: <https://sfkmn.ru/PDF/19FLSK420.pdf> (дата обращения: 20.12.2021).
39. Масальская, М. М. Номенклатурные термины объектов городского пространства на примере Москвы, Софии и Варшавы / М. М. Масальская // Славянский мир: общность и многообразие : тезисы конф. молодых уч. в рамках Дней славянской письменности и культуры, Москва 13–14 окт. 2020 г. ; отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. — Москва, 2020. — С. 194–197.
40. Ибрагимова, Г. Х. Лексико-семантические особенности урбанонимов в сравнительно-сопоставительном плане : на материале таджикского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ибрагимова Гульнора Хайдарбаевна ; Рос.-тадж. славян. ун-т. — Душанбе, 2007. — 26 с.

41. Gałkowski, A. Feminine urbanonymy in Polish and Italian linguistic landscapes / A. Gałkowski // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow.* — 2020. — Vol. V, № 1. — P. 2–53.
42. Shokhenmayer, E. Les métamorphoses du nom propre modifié entre le français et le russe / E. Shokhenmayer // *Cahiers Sens public.* — 2010/1. — №°13–14. — P. 127–142.
43. Prósper, B. M. The Indo-European Personal Names of Pannonia, Noricum and Northern Italy: Comparative and Superlative Forms in Celtic, Venetic, and South-Picene / B. M. Prósper // *Вопросы ономастики.* — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 108–138.
44. Головина, К. М. Сопоставительный анализ идиоэтнических топонимов и антропонимов русского и казахского языков : автореф... канд. филол. наук : 10.02.20 / К. М. Головина ; Казах нац. ун-т. — Алматы, 2000. — 24 с.
45. Казакова, И. О. Топонимия сербского и хорватского поэтического фольклора : автореф. дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.03 / Казакова Инга Олеговна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — М., 2002. — 24 с.
46. Уразметова, А. В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка (на материале топонимической лексики Великобритании и США) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04, 10.02.19 / Уразметова Александра Владимировна ; Башк. гос. ун-т. — Уфа, 2016. — 38 с.
47. Евсеева, О. С. Особенности топонимической системы смоленско-белорусского приграничья (исторический аспект) / О. С. Евсеева // *Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования* : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2018. — С. 86–89.
48. Лю, Л. Топонимы с цветовым компонентом в китайском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / Л. Лю ; ФГАОУ ВО «Рос. ун-т дружбы народов». — Москва, 2023. — 28 с.
49. Радович, М. Топонимика Южной Испаноамерики и Бразилии: катойконимы и метафорика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Радович Мария ; Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2017. — 20 с.
50. Ли, И. Русская и китайская ойкономия в сопоставительном освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. Ли; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2002. — 27 с.

51. Генкин, В. М. Пространственные ориентиры в ойкономии Витебщины и Смоленщины / В. М. Генкин // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2016. — С. 61–65.
52. Генкин, В. М. Формирование астионимной системы Витебщины и Смоленщины / В. М. Генкин // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2018. — С. 70–74.
53. Копач, О. И. Семантические особенности славянской топонимии: новая ономасиология (на материале белорусских и словацких имен географических объектов) / О. И. Копач // Вестник Минского государственного лингвистического университета. — 2008. — № 2 (33). — С. 187–194.
54. Копач, О. И. Номинация водных объектов в белорусском и английском языках: ономасиологический аспект (на материале гелонимов Беларуси и США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Копач Олег Игоревич ; Белорус. гос. ун-т. — Мин., 2004. — 21 с.
55. Копач, О. И. Семантический способ номинации в гелонимах Беларуси и США / О. И. Копач // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта. — 2008. — № 2. — С. 44–47.
56. Копач, О. И. Особенности структурной организации названий болот Беларуси и США в сравнении с другими гидронимными подсистемами / О. И. Копач // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. ; рэдкал: В. Д. Старычонак, Д. В. Дзятко (адк. рэд.), Н. А. Радзіваноўская [і інш.]. — Мин., 2011. — С. 130–132.
57. Бутеев, Д. В. Сопоставительный анализ неофициальной топонимии Смоленска и Минска / Д. В. Бутеев, А. И. Винокуров // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2016. — С. 49–52.
58. Гоюшова, Л. М. Структурные и лексико-семантические особенности систем личных имён в английском, русском и азербайджанском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Гоюшова Лейла Мазахировна ; Моск. гос. обл. ун-т. — М., 2017. — 22 с.

59. Дарзаманова, Г. З. Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Дарзаманова Гульназ Заудатовна ; Казан. гос. ун-т. — Казань, 2002. — 27 с.
60. Чернобров, А. А. Философские и логико-методологические основы теории номинации : на материале английских и русских собственных имен : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Чернобров Алексей Александрович ; Моск. гос. обл. ун-т. — М., 2002. — 37 с.
61. Рылов, Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика : курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю. А. Рылов. — М. : АСТ: Восток — Запад, 2006. — 311 с.
62. Габдуллина, И. Ф. Переход имен собственных в имена нарицательные в английском, немецком и татарском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Габдуллина Ильнара Фоатовна ; Казан. гос. пед. ун-т. — Казань, 2003. — 28 с.
63. Сидоренко, М. А. Семантико-мотивировочные модели русских и китайских астронимов / М. А. Сидоренко // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Филологические науки. — 2015. — С. 95–100.
64. Сулейман, М. М. Названия российских и британских телепередач: ономасиологический и прагмалингвистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сулейман Мария Мбавановна ; Моск. гос. обл. ун-т. — Мытищи, 2019. — 25 с.
65. Jonasson, K. La modification du nom propre dans une perspective contrastive / K. Jonasson // Langue française. — 2005/2. — № 146. — P. 67–83.
66. Lecuit, É. Les tribulations d'un nom propre en traduction : étude contrastive du nom propre et de sa traduction à partir d'un corpus aligné de dix langues européennes : thèse de doctorat en linguistique / Lecuit Émeline ; école doctorale Sciences de l'homme et de la société (Tours ; 1996–2018), en partenariat avec Laboratoire ligérien de linguistique (Orléans ; Tours ; 2012–....). — 2012, Tours. — 325 p. — URL: <https://hal.science/tel-01113083> (date d'accès: 10.04. 2023).
67. Boisseau, M. Étude contrastive anglais-français de noms d'humains dans un corpus contraint / M. Boisseau // Linx. Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre La Défense. — 2018. — 76. — P. 163–183. — URL: <https://doi.org/10.4000/linx.2469> (date d'accès: 10.04.2023).

68. Gadelii, K. Le domaine nominal en langues scandinaves dans une perspective contrastive avec le français / K. Gadelii // Éla. Études de linguistique appliquée. — 2016/2 (№ 182). — P. 181–195. — URL: <https://www.cairn.info/revue-ela-2016-2-page-181.htm> (date d'accès: 10.04. 2023).
69. Rangel Vicente, M. Pour une structuration prototypique de la catégorie Np en français et en espagnol. Étude de la forme et du sens : tesi doctoral / Montserrat Rangel Vicente ; universitat de Barcelona. — Barcelona, 2017. — 466 p.
70. Mandola, M. Statut du Nom propre — l'exemple d'études contrastives de toponymes / M. Mandola // Les Aspects sémantiques et formels dans les recherches linguistiques. — Bialystok, 2013. — P. 179–186.
71. Mandola, M. Statut du toponyme dans la perspective d'une analyse synchronique contrastive / M. Mandola // Challenges in Synchronic Toponymy — Défis de la toponymie synchronique. — 2015. — P. 265–283.
72. Balnat, V. L'appellativisation du prénom. Étude contrastive allemand-français / V. Balnat. — 2018. — 286 p., Tübinger Beiträge zur Linguistik, 565 (hal-01737854). — URL: <https://hal.science/hal-01737854/> (date d'accès: 10.04. 2023).
73. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. — Мн. : ТетраСистемс, 2004. — 256 с.
74. Мезенко, А. М. Особенности номинации аптек в Витебске и Смоленске: семантическая зона «система» / А. М. Мезенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Смоленск, 4 апреля 2017 г. / Смол. гос. ун-т ; редкол. И. А. Королёва (отв. ред.) [и др.]. — Смоленск, 2017. — С. 121–124.
75. Кюршунова, И. А. Антропоцентрический аспект семантико-мотивационной реконструкции региональной исторической антронимии / И. А. Кюршунова // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 54–75.
76. Basso Fossali, P. La notion de paradigme dans les sciences du langage / P. Basso Fossali, M. Colas-Blaise, S. Rémi-Giraud // Signata. — 2017. — № 8. — URL: <http://journals.openedition.org/signata/1340> (date d'accès: 09.10.2024).
77. Meda, D. Une réaction : L'urgence d'un changement de paradigme / D. Meda // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. — 2016. — V. 77. — № 2. — P. 55–72. — URL: <https://shs.cairn.info/revue>

78. Никитина, Ю. Л. Номинация внутригородских объектов у славян: сходства и отличия / Ю. Л. Никитина // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. Языкоzнание. — 2011. — № 10. — С. 89–92.

79. Мезенко, А. М. Объективация «фемининного» набора гендерной асимметрии в системе названий улиц Славии / А. М. Мезенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы междунар. науч. конф., г. Смоленск, 15 июня 2022 г. / Смол. гос. ун-т ; отв. ред. И. А. Королёва. — Смоленск, 2022. — С. 61–65.

80. Хоанг, Т. Б. Национально-культурный аспект проприальной номинации в Беларуси и Вьетнаме (на материале эргонимии гг. Минска и Ханоя) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. Б. Хоанг; Белорус. гос. ун-т. — 2017 — 28 с.

81. Мезенко, А. Восточнославянские флористические названия улиц в сопоставительном аспекте / А. Мезенко // Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną : mat. konf., Białystok 14–15 września 2017 r. — Białystok, 2018. — S. 223–233.

82. Мезенко, А. М. «Водные» названия в конлокативономии Витебщины и Смоленщины: сопоставительный аспект / А. М. Мезенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч. конф., г. Смоленск, 21 апреля 2020 г. — Смоленск, 2020. — С. 120–125.

83. Мезенко, А. Гендерное соотношение в зеркале урбанонимиконов Витебска и Белостока начала XXI в.: сопоставительный аспект / А. Мезенко // Onomastica. — 2022. — Vol. LXVI. — P. 173–187.

84. Мезенко, А. М. Коллективные меморативы в урбанонимии белорусов, русских, поляков / А. М. Мезенко // Беларуска-руска-польськае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культурапалогія : зб. навук. арт. / склад. : Г. М. Мезенка, С. У. Нікалаенка ; пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. — Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. — С. 253–255.

85. Лиштованная, Т. В. Гидронимы бассейнов озер Байкала и Лемана: опыт комплексного сопоставительного анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Лиштованная Татьяна Васильевна ; Ин-т языкоzнания РАН. — М., 2002. — 21 с.

86. Давлеткулова, Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Давлеткулова Лена Надировна ; Челяб. гос. ун-т. — Челябинск, 2014. — 22 с.
87. Новикова, А. В. Лингвокультурологические особенности наименования станций метрополитена в Москве и Вене / А. В. Новикова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. трудов. — 2018. — Вып. 2. — URL: <https://bookonlime.ru/lecture/11-lingvokulturologicheskie-osobennosti-naimenovaniya-stanciy-metropolitna-v-moskve-i-vene-6> (дата обращения: 20.12.2021).
88. Бахмудова, А. Ш. Лексико-семантический и прагматический анализ названий станций лондонского и московского метро / А. Ш. Бахмудова, Л. М. Тетакаева // Глобальный научный потенциал. Сравнительно-историческое. Типологическое и сопоставительное языкознание. — 2021. — 12 (129). — С. 299–301.
89. Сизова, Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанизмов (на материале английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Сизова Елена Анатольевна ; Пятигорск. гос. лингв. ун-т. — Пятигорск, 2004. — 16 с.
90. Уразметова, А. В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц (на материале английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Уразметова Александра Владимировна ; Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2006 — 23 с.
91. Уразметова, А. В. Урбанонимические фразеологизмы в английском и французском языках / А. В. Уразметова // Вестник Башкирского университета. — 2011. — Т. 16. — № 2. — С. 429–431.
92. Иванова, И. Г. Национально-культурные особенности мемориальных топонимических названий во французском и русском языках / И. Г. Иванова, Е. И. Загайнова // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. — 2015. — № 2. — С. 18–28. URL: chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elibrary.ru/download/elibrary_24435011_17467629.pdf (дата обращения: 30.09.2020).
93. Мухаметгареева, Н. М. Артионим во французском и русском искусствоведческих дискурсах: лингвокультурологический аспект перевода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Мухаметгареева Наталья Михайловна ; Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2017. — 23 с.

94. Никитина, Ю. Л. Отапеллятивная урбанонимия славян и национально-культурные различия социумов / Ю. Л. Никитина // Ученые записки. — 2012. — Т. 13. — С. 161–169.
95. Солнцева, Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этно-семантическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Солнцева Наталия Владимировна ; Омск. гос. пед. ун-т. — Омск, 2004. — 32 с.
96. Мезенко, А. М. Этническое в урбанонимном пространстве белорусско-российского пограничья: общее и специфическое / А. М. Мезенко, Т. П. Слесарева // Поливановские чтения. — 2022. — № 16. — С. 122–129.
97. Сабиева, Е. В. Этноязыковая картина топонимического ландшафта приграничья Северо-Казахстанской области и Российской Федерации / Е. В. Сабиева, М. Е. Какимова, Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2024. — Vol. 15, № 4. — С. 1192–1214.
98. Копач, О. И. К вопросу о методике когнитивно-ономасиологического исследования топонимов / О. И. Копач // Актуальные вопросы славянской ономастики: материалы III Междунар. конф. «Славянская ономастика в этимологическом, хронологическом и ареальном аспектах», г. Гомель, 6–7 окт. 2006 г. ; отв. ред. Р. М. Козлова. — Гомель, 2006. — С. 120–129.
99. Kopach, A. I. // Contrasting American and Belarusian Place Names. A Cognitive-Onomasiological Approach (With Special Interest to the Names of Swamps) / A. I. Kopach. — New York : The Edwin Mellen Press, 2011. — 326 p.
100. Копач, О. Собственные имена болот (гелонимы) в английском и белорусском языках: когнитивно-ономасиологический подход / О. Копач // Valoda-2007. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XVII. — 2007. — S. 44–49.
101. Воеводин, В. С. Структурные особенности базовой ономастической терминологии в английском и русском языках / В. С. Воеводин, О. И. Копач // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы V Междунар. науч.-прак. конф., г. Минск, 18–19 октября 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; отв. ред. О. А. Воробьёва. — Минск. — 2018. — С. 234–240.
102. Соколова, Т. П. Проблема наименования новых городских объектов / Т. П. Соколова // Ономастика Поволжья : материалы

XIV Междунар. науч. конф., г. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. / Тверск. гос. ун-т ; под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна — Тверь, 2014. — С. 159–162.

103. Картавенко, В. С. Новые явления в топонимии города / В. С. Картавенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Смоленск, 24 апреля 2018 г. / Смол. гос. ун-т ; ред-кол. И. А. Королёва (отв. ред.) [и др.]. — Смоленск, 2018. — С. 33–36.

104. Васильева, Н. В. О координировании ономастической терминологии / Н. В. Васильева // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (1). — С. 373–377.

105. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.02 / Мезенко Анна Михайловна ; Минск. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1991. — 34 с.

106. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии. Мн : Университетское; 1991. — 167 с.

107. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манаграфія : у 2 ч. / Г. М. Мезенка. — Віцебск : УА “ВДУ імя П. М. Машэрава”, 2008. — Ч. 1 — 363 с. — Ч. 2. — 254 с.

108. Мезенко А. М. Белорусская ономастика. Топонимия / А. М. Мезенко. — Мн : Элайдз; 2012. —260 с.

109. Белорусское Поозерье: культура — ономастика — социум : монография / А. М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. — 180 с.

110. Белорусское Поозерье на ономастическом ландшафте малой родины : монография / А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Т. И. Синкевич Т. П. Слесарева ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. — 200 с.

111. Бірыла, М. В. Анамастычна тэрміналогія // Тэрміналагічны зборнік, 87–88 / Акад. навук Рэсп. Беларусь, Рэсп. тэрмінал. каміс., Ін-т мовазнаўства. — Мн., 1993. — С. 25–40.

112. Дорофеенко, М. Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Дорофеенко Марина Леонидовна; Белорус. гос. ун-т. — Мн., 2015. — 28 с.

113. Аліферчык, Т. М. Да пытання аб упрацоўкаванні беларускай анамастычнай тэрміналогіі / Т. М. Аліферчык // Весці Нацыянальной акадэміі навук Беларусі. — 2023. — Т. 68. — № 3. — С. 210–218

114. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М. В. Горбаневский. — М. : Общество любителей российской словесности, 1996. — 304 с.
115. Супрун, В. И. Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции / В. И. Супрун // Ономастика Поволжья : материалы XIII Междунар. науч. конф., г. Ярославль, 13–14 сентября 2012 г. / Ярослав. гос. пед. ун-т ; под отв. ред. Р. В. Разумова, В. И. Супруна. — Ярославль, 2012. — С. 39–42.
116. Мадиева, Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 115–125.
117. Казанкова, А. А. Моделирование деревенского и городского пространства по данным урбанонимики / А. А. Казанкова // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2015. — № 9(149). — С. 220–224.
118. Разумов, Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии области урбанонимии / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник — 2015 — № 2. — С. 14–19.
119. Разумов, Р. В. Урбанонимическая терминология : системы и проблемы / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 130–145.
120. Соловьев, А. Н. Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы / А. Н. Соловьев // Ученые записки. — 2018. — Т. 25. — С. 198–203.
121. Шмелёва, Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет / Т. В. Шмелёва. — Великий Новгород : ТПК «Печатный Двор», 2020. — 288 с.
122. Шмелёва, Т. В. Ономастический портрет города как модель интегрального описания / Т. В. Шмелёва // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; редкол.: В. Л. Васильев [и др.]. — Великий Новгород, 2019. — С. 112–117.
123. Гарвалик, М. К вопросу о современной ономастической терминологии / М. Гарвалик // Вопросы ономастики. — 2007. — № 4. — С. 5–13.
124. Valentová, I. Slovak and ICOS onomastic terminologies / I. Valentová // Onoma. — 2020. — Vol. 55. — P. 289–310.

125. La toponymie urbaine. Significations et enjeux : actes du Colloque, Aix-en-Provence, 11–12 décembre 1998 / Université d'Aix-Marseille, CNRS ; sous la dir. de : J.-C. Bouvier, J.-M. Guillon, Paris : L'Harmattan. — 2001. — 256 p.

126. Mulon, M. Typologie des noms de moulins en France / M. Mulon // Nouvelle Revue d'onomastique. — 2012. — 54. — P. 11–20.

127. Atoui, B. Les Noms Urbains / B. Atoui. — URL: chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/ungegn/docs/11th-uncsgn-docs/E_Conf.105_157_CRP.157_9_LES%20NOMS%20URBAINS.pdf (date d'accès: 20.03.2022).

128. Atoui, B. Proposition de definition de nouveaux termes pour le glossaire terminologique / B. Atoui. — URL: https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/ungegn/docs/11th-uncsgn-docs/E_Conf.105_124_CRP.124_13_PROPOSITION%20DE%20DEFINITION%20DE%20NOUVEAUX%20TERMES%20POUR%20LE%20GLOSSAIRE%20TERMINOLOGIQUE.pdf (date d'accès: 20.03.2022).

129. Список базовых ономастических терминов на английском языке, подготовленный терминологической группой при Президиуме Международного совета ономастических наук — List of Key Onomastic Terms. — URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-en.pdf> (date of acces: 20.03.2022).

130. Хамаева, Е. А. О современном состоянии ономастической терминологии в китайской и русской лингвистиках / Е. А. Хамаева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2009. — №4. — С. 148–152.

131. Bölcskei, A. A report on the compilation of an English-Hungarian glossary of onomastic terms / A. Bölcskei // Linguodidactica. — 2018. — XXV. — P. 75–86.

132. Мезенко, А. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А. Мезенко // Nowe nazwy własne — nowe tendencje badawcze / pod red. A. Cieślakowej, B. Czopek-Kopciuch, K. Skowronek. — Kraków, 2007. — С. 379–390.

133. Дивергенция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — URL: <https://tapemark.narod.ru/les/136b.html> (дата обращения: 20.12.2021).

134. Дивергенция // Большой Энциклопедический словарь «Академик». — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/119134> (дата обращения: 20.12.2021).

135. Dictionnaire de l'Académie française [site]. — URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (date d'accès: 20.12.2021).
136. Curea, A. Convergences, divergences, influences / A. Curea // Entre expression et expressivité : l'école linguistique de Genève de 1900 à 1940. — Lyon : ENS Éditions, 2015. — Chapitre 5. — URL: <https://doi.org/10.4000/books.enseditors.3889> (date d'accès: 20.12.2021).
137. Mahmoudian, M. Convergence et divergence dans les théories linguistiques : liminaires / M. Mahmoudian // Études de Lettres : revue de la Faculté des lettres de l'Université de Lausanne. — 1976. — 9. — URL: <https://doi.org/10.5169/seals-870915> (date d'accès: 20.12.2021).
138. Конвергенция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — URL: <https://tapemark.narod.ru/les/234a.html> (дата обращения: 02.02.2022).
139. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Сов. энцикл., 1991 ; СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 1993. — 1629 с.
140. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М. : Либроком, 2014. — 576 с.
141. Convergence, subst. fém. / Trésor de la langue française. — URL: <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/visusel.exe?12;s=1754737620;r=1;nat=;sol=1;> (date d'accès: 20.12.2021).
142. Томасик, С. XX Словацкая ономастическая конференция «Конвергенция и дивергенция в сфере имен собственных» / С. Томасик // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14. — № 3. — С. 241–245.
143. Мезенко, А. М. Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета. Сер. Филология. Социальные коммуникации. — 2014. — Т. 27 (66). — № 1. — Ч. 1. — С. 75–79.
144. Микротопонимия : материалы совещания ; отв. ред. проф. О. С. Ахманова. — М. : Изд. Моск. ун-та, 1967. — 156 с.
145. Kochanowska, U. Les techniques de traduction des urbanonymes sur l'exemple des romans polonais et leurs traductions en français / U. Kochanowska // Linguodidactica. — 2021. — XXV. — Р. 51–68.
146. Соловьёв, А. Н. Агоронимия Смоленской и Брянской областей / А. Н. Соловьёв // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Смоленск, 4 апреля 2017 г. / Смол. гос. ун-т ; редкол. И. А. Королёва (отв. ред.) [и др.]. — Смоленск, 2017. — С. 84–87.

147. Пылкова, А. А. Лингвокультурные особенности китайской топонимической лексики (на примере годонимов и агоронимов) / А. А. Пылкова, Л. Цзин // Эпоха науки. — 2021. — С. 242–250.
148. Renucci, Ch. Les dénominations napoléoniennes des rues et places d'Ajaccio / Ch. Renucci // Napoleonica. La Revue. — №°10. — Р. 99–110.
149. Аринина, Е. П. Структурные особенности русских экклезионимов / Е. П. Аринина / Е. П. Аринина // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 5–2 (64). — С. 37–43.
150. Борисевич, О. А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Борисевич Ольга Анатольевна ; Белорус. гос. ун-т. — Мин., 2012. — 24 с.
151. Mohrmann, C. Les dénominations de l'église en tant qu'édifice en grec et en latin au cours des premiers siècles chrétiens / C. Mohrmann, M. Nédoncelle, B. Botte, L. de Bruyne, A. Grabar, R. Marichal, C. Vogel // Revue des Sciences Religieuses. — 1962. — Т. 36. — Fascicule 3–4, Archéologie paléochrétienne et culte chrétien. — Р. 155–174.
152. Подольская, Н. В. Названия зданий — часть городской культуры / Н. В. Подольская // Материалы к серии «Народы и культуры». — Вып. XXV. Ономастика. — Кн. 1. — Ч. 1. — М., 1993. — С. 134–140.
153. Разумов, Р. В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов / Р. В. Разумов // Имя собственное в жизни и литературе : материалы IX Междунар. Святогорск. ономастич. и IX Междунар. Михайловск. литер.-ономастич. чтений ; отв. ред. В. М. Калинкин. — Киев. — 2015. — С. 115–123.
154. Томасик, П. Ойкодомонимы болгарского города Русе / П. Томасик, С. О. Горяев // Вопросы ономастики. — 2021. — Т. 18. — № 1. — С. 140–158.
155. Ван, Ли Семантические особенности ойкодомонимов Беларуси и Китая / Ли Ван // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2008. — № 3 (49). — С. 62–68.
156. Chaté, A. Les noms de maisons, fragments d'un discours sur soi ? / A. Chaté // Ethnologie française. — 2003/3. — Vol. 33. — Р. 483–491.
157. Foatelli, A. C'est quoi le petit nom de votre immeuble de bureau ? / A. Foatelli. — 4 mai 2023 // Archi & space planning [site]. — URL: <https://www.republik-workplace.fr/amenagement/archi-space->

planning/c-est-quoi-le-petit-nom-de-votre-immeuble-de-bureau.html
(date d'accès: 20.12.2021).

158. Супрун, В. И. Гефиронимы в русском онимическом пространстве / В. И. Супрун // Ученые записки. — 2018. — Т. 25. — С. 204–210.

159. Супрун, В. И. Колоронимы в названиях мостов: Синий мост в художественном тексте / В. И. Супрун, А. В. Данилов // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2018. — С. 271–281.

160. Крючкова, Т.М. Гефиронимы Воронежа и Воронежской области / Крючкова Т.М. // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : материалы IV Междунар. науч. конф., г. Воронеж, 19–21 апр. 2023 г. / Воронеж. гос. технич. ун-т ; отв. ред. С. А. Скуридина. — Воронеж, 2023. — С. 231–233.

161. Ерофеев, А. Д. Петербург в названиях улиц: Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов / А. Д. Ерофеев, А. Г. Владимирович. — СПб. : ACT, 2009. — 752 с.

162. Супрун, В. И. Названия мостов в истории культуры и в русском онимическом пространстве / В. И. Супрун // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы : сб. материалов XI Междунар. науч. конф., посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуповны Намитоковой / Адыг. гос. ун-т ; отв. ред. : З. К. Беданокова, сост.: А. А. Адзинова, Л. В. Копоть, Д. С. Иванова. — Майкоп, 2017. — С. 471–483.

163. Leboutet, L. A propos de noms de ponts / L. Leboutet // Linx. — 1999. — 40. — Р. 71–77. — URL: <https://journals.openedition.org/linx/748?lang=en> (date d'accès: 20.12.2021).

164. Ахметова, М. Неофициальные монументонимы: к определению ономастического статуса / М. Ахметова // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 3. — С. 196–220.

165. О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы. Комментарий доктора филологических наук, профессора М. В. Горбаневского. — М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА. — М., 1998. — 45 с.

166. Викулова, Л. Г. Парижский метрополитен как коммуникативное пространство / Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, А. Я. Мелёхина, К. Б. Осипович // CREDE EXPERTO: транспорт, общество, образование, язык. — 2016. — № 2. — С. 79–87. — URL: chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elibrary.ru/download/elibrary_26168157_97606027.pdf (дата обращения: 20.12.2021).
167. Сулейманова, О. А. Динамика наименований станций столичного метро в лингвокультурной перспективе / О. А. Сулейманова, В. В. Никитина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. — 2023. — Т. 20. — № 2. — С. 51–61.
168. Dobruszkes, F. Baptiser un grand équipement urbain : pratiques et enjeux autour du nom des stations de métro à Bruxelles / F. Dobruszkes // Villes et grands équipements de transport / Cities and large transport infrastructures. — 2010. — 1–2. — P. 229–240. — URL: <https://journals.openedition.org/belgeo/7103?lang=nl> (date d'accès: 20.12.2021).
169. Revill, D. London by Tube: a History of Underground Station Names / D. Revill // Fast Fish Publication. — 2011. — 323 р.
170. Желябова, И. В. Номинации ставропольских порейурбанизмов / И. В. Желябова, Г. О. Илагаева // Гуманитарные и юридические исследования. — 2022. — С. 309–315.
171. Савченко, Т. П. Названия остановочных пунктов на транспортных линиях Москвы / Т. П. Савченко // Вопросы географии. Географические названия в Москве. — 1985. — Сб. 126. — С. 73–81.
172. Destrem, L. Les noms du tram. Quand les dénominations des stations disent le projet de ville / L. Destrem // Annales de géographie. — 2017/1. — №°713. — Р. 5–30.
173. Разумов, Р. В. Названия жилых комплексов — новая разновидность урбанизмов / Р. В. Разумов // Ономастика Поволжья : материалы X Междунар. конф., г. Уфа, 12–14 сентября 2006 г. / Башкир. гос. пед. ун-т. ; отв. ред. Е. А. Яковлева. — Уфа, 2006. — С. 160–163.
174. Разумов, Р. В. Названия жилых комплексов в городском онимическом пространстве / Р. В. Разумов // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. — Вып. 2. — 2009. — С. 133–141.
175. Разумов, Р. В. Динамические процессы в урбанизмической номинации (на примере названий жилых комплексов) / Р. В. Разумов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2016. — № 3–2. — С. 107–112.

176. Соколова, Т. П. Прецедентность в номинации жилых комплексов / Т. П. Соколова // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф., г. Арзамас, 13–16 сентября 2016 г. / Арзамасский филиал ННГУ ; редкол.: Л. А. Климкова [и др.]. — Арзамас; Саров, 2016. — С. 343–346.
177. Разумов, Р. В. Названия жилых комплексов: между урбанизмами и рекламными именами / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Научный диалог. — 2018. — № 9. — С. 76–97.
178. Разумов, Р. В. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 93–111.
179. Tomasik, P. Nazewnictwo kolejowe: na materiale języka polskiego, rosyjskiego i czeskiego / P. Tomasik. — Bydgoszcz : Wydaw. Uniw. Kazimierza Wielkiego, 2016. — 218 s.
180. Егорова, Л. В. К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. — 2018. — № 2. — С. 224–233.
181. Бобылева, Е. С. Лингвокультурологический анализ годонимов Сантьяго-де-Чили / Е. С. Бобылева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 3 (69). — Ч. 1. — С. 57–59.
182. Егорова, Л. В. Структурные типы годонимов Чувашской республики / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. — 2012. — № 4. — С. 231–235.
183. Голикова, Т. А. Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансонимизации / Т. А. Голикова // Научный диалог. — 2014. — Вып. 9 (33) : Филология. Педагогика. — С. 24–36.
184. Горлова, Т. В. Структурные особенности современных годонимов малого провинциального города центральной России (на примере города Нерехта Костромской области) / Т. В. Горлова // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; редкол.: В. Л. Васильев [и др.]. — Великий Новгород, 2019. — С. 357–361.
185. Taverdet, G. La Toponymie des voies romaines et médiévales (les mots des routes anciennes), 2006 / G. Taverdet, S. Gendron // Nouvelle revue d'onomastique. — № 47–48. — 2007. — P. 250–252.
186. Bouvier, J.-C. Odonymes d'agglomération entre l'écrit et l'oral / J.-C. Bouvier // Nouvelle revue d'onomastique. — 1999. — № 33. — P. 303–310.

187. Chaurand, J. Odonymie de la haute ville de Laon / J. Chaurand // Nouvelle revue d'onomastique. — 1999. — №°33–34. — P. 271–280.
188. Gendron, S. Odonymie de La Châtre (Indre) / S. Gendron // Nouvelle revue d'onomastique. — №°56. — 2014. — P. 71–99.
189. Walter, H. L'odonymie, Paris et les arbres / H. Walter // La linguistique. — 2017/2. — V. 53. — P. 187–198.
190. Bouvier, J.-C. Le Panthéon provençal. Noms de rues et mise en scène du passé. Le nom propre a-t-il un sens? / J.-C. Bouvier, J.-M. Guillon // Les noms propres dans les espaces méditerranéens : ouvrages du XVe colloque international, Aix-en-Provence, 9–11 juin 2010 ; J.-C. Bouvier (ed.). — 2010. — Paris, 2013. — P. 373–391.
191. Mellet, G. Les noms de rues à Dijon : étude de géographie urbaine / G. Mellet // L'information géographique. — 1949 — V. 13. — №°4. — P. 135–137.
192. Quantin, G. Les noms de rues de Reims / G. Quantin // Revue Internationale d'Onomastique. — 1950. — 2e année. — №°3. — P. 177–192.
193. Bouvier, J.-C. Les noms de rues disent la ville / J.-C. Bouvier. — Paris : Bonneton, 2007. — 224 p.
194. Douchin, A. Dénommer les rues à Antony au XXe siècle. Une commune en transition odonymique / A. Douchin // Publications des Archives nationales. — 2018. — URL: <https://books.openedition.org/pan/1039> (date d'accès: 10.01.2023).
195. Madelin, X. Les rues de Châteauroux — Dictionnaire de la ville, de ses quartiers, de ses rues — Leur histoire, leurs monuments, leurs personnages célèbres / X. Madelin, Les amis du vieux Châteauroux. — Les Amis du Vieux Châteauroux, 1995. — 189 p.
196. Горбаневский, М. В. Тайны московских улиц: топономические путешествия / М. В. Горбаневский. — М. : Издательский дом «Московский учебник–2000», 1997. — 320 с.
197. Горбаневский, М. В. Улицы Старой Руссы. История в названиях / М. В. Горбаневский, М. И. Емельянова. — М. : Медея, 2004. — 344 с.
198. Голомидова, М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга / М. В. Голомидова // Известия Уральского государственного университета. — 2001. — Вып. 20. — С. 19–25.
199. Chaurand, J. La toponymie urbaine. Significations et enjeux. Actes du Colloque tenu à Aix-en-Provence, 11–12 décembre 1998 (dir).

- Jean-Claude Bouvier et Jean-Marie Guillon), 2001 / J. Chaurand // Nouvelle revue d'onomastique. — 2001. — № 37–38. — P. 303–306.
200. Monediaire, G. Toponymes urbains (monologue) / G. Monediaire // Langage et société, supplément au n°9, Sociétés dominées, pratiques langagières dominées et stratégies alternatives. — 1979. — P. 77–82.
201. De Beaurepaire, F. Aux origines de la toponymie urbaine : les anciens noms de rues de Rouen / F. de Beaurepaire // Nouvelle revue d'onomastique. — 1996. — № 27–28. — P. 55–66.
202. Leveau, C. La Toponymie urbaine d'Orléans au Moyen Age, MemHOuest / C. Leveau. — URL: <https://memhouest.nakalona.fr/items/show/25170> (date d'accès: 10.01.2023).
203. Забелин, Н. Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Забелин Николай Юрьевич; Ин-т яз-ния РАН. — М., 2007. — 23 с.
204. Потанахина, И. Н. Городская неофициальная топонимика / И. Н. Потанахина // Русский язык в школе. — 2008. — № 10. — С. 65–69.
205. Афинская, З. Н. Городская топонимика как семиотическая проблема / З. Н. Афинская, Л. Н. Кулаженкова // Евразийский союз учёных. — 2015. — № 11–4 (20). — С. 6–9.
206. Guillon, J.-M. Les toponymes de l'espace urbain / J.-M. Guillon // Vingtième Siècle, revue d'histoire. — 1999. — № 63. — P. 137–139.
207. Larousse [site]. — URL: <https://www.larousse.fr/> (date d'accès: 10.01.2023).
208. Mulon, M. Voies fleuries en Île-de-France / M. Mulon // Nouvelle revue d'onomastique. — 1999 — № 33–34. — P. 311–312.
209. Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика ; сост. С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев [и др.]. — Л. : Добровольное общество любителей книги РСФСР, Ленингр. организация / РПК «ЛИК», 1990. — 160 с.
210. Гальцова, А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гальцова Анна Сергеевна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2011. — 22 с.
211. Смолицкая Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. — М. : Наука, 1982. — 176 с.

212. Давлеткулова, Л. Н. Лингвокультурологический компонент топонимов (на примере урбанонимов Оксфорда) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 31 (322). — С. 82–85.
213. Монзикова, Л. Н. Топонимия Вологды и её окрестностей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Монзикова Людмила Николаевна ; Вологод. гос. пед. ун-т. — Вологда, 2004. — 21 с.
214. Морозова, М. Н. Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы (по данным справочника 1964 г. «Улицы Москвы») / М. Н. Морозова // Микротопонимия, 1967. — С. 71–80.
215. Ворошилова, Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ворошилова Екатерина Викторовна ; Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2007. — 19 с.
216. Разумов, Р. В. Социолингвистические аспекты исследования городского онимического пространства // Поливановские чтения. — 2018. — № 12. — С. 133–138.
217. Разумов, Р. В. Современная виконимия Ярославской области / Р. В. Разумов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. / Урал. ун-т ; редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) [и др.]. — Екатеринбург, 2012. — Ч. 1. — С. 131–133.
218. Разумов, Р. В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // Ярославский педагогический вестник — 2013. — Т. 1 (Гуманитарные науки). — № 1. — С. 145–149.
219. Смирнова, О. С. О принципах номинации линейных объектов малого российского города и деревни / О. С. Смирнова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. / Урал. ун-т ; редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) [и др.]. — Екатеринбург, 2012. — Ч. 1. — С. 141–143.
220. Леонтьева, А. А. Принципы номинации чувашских виконимов / А. А. Леонтьева // Ономастика Поволжья : материалы XIV Междунар. науч. конф., г. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. / Твер. гос. ун-т ; под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. — Тверь, 2014. — С. 170–173.

221. Соловьев, А. Н. Виконимы Мальцевского сельского поселения Сычевского района Смоленской области / А. Н. Соловьев, А. А. Голубева // Современные экологически устойчивые технологии и системы сельскохозяйственного производства : сб. материалов междунар. научн. конф., г. Смоленск, 18 мая 2021 г. / ФГБОУ ВО Смоленская ГСХА. — Смоленск, 2021 / ФГБОУ ВО Смоленская ГСХА ; сост. А. Ю. Миронкина. — Т. 2. — С. 325–328.
222. Бакутов, В. А. Особенности системы виконимов Волжского района Республики Марий Эл / В. А. Бакутов // Ономастика Поволжья : материалы XX Междунар. науч. конф., г. Элиста, 05–07 октября 2022 г. / Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т ; сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. — Волгоград, 2022. — С. 125–129.
223. Ковалёв, Г. Ф. Дидактические ценности региональной микротопонимии / Г. Ф. Ковалёв // Ресурсы региона: объект исследования и источник обновления образовательной парадигмы : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф., ст. Тамань, 12–16 сент. 2013 г. / филиал ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани ; отв. ред. М. Ю. Беляева. — Славянск-на-Кубани, 2014. — С. 86–96.
224. Кривова, Н. И. Значение принадлежности в микротопонимах как выражение особенностей народного мировосприятия / Н. И. Кривова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. — 2016. — № 26. — С. 30–33.
225. Ковалёв, Г. Ф. «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» / Г. Ф. Ковалёв // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф., г. Арзамас, 13–16 сент. 2016 г. / Арзамасский филиал ННГУ ; под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна. — Арзамас; Саров, 2016. — С. 338–342.
226. Казанкова, А. А. Названия улиц в сёлах Тамбовской области / А. А. Казанкова, В. Н. Левина // Вопросы географии. — 2018. — № 146. — С. 167–169.
227. Debrrie, R. Les noms de rues traditionnels des communes rurales de la Somme / R. Debrrie // Nouvelle revue d'onomastique. L'Ardenne, l'eau et la forêt. — 1987. — № 9–10. — P. 121–125.
228. Le traitement de l'odonymie au Québec / Présenté par Canada / Neuvième Conférence des Nations Unies sur la normalisation des noms géographiques. — URL: chrome-extension://efaidnbmnnibpcaj-pcglclefindmkaj/https://unstats.un.org/unsd/geoinfo/ungegn/docs/9th-uncsgn-docs/econf/9th_UNCSGN_e-conf-98-108-add1-fr.pdf (date d'accès: 20.12.2021).

229. Мезенко, А. М. Церковные названия внутрипоселенческих объектов в топонимной системе Беларуси: территориальная дифференциация / А. М. Мезенко // *Chrzescijanskie dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Literatura. Język. Kultura. Historia. Ser. V. Monastyczym i mistyczym w literaturze, kulturze i języku Slowian.* — Bialystok, 2021. — S. 393–405.
230. Соловьёв, А. Н. Эндоийконимия бывших районных центров Смоленской области / А. Н. Соловьёв // *Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч. конф., г. Смоленск, 15 июня 2022 г.* / Смол. гос. ун-т ; отв. ред. И. А. Королёва. — Смоленск, 2022. — С.82–89.
231. Голомидова, М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы / М. В. Голомидова // *Вопросы ономастики.* — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 36–61.
232. Аверьянов, А. В. К вопросу о теории и практике реализации топонимической политики в Ростове-на-Дону в 1990-2010-е гг. / А. В. Аверьянов, Г. А. Швидкой // *Русская старина.* — 2023. — 14 (1). — С. 44–54.
233. Голомидова, М. В. Топонимическая политика / М. В. Голомидова // *Социолингвистика.* — 2022. — № 3 (11). — С. 172–177.
234. О наименованиях географических объектов : Закон Респ. Беларусь от 16 нояб. 2010 г. № 190-З // ЭТАЛОН ONLINE: информ.-поисковая система. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11000190> (дата обращения: 20.04.2022).
235. Роговцов, Д. А. Анализ правового регулирования топонимической политики в Республике Беларусь / Д. А. Роговцов // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. статей II Междунар. науч.-практ. конф., 30 нояб. 2018 г., г. Могилёв / Могилёв. гос. ун-т имени А. А. Кулешова ; под ред. Н. В. Пантелейевой. — Могилёв, 2019. — С. 61–65.
236. Introduction à la commission nationale de toponymie. — URL: <https://cnig.gouv.fr/commission-nationale-de-toponymie-a671.html> (date d'accès: 20.04.2022).
237. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр // *Социологическое обозрение.* — 2002. — Т. 2. — № 3. — С. 27–29.
238. Галактионова, Н. А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени И Набережных Челнов) / Н. А. Галактионова // *Регионология.* — 2016. — № 1 (94). — С. 152–163.

239. Разумов, Р. В. Онимическая политика в городском пространстве: проблемное поле и перспективы нормализации / Р. В. Разумов // Социолингвистика. — 2022. — № 3 (11). — С. 120–135.

240. Авраменко, Н. Г. Проблемы и решение проблем в области национальной стандартизации наименований географических объектов Республики Беларусь / Н. Г. Авраменко // Беларуская аманастыка. Гісторыя і сучаснаць : матэрыялы міжнар. навук. конф., г. Мінск, 20 красавіка 2010 г. ; рэдкал.: І. Л. Капылоў [і інш.]. — Mn., 2010. — С. 17–23.

241. Manuel de normalisation nationale des noms géographiques / Groupe d'experts des Nations Unies pour les noms géographiques / Département des affaires économiques et sociales / Division de statistique. — New York : Nations Unies, 2007. — 166 p.

242. Лопух, П. С. Пути решения проблемы нормализации и стандартизации географических названий в Республике Беларусь / П. С. Лопух, Р. Н. Лопух // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 2, Химия. Биология. География. — 2004. — № 3. — С. 87–93.

243. Копач, А. І. Праблема стандартызацыі нацыянальных геаграфічных назваў у кантэксце пауночнаамерыканскага вопыту / А. І. Копач // Беларуская лінгвістыка. — 2010. — Вып. 64. — С. 53–59.

244. Капылоў, І. Л. Унармаванне нацыянальнай тапаніміі Беларусі ў кантэксце дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя / І. Л. Капылоў // XV Міжнар. з'езд славістаў, г. Мінск, 20–27 жн. 2013 г. — Т. 1. Мовазнаўства. — Mn.: Беларуская навука, 2013. — С. 338.

245. Руководство по национальной стандартизации географических названий / Группа экспертов ООН по географическим названиям / Глава I: Определения и стандартизация. — URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/geo/ch1.shtml> (дата обращения: 20.04.2022).

246. Руководство по национальной стандартизации географических названий / Группа экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям. — Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2007. — 172 с.

247. Региональные языки во Франции становятся национальным достоянием и получают равноправие / Ave France, 2022. — URL: <https://avefrance.com/novosti/regionalnye-jazyki-vo-francii-ravnopravie/> (дата обращения: 06.03.2022).

248. Langues régionales / Ministère de la culture [site]. — URL: <https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-française-et-langues-de-France/Nos-missions/Promouvoir-les-langues-de-France/Langues-regionales?limit=20> (date d'accès: 06.03.2022).

249. La toponymie dans les langues régionales ou minoritaires : guide pour les communes. — Conseil de l'Europe, 22 p.

250. Présentation du dispositif / Office pour la Langue et les Cultures d'Alsace et de Moselle. — URL: <https://www.olcalsace.org/fr/faire-vivre-et-impulser/soutien-aux-projets/presentation-du-dispositif/> (date d'accès: 06.03.2022).

251. L'alsacien a droit de rue à Strasbourg / Libération. — URL: https://www.liberation.fr/vous/1995/03/31/l-alsacien-a-droit-de-rue-a-strasbourg_125365/?utm_source=pocket_mylist (date d'accès: 06.03.2022).

252. Des plaques de rue d'Obernai en Alsacien / Obernai.fr. — URL: https://www.obernai.fr/Fr/Divertir/Histoire-Patrimoine/Plaques-rue-en-Alsacien.html?utm_source=pocket_mylist (date d'accès: 06.03.2022).

253. Mulhouse : une rue sur trois est désormais traduite en alsacien / france3-regions.francetvinfo.fr. — URL: https://france3-regions.francetvinfo.fr/grand-est/haut-rhin/mulhouse/mulhouse-une-rue-sur-trois-est-desormais-traduite-en-alsacien-2466724.html?utm_source=pocket_mylist (date d'accès: 06.03.2022).

254. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Брэсцкая вобласць: нарматыўны даведнік / [І. А. Гапоненка і інш.]. Мн : Тэхналогія, 2010. — 318 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцеб. вобл.: нармат.давед. / У. М. Генкін Д. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова; пад рэд. В. П. Лемцюговай. — Мінск : Тэхналогія, 2009. — 669 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Гомельская вобласць: нарматыўны даведнік / [Камітэт па зямельных рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, Рэспубліканская тапанімічная камісія пры Нацыянальной акадэміі навук Беларусі. Мн. : Тэхналогія, 2006. — 382 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Гродзен. вобл.: Нармат. давед. / І. А. Гапоненка, В. П. Лемцюгова, Л. Л. Янушкевіч, С. А. Янушкевіч. Мн. : Тэхналогія, 2004. — 469 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Мін. вобл.: Нармат. давед. / І. А. Гапоненка, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова і інш. Мн. : Тэхналогія, 2003. — 604 с.; Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь.

Магілёўская вобласць: нарматыўны даведнік / І. А. Гапоненка і інш. Мн. : Тэхналогія, 2007. — 406 с.

255. Direction générale de la poste. Dictionnaire des postes aux lettres contenant, dans un ordre alphabétique général, les noms des villes, communes et principaux lieux habités de la France : avec l'indication de leur population... des relais de poste qui y sont établis ; suivi d'un état des principales villes ou pays étrangers et des colonies, indiquant les conditions de l'affranchissement des lettres. Paris : de l'imprimerie royale, 1837. — 883 p.

256. Nadiras, S. À propos d'une collection érudite: les Dictionnaires topographiques départementaux / S. Nadiras // Archives nationales, carnet de recherche. — URL: <https://labarchiv.hypotheses.org/153> (date d'accès: 06.03.2022).

257. Roblin, M. Pour l'hagiotoponymie française. Un instrument défectueux : le Dictionnaire topographique de la France / M. Roblin // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 9e année. — 1954. — № 3. — P. 342–346. — URL: <https://doi.org/10.3406/ahess.1954.2294> (date d'accès: 06.03.2022).

258. Dictionnaire topographique de la France comprenant les noms de lieux anciens et modernes [site]. — URL: <https://dicotopo.cths.fr/> (date d'accès: 06.03.2022).

259. Baquol, J. L'Alsace ancienne et moderne, ou Dictionnaire topographique, historique et statistique du Haut et du Bas-Rhin / J. Baquol. — éd. entièrement refondue par P. Ristelhuber. — Strasbourg : Salomon, 1865. — 644 p.

260. Longnon, A. Dictionnaire topographique du département de la Marne : comprenant les noms de lieu anciens et modernes / A. Longnon ; réd. par A. Longnon, ... ; publ. par ordre du ministre de l'Instruction publique ; et sous la dir. du Comité des travaux historiques. — Paris : Impr. Nationale, 1891. — 380 p.

261. Наименования географических объектов / Государственный каталог наименований географических объектов Республики Беларусь. — URL: http://gki.gov.by/ru/activity_branches-maps-mcatalog/?utm_source=pocket_mylist (дата обращения: 06.03.2022).

262. Мезенко, А. Стабильность и изменчивость урбанонимной подсистемы языка (на примере урбанонимикона Полоцка) / А. Мезенко // Studia wschodniostowiańskie. — 2009. — Т. 9. — С. 157–166.

263. Chabert, F.-M. Dictionnaire topographique, historique et étymologique des rues, places, ponts, et quais de la ville de Metz / F.-M. Chabert. — 3e éd. — Metz et Nancy : tous les libraires, 1878. — 83 p.

264. Chabert, F.-M. Dictionnaire topographique, historique et étymologique des rues, places, ponts, et quais de la ville de Metz / F.-M. Chabert. — éd. commentée et illustrée avec plan. — Marly : Éditions Jalon, 2018. — 94 p.
265. Wagner, S. Dictionnaire historique des rues de Metz / S. Wagner. — Metz : Éditeur Serpenoise, 2009. — 348 p.
266. Taute, S. Dictionnaire des rues de Charleville-Mézières / S. Taute. — Charleville-Mézières : édition de la ville de Charleville-Mézières, 1972. — 24 p.
267. Cuny, J.-M. Promenades en ville-vieille de Nancy : historique, anecdotes, dictionnaire des noms de rues / J.-M. Cuny. — Malzéville : J.-M. Cuny, 1974. — 143 p.
268. Cuny, J.-M. Dictionnaire des rues de Nancy / J.-M. Cuny. — Nancy : J.-M. Cuny, 2001. — 259 p.
269. Daul, L. Dictionnaire historique des rues de Strasbourg / L. Daul, T. Rieger, M. Moszberger. — Barr : le Verger éd., impr., 2012. — 575 p.
270. Saint-Mars, E. Dictionnaire historique des noms de rues de Troyes / E. Saint-Mars. — Troyes : Editeur Maison Du Boulanger, 2022. — 256 p.
271. Guide du voyageur à Reims : Illustré des plans de Reims ancien et moderne et des vues de ses principaux monuments. — 2e éd. — rev. et augm. — Reims : Brissart-Binet, 1864. — 150 p.
272. Demaison, L. 1929, Les noms des rues de Reims / L. Demaison. — Reims : Matot-Braine. — 11 p.
273. Seltzer, P. Les rues de Reims : ce qu'elles nous racontent de la ville et de ses habitants / P. Seltzer. — Reims : Éditions Matot-Braine, 1975. — 151 p.
274. Tarbé, Pr. Reims. Ses rues et ses monuments / Pr. Tarbé. — Marseille : Laffitte Reprints, 1978. — 494 p.
275. Tarbé, Pr. Reims : essais historiques sur ses rues et ses monuments / Pr. Tarbé. — Paris : Res Comédit, 1994. — 494 p.
276. Pellus, D. Reims à travers ses rues, places et monuments / D. Pellus. — Roanne : Editions Horvath, 1983. — 270 p.
277. Thuret, J.-Cl. Reims : rues et lieux / J.-C. Thuret. — Reims : Jean-Claude Thuret, 2011. — 421 p.
278. L'Huillier, H. Bar-le-Duc : Ses rues, places et ponts, leurs dénominations, renseignements historiques et descriptifs. Préface et supplément par Jules Forget / H. L'Huillier, J. Forget. — Bar-le-Duc : Imprimerie Contant-Laguerre, 1936. — 320 p.

279. Duménil, G. Bar-le-Duc: ses rues, places, ponts et cours d'eau / G. Duménil. — Bar-le-Duc : G. Duménil, 2018. — nouvelle éd. / mises à jour de l'édition de 1987. — 270 p.
280. Bossu, J. Chronique des rues d'Épinal / J. Bossu. — Épinal : Jeune chambre économique d'Épinal et de sa région, Éditeur scientifique, 1977. — 226 p.
281. Scherlen, Aug. Topographie du Vieux Colmar / Aug. Scherlen. — Colmar : Association pour la restauration des édifices historiques de Colmar, 1996. — 573 p.
282. Barbier, J.-P. Rues et lieux de Châlons-en-Champagne (historique des noms de / J.-P. Barbier, B. Bourg-Broc. — Langres : D. Guéniot, impr., 2007. — 269 p.
283. Du boulevard à la ruelle Les noms de rues de la Ville de Strasbourg : Répertoire bilingue avec les noms traditionnels en langue régionale / Conseil de l'Europe. — 3e éd. — 2019. — 117 p.
284. Corrard de Bréban, A.-H.-F. Les rues de Troyes anciennes et modernes : revue étymologique et historique, avec un plan / A.-H.-F. Corrard de Bréban. — Troyes : Bouquot; 1857. — 152 p.
285. Courbe, Ch. Promenades historiques à travers les rues de Nancy au XVIIe siècle, à l'époque révolutionnaire et de nos jours. Recherches sur les hommes et les choses de ces temps / Ch. Courbe. — Nancy : l'auteur, 1883. — 470 p.
286. Courbe, Ch. Les rues de Nancy du XVIe siècle à nos jours / Ch. Courbe, L. Lallement. — Nancy : Impr. Lorraine, 1885–1886. — V. 1. — 355 p. — V. 2. — 331 p. — V. 3. — 299 p.
287. Badel, E. Dictionnaire historique des rues de Nancy de 1903 à 1905. / E. Badel. — Nancy : Imprimerie Louis Kreis, 1904–1906. — T. 1. — 442 p. — T. 2. — 523 p.
288. Badel, E. Les nouvelles rues de Nancy de 1906 à 1909 / E. Badel. — Malzéville : Imprimerie E. Thomas, 1909. — 96 p.
289. Cerf, Ch. Le Vieux Reims, vieilles maisons de la ville de Reims, sculptures, statues, ... anciennes enseignes, étymologie des noms de rues avec une idée du vieux Reims en 1328 / Ch. Cerf. — Reims : impr. de A. Lagarde, 1875. — 168 p.
290. Reuss, R. Vieux noms et rues nouvelles de Strasbourg : causeries biographiques d'un flâneur / R. Reuss. — Strasbourg : Treuttel et Wurtz, 1883. — 463 p.
291. О геодезической и картографической деятельности : Закон Респ. Беларусь от 14 июля 2008 г. № 396-З : с изм. и доп. от

13 декабря 2021 г. № 132-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100132&p1=1&p5=0> (дата обращения: 20.04.2022).

292. Рекомендации по принятию решений в отношении присвоения наименований элементов улично-дорожной сети / Национальное кадастровое агентство. — URL: <https://nca.by/about/activity/adresnaya-sistema-respubliki-beloruss/reestr-naimenovaniy-ulits-i-dorog/rekomendatsii-po-prinyatiyu-resheniy/> (дата обращения 20.04.2022).

293. Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства : Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 154-3 : с изм. и доп. от 31 декабря 2014 г. № 229-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H19800154> (дата обращения: 20.04.2022).

294. Техническая инструкция по передаче наименований географических объектов с белорусского языка на русский язык : утв. гос. комитетом по имущ. Респ. Беларусь 07.09.11. — 27 с. // Национальное кадастровое агентство. — URL: chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://nca.by/upload/media/library/24f/vyz8dno0r057osu283ucwjakbd3g4eyq/Prikaz-GKI-ot-07.09.2011-N-284.pdf (дата обращения: 20.04.2022).

295. Об утверждении Инструкции по транслитерации географических названий Республики Беларусь буквами латинского алфавита : постановление Гос. комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии Респ. Беларусь от 23 ноября 2000 г. № 15 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W20004488> (дата обращения: 20.04.2022).

296. Уточнены правила транслитерации географических названий / Государственный комитет по имуществу Респ. Беларусь. — URL: <http://gki.gov.by/ru/about-press-news-ru/view/utochneny-pravila-transliteratsii-geograficheskix-nazvanij-10027/> (дата обращения: 20.04.2022).

297. Арутюнова, Е. В. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) / Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2021. — Т. 80. — № 1. — С. 21–41.

298. Ирина Бородич: «В Беларуси изменится порядок ведения адресной системы» / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2015/july/5849/?utm_source=pocket_saves (дата обращения: 20.04.2022).

299. Загадки минской топонимики: самые странные улицы города / Onliner. — URL: <https://realt.onliner.by/2014/10/27/streets> (дата обращения: 20.04.2022).

300. Об учете в работе с наименованиями географических объектов : решение Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 13.04.2015 № 5-11/2323 // Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь. — URL: <chrome-extension://efaidnbmnnibprcajpcgclefindmkaj/https://gki.gov.by/upload/s/files/new%20structure/napravleniya/geodezia%20i%20kartografia/reshenie.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).

301. Дорофеенко, М. Л. Внутрипоселенческая топонимия Беларуси и Франции в историко-культурном пространстве регионов : словарь внутригородских и внутрисельских названий / М. Л. Дорофеенко. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. — 190 с.

302. В более 1,8 тыс. названий улиц обнаружены ошибки за прошлый год в Беларуси. — URL: https://minsknews.by/v-bolee-1-8-tyis-nazvaniy-ulits-obnaruzhenyi-oshibki-za-proshlyiy-god-v-belarusi/?utm_source=pocket_mylist (дата обращения: 20.04.2022).

303. Какие ошибки можно обнаружить в названиях минских улиц. — URL: <https://minsknews.by/kakie-oshibki-mozhno-obnaruzhit-v-nazvaniyah-minskih-ulic/> (дата обращения: 20.04.2022).

304. Откуда ошибки в названиях гомельских улиц? — URL: <https://progomel.by/auto/road/2017/10/17328.html> (дата обращения: 20.04.2022).

305. О названиях улиц. — URL: <https://www.sb.by/articles/ulitsa-odna-nazvaniy-skolko-khochesh.html> (дата обращения: 20.04.2022).

306. Ошибку на новых адресных табличках в районе ж/д вокзала исправят в течение дня. — URL: <https://minsknews.by/oshibku-nanovyih-adresnyih-tablichkah-v-rayone-zh-d-vokzala-ispravyat-v-techenie-dnya/> (дата обращения: 20.04.2022).

307. Когда в Минске появятся адресные таблички единого образца. — URL: <https://minsknews.by/kogda-v-minske-poyavyatsya-adresnyie-tablichki-edinogo-obraztsa/> (дата обращения: 20.04.2022).

308. Plaques de rues: quand l'erreur est dans la place / BFMTV. — URL: https://www.bfmtv.com/societe/plaques-de-rues-quand-l-erreur-est-dans-la-place_AN-201604200069.html (date d'accès: 20.04.2022).

309. Des erreurs à tous les coins de rue / La Dépêche/ — URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2016/08/13/2400183-des-erreurs-a-tous-les-coins-de-rue.html> (date d'accès: 20.04.2022).

310. Essonne. Impairs orthographiques et historiques dans les nouvelles plaques de rue de Ris-Orangis / Actu.fr. — URL: https://actu.fr/ile-de-france/ris-orangis_91521/essonne-impairs-orthographiques-historiques-dans-nouvelles-plaques-rue-ris-orangis_31152371.html (date d'accès: 20.04.2022).

311. Rue des plaques fautées. — URL: <http://www.ruedesrues.com/fautes/> (date d'accès: 20.04.2022).

312. Nouvelles adresses : attention aux erreurs ! / [www.saintmartindelif.fr](https://www.saintmartindelif.fr/nouvelles-adresses-attention-aux-erreurs/) — URL: <https://www.saintmartindelif.fr/nouvelles-adresses-attention-aux-erreurs/> (date d'accès: 20.04.2022).

313. Différenciation, décentralisation, déconcentration et simplification : la loi du 21 février 2022 № 2022-217 / Le Sénat. — URL: <https://www.senat.fr/dossier-legislatif/pjl20-588.html> (date d'accès: 20.04.2022).

314. Nommer et numéroter les rues : les principes à connaître / Maires de France / Maires de France. — URL: <https://www.mairesdefrance.com/pratique/nommer-numeroter-rues-principes-conna%EF%BF%BDtre-article-1812-0> (date d'accès: 20.04.2022).

315. Musset, R. L'orthographe des noms de communes et des noms de cours d'eau / R. Musset // Annales de Normandie. — 1962. — 12e année. — №2. — P. 63–68.

316. Code typographique / Choix de règles à l'usage des auteurs et des professionnels du livre publié sous les auspices de la Société amicale des protes et correcteurs d'imprimerie de France : in 16 v. — Bordeaux : imprimeries Delmas, Chapon, Gounouilhou. — 1928. — 1 vol. — 128 p.

317. Code typographique // Revue des Études Anciennes. — 1928. — T. 30. — №4. — P. 342.

318. Ressources Toponymie / Conseil national de l'information géolocalisée [site]. — URL: <https://cnig.gouv.fr/ressources-toponymie-a10578.html> (date d'accès : 06.03.2022).

319. Charte orthotypographique du Journal officiel : lois et décrets / Direction de l'information légale et administrative. — 2021. — 27 p.

320. Sakhno, S. Nom propre en russe : problèmes de traduction / S. Sakhno // *Meta Journal des traducteurs. La traduction des noms propres (1) et Langue, traduction et mondialisation : interactions d'hier, interactions d'aujourd'hui.* — 2006 — Vol. 51, № 4. — P. 706–718. — URL: <https://id.erudit.org/iderudit/014336ar> (date d'accès : 06.03.2022).
321. Aslanoff, S. Manuel typographique du russe / S. Aslanoff. — Paris : Institut d'études slaves, 1986. — 256 p.
322. Grass, T. La traduction comme appropriation : le cas des toponymes étrangers / T. Grass // *Meta.* — 2006. — Vol. 51, № 4. — P. 660–670. — URL: <https://doi.org/10.7202/014333ar> (date d'accès: 20.04.2022).
323. Mandola, M. Les équivalents français des noms géographiques polonais : l'exonymisation en français des toponymes du territoire de la Pologne / M. Mandola // *Littératures. Université Rennes 2.* — 2017. — URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01585303> (date d'accès : 06.03.2022).
324. Mathieu-Colas, M. La majuscule flottante. Remarques sur l'orthographe des noms propres composés (type 'N Adj') / M. Mathieu-Colas // *Bulletin de linguistique appliquée et générale.* — 1998. — 23. — P. 123–144. — URL: <https://shs.hal.science/halshs-00433849> (date d'accès: 06.03.2022).
325. Dominguès, C. Écriture des toponymes en français : variations entre normes et usages / C. Dominguès, I. Eshkol-Taravella // *Cahiers de lexicologie Normes linguistiques et terminologiques : conflits d'usages ; sous la dir. de D. Candel et H. Ledouble.* — Paris, 2017. — P. 151–170.
326. Recommandations et observations grammaticales / Commission nationale de toponymie (CNT). — URL: <chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cnig.gouv.fr/IMG/pdf/cnt-grammaire-recommandation.pdf> (date d'accès: 20.04.2022).
327. Base Adresse Nationale. — URL: <https://adresse.data.gouv.fr/base-adresse-nationale#4.4/46.9/1.7> (date d'accès: 20.04.2022).
328. Grammaire 'aidenet'. Dossier grammaire / Écriture du nom des RUES (475a). — URL: <http://www.aidenet.eu/grammaire06a.htm> (date d'accès: 18.09.2023).
329. Пушкарёва, Ю. Г. Урбанонимия г. Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Пушкарёва Юлия Геннадьевна ; Вост.-Сиб. гос. ун-т технологий и упр. — Улан-Удэ, 2013. — 23 с.

330. Романова, Т. Н. Лингвокультурологический аспект годонимикона (на материале названий улиц г. Чебоксары и г. Алатырь) / Т. Н. Романова, Н. А. Фёдорова // Вестник Чувашского университета. — 2015. — № 4. — С. 262–266

331. Мезенко, А. М. Белорусские виконимы в контексте современной культуры / А. М. Мезенко // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., г. Минск, 6–7 апр. 2006 г. / Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы» ; отв. ред. И. С. Ровдо. — Минск, 2006. — Ч. 1. — С. 135–137.

332. Сударь, Г. С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Сударь Галина Станиславовна ; Моск. гос. ун-т. — Москва, 2004. — 19 с.

333. Волошкина, И. А. Французские топонимы: лингвокультурологический аспект : монография / И. А. Волошкина. — Белгород : Издательство: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2023. — 280 с.

334. Дамбуев, И. А. Ойконимия Циркумбайкальского региона: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Дамбуев Игорь Александрович ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ, 2004. — 19 с.

335. Васильева, Т. Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Васильева Татьяна Юрьевна ; НАН РБ. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы. — Минск, 2014. — 23 с.

336. Шимкевич, Н. В. Русская коммерческая эргонимия: pragматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шимкевич Николай Валерьевич ; Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург, 2002. — 22 с.

337. Вайрах, Ю. В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вайрах Юлия Викторовна; Бурят гос. ун-т. — Улан-Удэ, 2011. — 24 с.

338. Галиуллина, Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Галиуллина Гульшат Раисовна ; Казан. гос. ун-т. — Казань, 2009. — 43 с.

339. Зубкова, Л. И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Расputина и В. Шукшина) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Зубкова Людмила Ивановна ; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2009. — 40 с.
340. Школьникова, М. В. Лингвокультурологический аспект антропонимического пространства романа А.С. Иванова «Тени исчезают в полдень» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Школьникова Марина Владимировна ; Тюменск. гос. ун-т. — Тюмень, 2010. — 22 с.
341. Ловянникова, В. В. Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ловянникова Виктория Васильевна ; Кабард.-балкарск. гос. ун-т. — Нальчик, 2008. — 24 с.
342. Фоменко, О. А. Неофициальные имена собственные в современном американском английском языке (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Фоменко Ольга Алексеевна ; Волгогр. гос. ун-т. — Волгоград, 2003. — 18 с.
343. Тлехатук, С. Р. Зоонимы в русском и адыгейском языках : семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.02 / Тлехатук Су-санна Руслановна ; Адыг. гос. ун-т. — Майкоп : РГБ, 2001. — 169 л.
344. Ражина, В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и pragматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ражина Виктория Александровна ; Кубанск. гос. ун-т. — Краснодар, 2007. — 19 с.
345. Бубнова, Н. В. Ономастические маркеры единого национального культурного пространства (на основе анализа смоленского материала) / Н. В. Бубнова // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; редкол.: В. Л. Васильев [и др.]. — Великий Новгород, 2019. — С. 14–18.
346. Неганова, Г. Д. Хоронимы костромского края через призму языка культурного ландшафта / Г. Д. Неганова // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; редкол.: В. Л. Васильев [и др.]. — Великий Новгород, 2019. — С. 240–245.

347. Русанова, И. Ю. Проблемы выявление и описание национально-культурного компонента в структуре значения эргонима / И. Ю. Русанова // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., г. Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 г. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; редкол.: В. Л. Васильев [и др.]. — Великий Новгород, 2019. — С. 95–99.
348. Юе, Ц. Топонимический образ в зеркале чужой культуры: экспериментальное исследование / Ц. Юе // Современная наука: актуальные проблемы. — 2021. — № 6. — С. 185–189.
349. Попов, С. А. Топонимический мартиолог региона как часть национального культурного пространства Российской Федерации / С. А. Попов // Социолингвистика. — 2022. — № 3 (11). — С. 104–119.
350. Хабибуллина, Ф. Я. Национальные и заимствованные географические онимы в региональном лингвокультурном пространстве : монография / Ф. Я. Хабибуллина, И. Г. Иванова. — Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2022. — 178 с.
351. Лань, Л. Отражение культурного ландшафта в городской топонимии Чэнду (Китай) / Л. Лань // Российский лингвистический бюллетень. — 2023. — № 5 (41). — 39. — URL: chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elibrary.ru/download/elibrary_53741210_77414529.pdf (дата обращения: 09.10.2024).
352. Ильин, Д. Ю. Реализация национально-культурного компонента в региональном топонимиконе / Д. Ю. Ильин // Филология и человек. — 2011. — №2. — С. 95–104.
353. Катермина, В. В. Имя собственное как носитель национально-культурной информации / В. В. Катермина // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2017. — № 4. — С. 166–174.
354. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М. : Русский язык, 1980. — 320 с.
355. Шерстюкова, Е. В. Национально-культурный аспект функционирования имен собственных (на материале немецкого языка) / Е. В. Шерстюкова, А. А. Колесников, А. П. Пересыпкин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 1 (5) : в 2-х ч. — Ч. I. — С. 227–229.
356. Бубнова, Н. В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян : автореф. дис. ... канд.

филологических наук : 10.02.01 / Бубнова Нина Викторовна ; Смол. гос. ун-т. — Смоленск, 2011. — 23 с.

357. Бубнова, Н. В. Разрядная принадлежность имен собственных в составе региональных фоновых знаний смолян / Н. В. Бубнова // Проблемы региональной лингвистики: памяти д.ф.н., проф. Т. В. Кирилловой (к 90-летию со дня рождения) : материалы Междунар. науч. конф., г. Тверь, 26–27 апреля 2013 г. / Твер. гос. ун-т. ; редкол.: И. М. Ганжина (отв. ред.) [и др.]. — Тверь, 2013. — С. 96–100.

358. Бубнова, Н. В. Смоленские антропонимы общенационального уровня / Н. В. Бубнова // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зб. навук. арт. / ВДУ імя П.М. Машэрава ; склад. : Г. М. Мезенка, С. У. Нікалаенка ; пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. — Віцебск, 2013. — С. 193–196.

359. Бубнова, Н. В. Ойконимы в составе ассоциативно-культурного фона заглавных онимов Смоленщины и Витебщины / Н. В. Бубнова, Н. А. Максимчук // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Смоленск, 17–18 марта 2015 г. / Смол. гос. ун-т ; отв. ред. И. А. Королёва. — Смоленск, 2015. — С. 19–26.

360. Bouvier, J-C. *Désignations onomastiques et identité culturelle* / J.-C. Bouvier // *Onomastique — Dialectologie : actes du colloque d'onomastique de Loches, Loches, mai 1978* / Société française d'onomastique. — Paris, 1980. — Р. 13–25.

361. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.

362. Сьянова, Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сьянова Елена Ивановна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2007. — 23 с.

363. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — Т. 24 (63). — 2011. — № 2. — Ч. 1. — С. 388–392.

364. Мезенко, А. М. Современный провинциальный урбанонимикон как реализатор кодов культуры / А. М. Мезенко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. : в 2 ч. / Урал. ун-т ;

редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) [и др.]. — Екатеринбург, 2012. — Ч. 1. — С. 119–120.

365. Годуйко, Л. А. Эргоурбонимы как репрезентанты кодов культуры / Л. А. Годуйко, О. А. Корабо // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VII Междунар. науч. конф. «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования», г. Брест, 26–27 ноября 2015 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. — 2016. — Ч. 1. — С. 200–206.

366. Королёва, И. А. Коды культуры в топонимии (на материале топонимов Рославльского района Смоленской области) / И. А. Королёва // Язык и культура: ономастика смоленско-белорусского приграничья : монография. — Смоленск : Принт-Экспресс, 2021. — С. 77–89.

367. Симбирцева, Н. А. Текст культуры и практика его прочтения в истории культуры / Н. А. Симбирцева // Филология и человек. — 2015. — №3 — С. 1–10.

368. Симбирцева, Н. А. Культурологический потенциал категории «текст культуры» / Н. А. Симбирцева // Человек в мире культуры. — 2013. — №: 3. — С. 27–32.

369. Симбирцева, Н. А. Особенности прочтения текста культуры / Н. А. Симбирцева // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 10 (часть 5) — С. 1136–1140. — URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32466> (дата обращения: 06.03.2022).

370. Симбирцева, Н. А. Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели) : монография / Н. А. Симбирцева. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2017. — 272 с.

371. Мезенка, Г. М. Беларускі і рускі тэксты культуры ва урбананімнай прасторы горада Іванава: сужаніны, асаблівасці рэпрэзентацыі / Г. М. Мезенка // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. — 2019. — № 2. — С. 80–83.

372. Соловьёв, А. Н. Этническое разнообразие в современной генитивной урбанонимии Смоленской области / А. Н. Соловьёв // Половиновские чтения. — 2021. — № 15. — С. 149–155.

373. Мезенка, Г. М. Этнічнае ва ўрбананімнай прасторы г. Добруша: пасыллы, асаблівасці рэпрэзентацыі / Г. М. Мезенка, Т. П. Слесарава // Ученые записки. — 2022. — Т. 36. — С. 83–88.

374. Мезенка, Г. М. Урбананімікон Капыля скрэзь прызму маркёраў культуры / Г. М. Мезенка // Ученые записки. — 2021. — Т. 34. — С. 107–111.
375. Émond, C. L'odonymie et l'identité culturelle: discours et perceptions : mémoire / Émond Caroline / Université Laval. — Québec, 2004. — 103 p.
376. Воробьёв, В. В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии / В. В. Воробьёв. — М.: Ин-т русск. языка им. А. С. Пушкина, 1994. — 75 с.
377. Воробьев, В. В. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. В. Воробьев. — М. : изд-во РУДН, 2006. — 330 с.
378. Непомнящих, Н. М. Переход от семантического поля к полю лингвокультурологическому («горец / highlander») / Н. М. Непомнящих // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2016. — № 4. — С. 65–71.
379. Паршина, Н. Д. Методологические особенности изучения периферии лингвокультурологического поля / Н. Д. Паршина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2011. — № 4. — С. 187–190.
380. Козырева, О. А. Когнитивные аспекты исследования лингвокультурологического поля : на материале поля «дом/жилье» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Козырева Ольга Александровна ; Мос. гос. обл. ун-т. — Москва, 2003. — 22 с.
381. Хайруллина, Р. Х. Лингвокультурологическое поле как единство языка и культуры / Р. Х. Хайруллина, В. В. Воробьёв // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 4 (106). — Ч. 4. — С. 78–80.
382. Гостева, И. В. Лингвокультурологическое поле «духовность»: структура и динамика / И. В. Гостева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 36. — С. 34–39.
383. Луткова, Е. С. Результаты исследования лингвокультурологического поля «US College Education» в учебных целях / Е. С. Луткова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2012. — № 2 (10). — С. 101–106.
384. Ангелова, М. М. Лингвокультурологическое поле концепта «монархия» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ангелова Марьяна Марковна ; Моск. пед. гос. ун-т. — М., 2005. — 20 с.

385. Паршина, Н. Д. Лингвокультурологическое поле концепта «Успех» в американском варианте английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Паршина Наталья Дмитриевна ; Моск. пед. гос. ун-т. — М., 2007. — 16 с.

386. Суродина, Н. Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота»: на материале поэтического языка московских концептуалистов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Суродина Наталья Ряфиковна ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 1999. — 20 с.

387. Хасанова, Ф. Х. Лингвокультурологическое поле концепта «туй» в татарской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Хасанова Фануза Хайдаровна ; Татар. гос. гум.-пед. ун-т. — Казань, 2008. — 23 с.

388. Годжаева, Н. С. Лингвокультурологическое поле немецкого концепта SCHICKSAL / Н. С. Годжаева // Вестник Чувашского университета. — 2008. — № 1. — С.142–149.

389. Сорокина, М. О. Лингвокультурологическое исследование поля «погода» в русских говорах Алтая (моделирование фрагмента региональной языковой картины мира) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сорокина Мария Олеговна ; Алтайск. гос. ун-т. — Барнаул, 2004. — 19 с.

390. Канафиев, Р. Н. Структурно-семантический и лингвокультурологический анализ полевой организации лексики (на материале семантического поля Оружие в русском языке) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Канафиев Ринат Нуруллаевич ; Иванов. гос. ун-т. — Иваново, 2005. — 22 с.

391. Калинина, М. В. Лексико-семантическое поле «одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Калинина Маргарита Владимировна ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2008. — 25 с.

392. Бардина, Т. К. Лингвокультурологические особенности лексем семантического поля «одежда» (по произведениям русской литературы XIX века) / Т. К. Бардина // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф., приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д-ра филол. наук, профессора Белгородского гос. ун-та Н. Ф. Алефиренко, г. Белгород, 11–12 янв. 2016 г. — Белгород, 2016. — С. 103–109.

393. Середина, О. Е. Семантические и лингвокультурологические особенности английских фразеологических единиц с семантическим полем «Межличностные отношения» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Середина Ольга Евгеньевна ; Санкт-Петербургский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2001. — 17 с.
394. Коротаева, И. Э. Лексико-семантическое поле «Транспорт» в американском варианте английского языка (лингвокультурологический и переводоведческий аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Коротаева Ирина Эдуардовна ; Моск. гос. лингвист. ун-т. — М., 2004. — 22 с.
395. Русинова, М. А. К лингвокультурологическому анализу лексического поля «Улица» в английском языке / М. А. Русинова // Современные проблемы управления образовательными и социально-экономическими системами : материалы Межрегион. науч.-практ. конф., г. Сургут, 15 мая 2013 г. / СибАДИ. — Омск, 2014. — С. 106–110.
396. Власова, А. Е. Семантические и лингвокультурологические особенности итальянских фразеологических единиц с семантическим полем «межличностные отношения» / А. Е. Власова // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей : сб. науч. ст. / Челяб. гос. ун-т ; под ред. Г. Р. Власян, М. А. Самковой. — Челябинск, 2015. — С. 27–32.
397. Баранова, Е. В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц лексико-семантических полей «Космос» и «Атмосфера земли» в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Баранова Елена Викторовна ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. — Пятигорск, 2013. — 25 с.
398. Думитру, Э. Особенности развития и современное состояние русской геоморфологической терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Думитру Эмиль ; гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. — Москва, 2008. — 24 с.
399. Колесникова, С. М. Лексико-семантическое макрополе «родина» в современном русском языке (на материале национального корпуса русского языка) / С. М. Колесникова, М. Тянь // Преподаватель XX век. — 2023. — № 2. — Ч. 2. — С. 314–322.
400. Колесникова, С. М. Смыслообразующие начала концепта вера как доминанты макрополя «Ценность» в русской лингвокультуре / С. М. Колесникова, М. Тянь // Отечественная филология. — 2024. — № 1. — С. 61–68.

401. Кучинская, Е. А. Макрополе компаративности в научном стиле в современном английском языке (подстиль точных наук) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кучинская Елизавета Александровна ; Минский государственный педагогический институт иностранных языков. — Мин., 1992. — 22 с.
402. Ядрихинская, Е. А. Лексико-семантическое макрополе «l'homme» (человек) индивидуально-авторской картины мира А. Камю (на материале романа А. Камю «Чума») / Е. А. Ядрихинская // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — Вып. 9. — С. 137–140.
403. Мазитова, Е. И. Структурная модель макро- и микрополей концепта «Физическое состояние человека» в современном немецком языке / Е. И. Мазитова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2013. — № 5. — С. 79–84.
404. Юе, Ц. Теоретические основы построения топонимической базы данных с лингвокультурным компонентом (на материале московских годонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Юе Цюй ; Ин-т языкоzn. Рос. акад. наук. — М., 2021. — 21 с.
405. Карпенко, Ю. А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) / Ю. А. Карпенко // Вопросы географии. Местные географические термины. — М., 1970. — Т. 81. — С. 36–45.
406. Мурзаев, Э. М. Географические термины в топонимии Москвы / Э. М. Мурзаев // Вопросы географии : сб. 126. — Географические названия в Москве. — М. : Мысль, 1985. — С. 47–59.
407. Забелин, Н. Ю. Переулок, площадь, бульвар... — улицы / Н. Ю. Забелин // Русская речь. — 2007. — № 2. — С. 98–100.
408. Разумов, Р. В. Географические термины в системах урбанизмов провинциальных городов / Р. В. Разумов // Вопросы ономастики. — 2010. — № 2 (9). — С. 95–100.
409. Мезенко, А. М. Урбанизм континуум — географические термины: роль, устойчивость, историческая изменчивость / А. М. Мезенко // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. — 2023. — Т. 19. — № 3(61). — С. 82–94.
410. Соловьёв, А. Н. Урбанизмические термины и урбанизмы в словаре В.И. Даля / А. Н. Соловьёв // Вопросы ономастики. — 2011. — № 1 (10). — С. 107–113.

411. Качалкова, Ю. А. Лексикографические проблемы урбанизации: на материале названий топообъектов Екатеринбурга и Челябинска / Ю. А. Качалкова // Вопросы ономастики. — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 212–222.
412. Centre national de ressources textuelles et lexicales / odonyme. — URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/odonyme> (date d'accès: 01.11.2022).
413. Rue, avenue, boulevard et autres odonymes / Travaux publics et services gouvernementaux Canada. — URL: https://www.btb.termiumplus.gc.ca/tpv2guides/guides/clefsfp/index-eng.html?lang=eng&lettr=indx_catlog_r&page=9j2ZgwGLyIDo.html (date d'accès: 01.08.2023).
414. Travaux publics et services gouvernementaux Canada / Termes génériques et tournures neutres. — URL: <https://www.btb.termiumplus.gc.ca/redac-chap?lang=fra&lettr=chapsect9&info0=9.1.3> (date d'accès: 01.08.2023).
415. Badariotti, D. Les noms de rue en géographie. Plaidoyer pour une recherche sur les odonymes / Street names, an argument for a geographic research / D. Badariotti // Annales de Géographie. — 2002. — Т. 111. — № 625. — P. 285–302.
416. Beaudi, F. Le processus et les implications de la normalisation terminologique en toponymie québécoise / F. Beaudi : working paper // Group of Experts on Geographical Names. — Eleventh Session. — Geneva, 15–23 October 1984. — № 11. — 12 p.
417. Dorion, H. De la toponymie traditionnelle à une choronymie totale / H. Dorion, L.-E. Hamelin // Cahiers de géographie du Québec. — 1966. — 10 (20). — P. 195–211. — URL: <chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.erudit.org/fr/reviews/cgq/1966-v10-n20-cgq2594/020624ar.pdf> (date d'accès: 01.08.2023).
418. Badariotti, D. Trente millions d'adresses : boulevards et impasses d'une recherche sur la complexité lexicale et spatiale des odonymes / D. Badariotti, F. Pfaender, J.-L. Pinol // Cybergeo: European Journal of Geography, Espace, Société, Territoire, document 983. — 2021. — URL: <http://journals.openedition.org/cybergeo/36989> (date d'accès: 18.09.2023).
419. Гак, В. Г. Новый французско-русский словарь : более 70 000 слов / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. — М. : Русский язык, 1998. — 1174 с.

420. Французско-русский и русско-французский словарь Мультитран [сайт]. — URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=4&l2=2> (дата доступа: 01.11.2022).
421. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [сайт] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.11.2022).
422. Толковый словарь иностранных слов [сайт]. — SLOVARonline, 2010–2025. — URL: <https://foreign.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.11.2022).
423. Щерба, Л. В. Русско-французский словарь / сост.: Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, М. Ф. Дусс. — М. : Государственный ин-т «Советская энциклопедия» ОГИЗ РСФСР, 1936. — 788 с.
424. «Oulitsa», «pereoulok», «prospekt»... ces types de rues à distinguer en Russie. — URL: https://fr.rbth.com/%C3%A9ducation/86434-differents-types-rues-russie?utm_source=pocket_reader (дата обращения: 15.11.2022).
425. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / под ред. А. С. Гавриловой. — М. : Аделант, 2013. — 800 с.
426. Французско-Русский, Русско-Французский словарь / сост.: П. Ларош, Е. Маевская. — М. : ЛацКом, 2013. — 672 с.
427. Разумов, Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Разумов Роман Викторович ; Яросл. гос. пед. ун-т. — Ярославль, 2003. — 22 с.
428. Billy, P.-H. Essai de typologie historique / P.-H. Billy // La toponymie urbaine. Significations et enjeux : actes du Colloque, Aix-en-Provence, 11–12 décembre 1998 / Université d'Aix-Marseille, CNRS ; sous la dir. de J.-C. Bouvier, J.-M. Guillon. — Paris, 2001. — P. 17–41.
429. Aurnague, M. Les entités spatiales dans la langue : étude descriptive, formelle et expérimentale de la catégorisation / M. Aurnague, M. Hickmann, L. Vieu // Agir dans l'espace. — Paris : Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2005. — Chapitre 11. — P. 217–232. — URL: <https://doi.org/10.4000/books.editionsmsmsh.7182> (date d'accès: 25.10.2023).
430. Lejeune, X. L'intérêt de la sociolinguistique dans l'étude de l'espace des sociétés. Conception de l'espace et discours sur l'espace au travers de la langue malgache / X. Lejeune // Travaux de l'Institut Géographique de Reims. — 2004. — Vol. 30. — № 119–120. Les nouvelles approches de

l'espace dans les sciences de l'homme et de la société. Regards disciplinés, regards croisés, transdisciplinarités. — P. 99–113.

431. Viaut, A. Langue et espace / A. Viaut, J. Pailhé ; sous la dir. de A. Viaut et J. Pailhé. — nouv. éd. — Pessac : Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 2010. — 248 p. — URL: <http://books.openedition.org/msha/6444> (date d'accès: 25.11.2023).

432. Juillard, C. L'espace sociolinguistique et les actes de langage / C. Juillard // La linguistique. — 2016. — Vol. 52, № 1. — P. 91–124.

433. Евтушенко, Е. Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Евтушенко Елена Николаевна ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2004. — 24 с.

434. Гринкевич, Ю. В. Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах : на материале пространственно-геометрических концептов круг и квадрат : автореф. дис. ... канд. культур. : 24.00.01 / Гринкевич Юлия Владимировна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2006. — 24 с.

435. Березович, Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Екатеринбург : изд-во Урал., ун-та, 1998. — 338 с.

436. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — М. : Индрик, 2007. — 600 с.

437. Мезенко, А. М. Репрезентация этнокультурной информации в урбанонимии и виконимии / А. М. Мезенко // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние : материалы междунар. метод. семинара, г. Смоленск, 18 нояб. 2010 г. / Смол. гос. ун-т ; под общ. ред. И. А. Королёвой. — Смоленск, 2010. — С. 68–73.

438. Мезенко, А. М. Урбанонимный континуум как упорядоченное семантическое пространство: содержание, особенности организации / А. М. Мезенко // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. к юбилею д-ра филол. наук, проф. А. М. Мезенко ; редкол. : Ю. В. Дулова [и др.]. — Витебск, 2023. — С. 7–13.

439. Голомидова, М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства / М. В. Голомидова // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 11–30.

440. Casado, P. Le terroir de Lacoste, XVIIe — XXe siècles. Approche sociolinguistique et historique / P. Casado // Études éraultaises. — URL: <https://www.etudesheraultaises.fr/publi/le-terroir-de-lacoste-xviiie-xxe-siecles-approche-sociolinguistique-et-historique/> (date d'accès: 25.10.2023).
441. Пушкарёва, Ю. Г. Принципы классификации названий внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарёва // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 116–121.
442. Allée du Schluthfeld (Strasbourg) [site]. — URL: [https://www.archi-wiki.org/Adresse:All%C3%A9e_du_Schluthfeld_\(Strasbourg\)](https://www.archi-wiki.org/Adresse:All%C3%A9e_du_Schluthfeld_(Strasbourg)) (date d'accès: 10.01.2024).
443. Соловьёв, А. Н. Адресная дисфункция в урбанонимии Смоленска / А. Н. Соловьёв // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2022. — С. 131–135.
444. Мангейм — маленькая частичка современной Германии [сайт]. — Holiday.by, 2001–2025. — URL: <https://www.holiday.by/blog/1165> (дата обращения: 10.01.2024).
445. Соловьёв, А. Н. Урбанонимы Смоленской области, образованные от топонимов / А. Н. Соловьёв // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол. : Ю. В. Дулова [и др.]. — Витебск, 2023. — С. 162–166.
446. Bosredon, B. Une ballade en toponymie : de la rue Descartes a la rue de Rennes / B. Bosredon, I. Tamba // Linx. — 1999. — 40. — P. 55-69. — URL: <http://journals.openedition.org/linx/743> (date d'accès: 25.10.2023).
447. Atlas des paysages d'Alsace [сайт]. — URL: <http://www.paysages.alsace.developpement-durable.gouv.fr/spip.php?article37> (date d'accès: 10.12.2023).
448. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; перевод с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачёва. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1986. — Т. II (Е — Муж). — 1986. — 672 с.
449. Цветкова, Е. В. Костромские «красивые» топонимы / Е. В. Цветкова // «И нежный вкус родимой речи ...» : сб. науч. тр., посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Климковой / Арзамас. гос. пед. ин-т; редкол.: Е. Ю. Любова (отв. ред.) [и др.]. — Арзамас, 2011. — С. 494–499.

450. Rue de la Rotlach (Strasbourg). — URL: [https://www.archi-wiki.org/Adresse:Rue_de_la_Rotlach_\(Strasbourg\)](https://www.archi-wiki.org/Adresse:Rue_de_la_Rotlach_(Strasbourg)) (date d'accès: 01.11.2022).

451. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек / Е. Л. Березович ; под ред. А. К. Матвеева. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Книжный дом «ЛИБР ОКОМ», 2009. — 328 с.

452. Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодіна, С. Санько. — Мн. : Беларусь, 2011. — 607 с.

453. Savez-vous quelle est la première rue de Metz qui est devenue piétonne ? [site]. — URL: <https://www.republicain-lorrain.fr/insolite/2023/04/12/savez-vous-quelle-est-la-premiere-rue-de-metz-a-avoir-ete-pietonnisee> (date d'accès: 10.03.2023).

Список публикаций автора монографии (разделов в коллективных монографиях, статей в журналах, материалах конференций), на которые есть ссылки в тексте

1—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Номинативные особенности виконимии белорусско-российского приграничья / М. Л. Дорофеенко // Studia Wschodniosłowiańskie. — 2018. — Т. 18. — С. 109–120.

2—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Виконимы, характеризующие свойства и качества линейных объектов (на материале внутрисельских названий Витебщины и Смоленщины) / М. Л. Дорофеенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы Междунар. науч. конф., Смоленск, 23 апреля 2019 г. / Смол. гос. ун-т ; отв. ред. И. А. Королёва. — Смоленск, 2019. — С. 88–92.

3—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Принцип номинации линейного объекта по отношению к другим объектам в виконимии Витебщины и Смоленщины: фреквентативные характеристики / М. Л. Дорофеенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы Междунар. науч. конф., Смоленск, 21 апреля 2020 г. / Смол. гос. ун-т ; отв. ред. И. А. Королёва. — Смоленск, 2020. — С. — 114–119.

4—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Виконимы, отражающие связь с населенным пунктом и его объектами (на материале

внутрисельских названий Витебского и Смоленского районов) / М. Л. Дорофеенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Смоленск, 24 апреля 2018 г. / Смол. гос. ун-т ; редкол. И. А. Королёва (отв. ред.) [и др.]. — Смоленск, 2018. — С. 120–124.

5—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Виконимия белорусско-польского приграничья: номинативный аспект / М. Л. Дорофеекно // Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną : zb. art. / Uniwersytet w Białymstoku ; pod red. L. Citko. — Białystok, 2018. — S. 85–98.

6—ДМЛ. Darafeyenka, M. L. Marqueurs architecturaux dans la toponymie urbaine et rurale de la France / M. L. Darafeyenka // Французский язык на перекрестке культур: актуальные вопросы и перспективы исследования : сб. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : С. В. Николаенко [и др.]. — Витебск, 2019. — С. 12–15.

7—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Имена деятелей культуры в урбанизации Беларуси и Франции / М. Л. Дорофеенко // Studia Wschodniosłowiańskie. — 2020. — Т. 20. —S. 199–206.

8—ДМЛ. Dorofeenko, M. Религиозная лексика в названиях улиц Беларуси и Франции / M. Dorofeenko // Chrześcijańskie dziedzictwo duchowe narodów słowiańskich. Literatura. Język. Kultura. Historia. — 2021. — Ser. V. Monastyryzm i mistyczny w literaturze, kulturze i języku słowian; redakcja nauk. L. Citko i J. Ławski ; współpraca red. Krz. Rutkowski. — Białystok : Wydawnictwo Prymat. — 2021. — S. 417–427.

9—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Историческое время в урбанизации Беларуси и Франции / М. Л. Дорофеенко // Актуальные вопросы сопоставительного изучения языков в условиях билингвизма : коллективная монография, посвященная юбилею профессора И. С. Ровдо / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С. А. Важ-ник (гл. ред.) [и др.]. — Мин. : ИВЦ Минфина, 2023. — С. 179–186.

10—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Номинативные особенности виконимии северо-восточных регионов Беларуси и Франции / М. Л. Дорофеенко // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; сост. : А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеенко, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверинова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. — Витебск, 2018. — С. 82–86.

11—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Городское ономастическое пространство: основные компоненты (на материале внутригородских названий белорусского и французского городов) / М. Л. Дорофеенко // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова : сб. науч. тр. — 2020. — Т. 31. — С. 148—151.

12—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Внутригородская ономастическая терминология в русском и французском языках: сравнительно-сопоставительный аспект / М. Л. Дорофеенко // Журнал Белорусского гос. ун-та. Филология. — 2022. — № 3. — С. 56—66.

13—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Разряды внутригородских названий в белорусской, русской и французской терминологических системах / М. Л. Дорофеенко // Сучаснія праблемы анатастыкі : зб. навук. арт. / Цэнтр даследавання бел. культуры, яз. і літ-ры Ін-та мовазнаўства імя Я. Коласа НАН Беларусі ; навук. рэд. : І. Л. Капылой. — Мн., 2022. — Вып. 1. — С. 67—71.

14—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Синтагматическая организация внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции / М. Л. Дорофеенко // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол. : Ю.В. Дулова [и др.]. — Витебск, 2023. — С. 60—66.

15—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Парадигматическая организация внутрипоселенческой топонимии Беларуси и Франции / М. Л. Дорофеенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Смоленск, 15 июня 2023 г / Смол. гос. ун-т ; редкол. И. А. Королёва (отв. ред.) [и др.]. — Смоленск, 2023. — С. 35—39.

16—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Национально-культурное наследие в урбанонимии Беларуси и Франции / М. Л. Дорофеенко // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 17—20 сентября 2019 г. / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого ; редкол.: В. Л. Васильев [и др.]. — Великий Новгород, 2019. — С. 377—381.

17—ДМЛ. Дорофеенко, М. Пути репрезентации кодов культуры в виконимии белорусско-польского приграничья / М. Л. Дорофеенко // Studia Wschodniosłowiańskie. — 2014. — Т. 14. — С. 179—188.

18—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Виконимия Витебщины и Смоленщины в национально-культурном пространстве регионов / М. Л. Дорофеенко // Феномен родного языка: коммуникативно-

лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Зайцева (отв. ред.) [и др.] ; под общ. ред. И. П. Зайцевой. — Витебск, 2019. — С. 308–313.

19–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Тексты культуры в виконимии Витебской области (на материале оттопонимных внутрисельских названий) / М. Л. Дорофеенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы междунар. науч. конф., Смоленск, 15 июня 2022 г. / Смол. гос. ун-т ; отв. ред. И. А. Королёва. — Смоленск, 2022. — С. 28–32.

20–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Тексты культуры в виконимии Витебской области (на материале отантропонимных внутрисельских названий) / М. Л. Дорофеенко // Запад и Восток в диалоге культур : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. «Запад и Восток в диалоге культур» (г. Липецк, 27–29 апреля 2022 г., и Всерос. науч.-просвет. конф. с междунар. участием «Славянский мир в прошлом и настоящем», Липецк, 26 мая 2022 г. / Липецк. гос. педагог ун-т имени П. П. Семенова-Тян-Шанского ; под общ. ред. В. Б. Царьковой, Е. А. Поповой, А. А. Люлюшина, Е. Г. Труновой. — Липецк, 2022. — С. 184–188.

21–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Тексты культуры в урбанонимии Полоцка (на материале внутригородских названий, соответствующих принципу номинации объекта по связи с другим объектом) / М. Л. Дорофеенко // Этнолігвістика і традиційна культура: дыяхранічны і сінхранічны аспекты міжмоўнага ўзаемадзейння : зб. навук. арт. / НАН Беларуси Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад рэд. Т. М. Аліферчык, Г. В. Алексяевіч. — Мн., 2024. — С. 91–95.

22–ДМЛ. Darafeyenka, M. Odonymie biélorusse : noms des rues actuels, changements nominatifs au cours du XXe siècle / M. Darafeyenka // La variation onomastique. Nomino ergo sum / sous la dir. De M. Tamine. — Paris : L'Harmattan. — 2024. — P. 93–107.

23–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Номенклатурные термины внутрипоселенческой топонимии (на материале ономастических единиц Беларуси и Франции) / М. Л. Дорофеенко // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сб. науч. тр. — 2022. — Т. 36. — С. 165–170.

24–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Структура внутрипоселенческой топонимии (на материале ономастических единиц Беларуси и

Франции) / М. Л. Дорофеенко // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. — 2023. — № 5 (126). — С. 62–67.

25–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Номинативные приоритеты в урбанизации Франции (на материале названий улиц коммуны Лагард) / М. Л. Дорофеенко // Наука — образованию, производству, экономике : материалы 72-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 20 февраля 2020 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. — Витебск, 2020. — С. 121–122

26–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Отражение исторической памяти в урбанизмных меморативах: сопоставительный аспект / М. Л. Дорофеенко // Вести Белорус. гос. педагог. ун-та. Сер. 1. Педагогика. Психология. Филология. — № 4 (118). — 2023. — С. 109–111.

27–ДМЛ. Darafeyenka, M. Espace de mémoire: toponymes urbains de Reims et personnalités illustres / M. Darafeyenka // Liber Amicorum : clins d'oeil linguistiques en hommage à Emilia Hilgert : ouvrage collectif ; sous la dir. de M. Meulleman, S. Palma et A. Theissen. — Reims : Epure, 2020. — P. 201–216.

28–ДМЛ. Darafeyenka, M. L. Noms des peintres dans les toponymes urbains / M. L. Darafeyenka // Французский язык на перекрестке культур: актуальные вопросы и перспективы исследования : сб. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: М. Л. Дорофеенко [и др.]. — Витебск, 2020. — Вып. 2. — С. 17–20.

29–ДМЛ. Darafeyenka, M. Toponymes urbains de Reims et de Vitebsk reflétant l'histoire : fonctions référentielles et mémorielles / M. Darafeyenka // Lexique et référence. «Res per nomen» ; 7 / sous la dir d'Emilia Hilgert [et d'autres]. — Reims : Epure. — 2020. — P. 83–100.

30–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Структура виконимного информационного поля «историческая память» / М. Л. Дорофеенко // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. — 2014. — № 3 (70). — С. 122–128.

31–ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Отражение категорий пространства и времени в виконимии Беларуси / М. Л. Дорофеенко // Ученые записки Таврического национального университета. Серия Филология. Социальные коммуникации. — 2013. — Т. 26 (65). — № 1. — С. 112–116.

32—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Виконимное информационное поле «историческое время»: особенности структуры / М. Л. Дорофеенко // Ученые записки Таврического национального университета. Серия Филология. Социальные коммуникации. — 2014. — Т. 27 (66). — № 1. — Ч. 1. — С. 70–75.

33—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Структура виконимного информационного поля «историческая эпоха» / М. Л. Дорофеенко // Слова ў мове, маўленні, тэксце : зб. навук. арт. маладых вучоных-філолагаў / Брэсц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Я. І. Абрамава [і інш.] ; пад агул. рэд. Н. Р. Якубук. Брэст, 2014. С. 24–26.

34—ДМЛ. Дорофеенко, М. Л. Особенности распространения виконимов-коллективных посвящений / М. Л. Дорофеенко // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования : материалы Междунар. Науч.-практ. конф., г. Смоленск, 17–18 марта 2015 г. / Смол. гос. ун-т. — Смоленск, 2015. — С. 130–134.

Научное издание

ДОРОФЕЕНКО Марина Леонидовна

**ВНУТРИПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ
БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ:
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОЛЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Монография

Технический редактор

Г. В. Разбоева

Корректор

М. В. Орлова

Компьютерный дизайн

Л. В. Рудницкая

Подписано в печать 15.01.2026. Формат 70x100 $1/16$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,09. Уч.-изд. л. 11,67. Тираж 50 экз. Заказ 1.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.